

Сопоставительные исследования

2011

**Центрально-Черноземное региональное отделение
Научно-Методического Совета по иностранным
языкам Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

**Сопоставительные
исследования
2011**

**Продолжающееся
научное издание**

**Воронеж
2011**

УДК 81'1.001

Сопоставительные исследования 2011 – Воронеж: Истоки, 2011. – 195 с.
ISBN

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является восьмым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, проф. О.Н. Чарыкова,
доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Истоки», 2011

ISBN

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

М.А. Стернина, И.А. Стернин
**Сопоставительно-параметрический метод исследования:
возможности и перспективы**

Возникший в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы в середине первого десятилетия 21 века новый метод лингвистических исследований, первоначально называвшийся **параметрическим** (Стернина, Стернин 2009; Стернина 2009), а затем получивший название **сопоставительно-параметрического** (Стернин, Стернина 2010; Стернина, Стернин 2010; Sternina 2010) ставит своей целью объективацию результатов сопоставительных исследований.

Суть данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания национальной специфики языков и концептосфер по отдельным аспектам. Характеристика того или иного языкового или когнитивного явления в рамках соответствующего параметра выражается в виде определенного индекса, представленного в абсолютных числах или процентах. Сопоставление одноименных индексов в разных языках и концептосферах дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления.

За сравнительно небольшой период своего развития сопоставительно-параметрический метод приобрел достаточную популярность и обратил на себя внимание многих лингвистов, занимающихся сопоставительными исследованиями. Достаточно отметить, что на начало второго десятилетия 21 века в его арсенале имеется уже 119 различных формализованных параметров. Большинство из них так или иначе освещались в предыдущих выпусках «Сопоставительных исследований» в 2007-2010 годах. Однако на данный момент, в связи с все увеличивающимся количеством вводимых и используемых индексов, представляется целесообразным провести их систематизацию и представить научной общественности в рамках одной статьи.

Отметим, что предложенные исследователями в рамках сопоставительно-параметрического метода формализованные параметры могут быть подразделены на две группы: *параметры, используемые для собственно сопоставительных исследований, и параметры, используемые для контрастивных исследований*. Начнем с первой, наиболее многочисленной группы, насчитывающей в общей сложности 93 формализованных параметра. Здесь можно выделить следующие подгруппы: индексы для сопоставления лексических группировок (32), индексы для сопоставления семантем (32), индексы для сопоставления концептов (21) и индексы для сопоставления текстов перевода и оригинала (8). Представим каждую из перечисленных подгрупп.

Индексы для сопоставления лексических группировок:

1. *Индекс полисемантичности* – отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004) – выражается в абсолютных числах
2. *Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ* – отношение общего количества семем с семой данной лексической группировки, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству семем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004) – вычисляется в процентах
3. *Индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы* – отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы (Чернова 2006) – вычисляется в процентах
4. *Индекс семантической близости единиц группы* – отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группы (Чернова 2006) – вычисляется в процентах
5. *Индекс яркости подгруппы внутри тематической группы* – отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы (Чернова 2006) – вычисляется в процентах
6. *Индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы поля* – отношение количества лексем, все семены которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Вострикова 2006) – вычисляется в процентах
7. *Индекс семантической противопоставленности единиц поля* – отношение количества лексических единиц, образующих антонимические пары, к общему количеству лексем данного поля (Вострикова 2006) – вычисляется в процентах
8. *Индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля* – отношение количества лексических единиц со стилистической и/или эмоциональной окраской к общему количеству лексем данного поля (Вострикова 2006) – вычисляется в процентах
9. *Индекс представленности одноименных зон поля* – отношение количества лексических единиц в той или иной зоне поля к общему количеству лексем данного поля (Вострикова 2006) – вычисляется в процентах
10. *Индекс первичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008) – вычисляется в процентах
11. *Индекс вторичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008) – вычисляется в процентах
12. *Индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе* – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семемам Д1 и Д2 к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008) – вычисляется в процентах

13. *Индекс однозначности лексем группы* – отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (Колтакова 2008) – вычисляется в процентах
14. *Индекс пересечения разноименных групп* – отношение количества лексем, которые одновременно входят в состав обеих сопоставляемых групп, к общему количеству лексем конкретной группы (Колтакова 2008) – вычисляется в процентах
15. *Индекс денотативной представленности семем* – отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в группе (Баранова /Кривенко/ 2009а) – вычисляется в процентах
16. *Индекс коннотативной представленности семем* - отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в группе (Баранова /Кривенко/ 2009а) – вычисляется в процентах
17. *Номинативная доля* – отношение численного состава отдельной подгруппы к количеству исследованных единиц группы (Баранова /Кривенко/ 2009а) – вычисляется в процентах
18. *Индекс лакунарности* – отношение выявленных лакун к общему числу анализируемых единиц (Прощенкова 2008) – выражается в абсолютных числах
19. *Индекс метафоричности* - отношение количества лексем, которые приобрели метафорическое значение, к общему количеству лексических единиц данной группы (Овчинников 2009) – выражается в абсолютных числах
20. *Индекс фразеологичности* – отношение количества лексем, входящих во ФЕ, к общему количеству лексем данной группы (Овчинников 2009) – выражается в абсолютных числах
21. *Индекс субстантивации* – отношение количества единиц, имеющих субстантивную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
22. *Индекс адъективации* – отношение количества единиц, имеющих адъективную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
23. *Индекс вербализации* – отношение количества единиц, имеющих процессуальную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
24. *Индекс адвербиализации* – отношение количества единиц, имеющих адвербиальную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
25. *Индекс лексикализации* – отношение количества лексических единиц к общему числу единиц данного поля (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
26. *Индекс фразеологизации* – отношение количества фразеологических единиц к общему числу единиц данного поля (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
27. *Индекс субстантивной представленности семантем в группе* – отношение количества субстантивных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011) – вычисляется в процентах

28. *Индекс глагольной представленности семантем в группе* – отношение количества глагольных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011) – вычисляется в процентах
29. *Индекс адъективной представленности семантем в группе* – отношение количества адъективных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011) – вычисляется в процентах
30. *Индекс адвербальной представленности семантем в группе* – отношение количества адвербальных семем в группе к общему количеству семем в группе (Кривенко 2011) – вычисляется в процентах
31. *Средний индекс коммуникативной релевантности денотативных семем в группе* – отношение количества зафиксированных употреблений денотативных (Д1, Д2) семем лексем данной группы к общему количеству исследованных употреблений лексем группы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах
32. *Средний индекс коммуникативной релевантности коннотативных семем в группе* – отношение количества зафиксированных употреблений коннотативных (К1, К2) семем лексем данной группы к общему количеству исследованных употреблений лексем группы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах

Индексы для сопоставления семантем:

1. *Индекс представленности семенного уровня семантического развития слова* – отношение количества производных семем к общему количеству семантических единиц, производных от семемы Д1 рассматриваемой лексемы (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
2. *Индекс представленности словообразовательного уровня семантического развития слова* – отношение количества производных словообразовательных единиц к общему количеству семантических единиц, производных от семемы Д1 рассматриваемой лексемы (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
3. *Индекс представленности фразеологического уровня семантического развития слова* – отношение количества фразеологизмов с данной лексемой к общему количеству семантических единиц, производных от семемы Д1 рассматриваемой лексемы (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
4. *Индекс представленности семенного (словообразовательного, фразеологического) уровня семантического развития слов в группе* – отношение количества производных от всех лексем группы семантических единиц соответствующего уровня к общему количеству производных от лексем группы семантических единиц (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
5. *Индекс продуктивности семантического признака развития слова* – отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от семемы Д1 рассматриваемой лексемы (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
6. *Индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе* – отношение количества производных семантических единиц,

мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных от лексем группы семантических единиц (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах

7. *Совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков* – сумма значений индексов продуктивности одноименных семантических признаков, мотивирующих семантическое развитие сопоставимых лексем (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
8. *Совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* – сумма значений индексов продуктивности эндемичных признаков, мотивирующих семантическое развитие сопоставимых лексем (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
9. *Интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем* – среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем (Портнихина 2011) – вычисляется в процентах
10. *Индекс коммуникативной релевантности семемы* – отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству выявленных употреблений рассматриваемой лексемы ((Баранова /Кривенко/ 2009б) – вычисляется в процентах
11. *Индекс денотативной представленности семантемы* – отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010а) – вычисляется в процентах
12. *Индекс коннотативной представленности семантемы* – отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010а) – вычисляется в процентах
13. *Индекс эндемичности семантемы* – отношение количества эндемичных семем к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010а) – вычисляется в процентах
14. *Индекс субстантивной представленности семантемы* – отношение количества субстантивных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б) – вычисляется в процентах
15. *Индекс глагольной представленности семантемы* – отношение количества глагольных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б) – вычисляется в процентах
16. *Индекс адъективной представленности семантемы* – отношение количества адъективных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б) – вычисляется в процентах
17. *Индекс адвербальной представленности семантемы* – отношение количества адвербальных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010б) – вычисляется в процентах
18. *Индекс лексической полисемии* – отношение количества семем, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2010а) – вычисляется в процентах
19. *Индекс лексико-грамматической полисемии* – отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему

количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2010а) – вычисляется в процентах

20. *Индекс лексико-грамматической вариантности* – отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2010а) – вычисляется в процентах
21. *Индекс денотативной лексико-грамматической полисемии* – отношение количества денотативных семем, демонстрирующих собственно лексико-грамматическую полисемию к общему количеству семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию (Малыхина 2010б) – вычисляется в процентах
22. *Индекс коннотативной лексико-грамматической полисемии* – отношение количества коннотативных семем, демонстрирующих собственно лексико-грамматическую полисемию к общему количеству семем, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию (Малыхина 2010б) – вычисляется в процентах
23. *Индекс денотативной лексико-грамматической вариантности* – отношение количества денотативных семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству семем с лексико-грамматической вариантностью (Малыхина 2010б) – вычисляется в процентах
24. *Индекс коннотативной лексико-грамматической вариантности* – отношение количества коннотативных семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность к общему количеству семем с лексико-грамматической вариантностью (Малыхина 2010б) – вычисляется в процентах
25. *Индекс коммуникативной релевантности денотативных семем в семантеме* – отношение количества зафиксированных употреблений денотативных (Д1, Д2) семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах
26. *Индекс коммуникативной релевантности коннотативных семем в семантеме* – отношение количества зафиксированных употреблений коннотативных (К1, К2) семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах
27. *Индекс коммуникативной релевантности глагольных семем* – отношение количества зафиксированных употреблений глагольных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах
28. *Индекс коммуникативной релевантности субстантивных семем* – отношение количества зафиксированных употреблений субстантивных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах
29. *Индекс коммуникативной релевантности адъективных семем* – отношение количества зафиксированных употреблений адъективных семем к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах
30. *Индекс коммуникативной релевантности семем с семой модального слова* – отношение количества зафиксированных употреблений семем с семой

модального слова к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах

31. *Индекс коммуникативной релевантности лексико-грамматической вариантности семемы* – отношение количества употреблений лексико-грамматических вариантов с семой той или иной части речи к общему количеству зафиксированных употреблений данной семемы (Малыхина 2011а) – вычисляется в процентах
32. *Индекс представленности в семантеме семем с семой модального слова* – отношение количества семем с семой модального слова в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Малыхина 2011б) – вычисляется в процентах

Индексы для сопоставления концептов:

1. *Индекс лексической объективации когнитивного смысла*¹ – отношение когнитивных смыслов, представленных исключительно лексемами, к общему числу когнитивных смыслов (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
2. *Индекс фразеологической объективации когнитивного смысла* – отношение когнитивных смыслов, представленных исключительно фразеологизмами, к общему числу когнитивных смыслов (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
3. *Индекс лексико-фразеологической объективации когнитивного смысла* – отношение когнитивных смыслов, представленных как лексемами, так и фразеологизмами, к общему числу когнитивных смыслов (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
4. *Индекс номинативного разнообразия объективации когнитивного смысла* – отношение количества единиц, выражающих этот смысл, к общему числу номинативных единиц поля (Степанова 2009) – вычисляется в процентах
5. *Индекс яркости когнитивного признака* – устанавливается соотношением количества языковых объективаций данного признака к общему количеству испытуемых (Стернин 2004) – вычисляется в процентах
6. *Индекс представленности когнитивного признака определенного типа, определенного когнитивного компонента, отдельной зоны в концепте в целом (доля когнитивных признаков определенного типа, того или иного макрокомпонента, отдельной зоны в структуре концепта)* – вычисляется как отношение количества признаков данного типа к общему числу когнитивных признаков, образующих концепт (Архарова 2008) – вычисляется в процентах
7. *Индекс когнитивного разнообразия концепта* – вычисляется как отношение количества когнитивных признаков концепта в исходной концептосфере к количеству когнитивных признаков этого концепта в концептосфере сопоставления (Архарова 2008) – выражается в абсолютных числах
8. *Индекс относительной коммуникативной релевантности концепта* – отношение общего числа зафиксированных языковых объективаций

¹ Под когнитивным смыслом понимается компонент концепта, включающий несколько когнитивных признаков, имеющих общую объективацию (Степанова 2009)

концепта в одном языке к общему количеству его объективаций в языке сопоставления (Трущинская 2009) – выражается в абсолютных числах

9. *Индекс современности концепта* – отношение количества признаков современного когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт (Трущинская 2009) – выражается в абсолютных числах
10. *Индекс историчности концепта* – отношение количества признаков исторического когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт. (Трущинская 2009) – выражается в абсолютных числах
11. *Индекс ассертивности концепта* – отношение количества признаков ассертивного когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт. (Трущинская 2009) – выражается в абсолютных числах
12. *Индекс диспозициональности концепта* – отношение количества признаков когнитивного диспозиционального слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт. (Трущинская 2009) – выражается в абсолютных числах
13. *Индекс оценочности концепта* – отношение количества признаков оценочного когнитивного когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт. (Трущинская 2009) – выражается в абсолютных числах
14. Совокупный индекс яркости зоны поля - вычисляется как сумма индексов яркости всех когнитивных признаков, входящих в соответствующую зону концепта. (Дуссалиева 2009) – выражается в абсолютных числах
15. *Индекс когнитивного разнообразия концепта* – отношение количества когнитивных признаков, образующих структуру концепта в одной концептосфере, к количеству когнитивных признаков, образующих концепт в концептосфере сопоставления (Неровная 2009) – выражается в абсолютных числах
16. *Индекс разнообразия когнитивных классификаторов* – отношение количества когнитивных классификаторов одного концепта к количеству когнитивных классификаторов другого (Неровная 2009) – выражается в абсолютных числах
17. *Индекс существенности различий совпадающих когнитивных классификаторов* – отношение количества когнитивных классификаторов, между индексами яркости которых существует существенная разница, к общему количеству совпадающих когнитивных классификаторов (Неровная 2009) – выражается в абсолютных числах
18. *Индекс идентичности структуры концепта* – отношение удельного веса ядра, ближней, дальней и крайней периферий одного концепта, к соответствующим элементам структуры другого концепта (Неровная 2009) – выражается в абсолютных числах
19. *Индекс идентичности содержания концептов* – отношение количества совпадающих признаков двух концептов к общему количеству когнитивных признаков двух концептов (Неровная 2009) – выражается в абсолютных числах

20. *Интегральный индекс идентичности концептов* – отношение количества признаков, совпадающих у нескольких концептов, к сумме их когнитивных признаков (Неровная 2009) – выражается в абсолютных числах
21. *Индекс идентичности яркости совпадающих когнитивных признаков* – процентное отношение совпадающих или незначительно различающихся по яркости когнитивных признаков к общему количеству совпадающих когнитивных признаков концептов (Неровная 2009) – выражается в абсолютных числах

Индексы для сопоставления текстов перевода и оригинала:

1. *Индекс оценочно-прагматического соответствия по параметрам положительной/отрицательной оценки* – выраженное в процентах численное соотношение положительных/отрицательных оценочных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа в тексте оригинала и тексте перевода (Дробышева 2009) – вычисляется в процентах
2. *Индекс эмотивно-прагматического соответствия* – выраженное в процентах численное соотношение эмотивных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа в тексте оригинала и тексте перевода (Дробышева 2009) – вычисляется в процентах
3. *Индекс экспрессивно-прагматического соответствия* – выраженное в процентах численное соотношение экспрессивных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа тексте оригинала и тексте перевода (Дробышева 2009) – вычисляется в процентах
4. *Интегральный индекс коммуникативно-прагматического соответствия* – выраженное в процентах соотношение суммы оценочных, эмотивных и экспрессивных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа в тексте оригинала и тексте перевода. (Дробышева 2009) – вычисляется в процентах
5. *Индекс оценочно-прагматических различий по параметрам положительной/ отрицательной оценки* – выражается в абсолютных числах
6. *Индекс эмотивно-прагматических различий* – выражается в абсолютных числах
7. *Индекс экспрессивно-прагматических различий* – выражается в абсолютных числах
8. *Интегральный индекс коммуникативно-прагматических различий* – выражается в абсолютных числах

Отметим, что последние 4 индекса зависят от четырех предыдущих и вычисляются по формуле $\frac{\sum x.конн.ТП}{\sum x.конн.ТО} - 1$, где $\sum x.конн. ТП / ТО$ – это сумма определенных коннотаций текста перевода / текста оригинала.

Для **контрастивных исследований** в рамках сопоставительно-параметрического метода на данный момент предложено 26 формализованных параметров:

1. *индекс безэквивалентности* – отношение количества безэквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц (Зленко 2004) – выражается в абсолютных числах
2. *индекс эквивалентности* – отношение количества эквивалентных единиц к общему числу исследуемых единиц (Зленко 2004) – выражается в абсолютных числах
3. *индекс относительной номинативной плотности* – отношение количества единиц, номинирующих определенную внеязыковую сферу в исходном языке к количеству аналогичных единиц в языке сопоставления (Чубур 2005) – выражается в абсолютных числах
4. *интегральный индекс национальной специфики лексической группировки* (уточнение введенного И.П. Зленко *индекса национальной специфики*) – определяется совокупностью безэквивалентных единиц и единиц с национальной спецификой семантики в их отношении к общему числу единиц исследуемой группировки (Чубур 2005) [У И.П. Зленко – отношение количества единиц с национальной спецификой семантики к общему числу исследуемых единиц] – выражается в абсолютных числах
5. *индекс денотативной национальной специфики* исследуемой лексико-семантической подсистемы – отношение числа контрастивных пар с денотативной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар (Маклакова 2006) – выражается в абсолютных числах
6. *индекс коннотативной национальной специфики* – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими оценочными и эмоциональными семами к общему числу контрастивных пар исследуемой лексико-семантической группировки (Маклакова 2006) – выражается в абсолютных числах
7. *индекс функциональной национальной специфики* – отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функциональными семами к общему числу контрастивных пар группировки (Маклакова 2006) – выражается в абсолютных числах
8. *индекс множественности соответствий* – количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка, являющегося базисным для контрастивного исследования (Лукина 2008) – выражается в абсолютных числах
9. *индекс денотативной идентичности лексем* – отношение совпадающих денотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем (Лукина 2008) – вычисляется в процентах

10. *индекс коннотативной идентичности лексем* – отношение совпадающих коннотативных к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем (Лукина 2008) – вычисляется в процентах
11. *индекс функциональной идентичности лексем* – отношение совпадающих функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем (Лукина 2008) – вычисляется в процентах
12. *интегральный индекс идентичности лексем* - среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности (Лукина 2008) – вычисляется в процентах
13. *индекс семантико-образной эквивалентности* – отношение числа немецких фразеологизмов, имеющих семантико-образные эквиваленты в русском языке, к общему числу немецких фразеологизмов (Зимина 2007) – выражается в абсолютных числах
14. *индекс семантической эквивалентности* – отношение числа немецких фразеологизмов, имеющих семантические эквиваленты в русском языке, к общему числу немецких фразеологизмов (Зимина 2007) – выражается в абсолютных числах
15. *индекс семантико-образной национальной специфики* – отношение числа немецких фразеологизмов с семантико-образной национальной спецификой к общему числу немецких фразеологизмов (Зимина 2007) – выражается в абсолютных числах
16. *индекс семантической национальной специфики* – отношение числа немецких фразеологизмов с семантической национальной спецификой к общему числу немецких фразеологизмов (Зимина 2007) – выражается в абсолютных числах
17. *индекс фразеологической безэквивалентности* – отношение числа безэквивалентных немецких фразеологизмов к общему числу немецких фразеологизмов (Зимина 2007) – выражается в абсолютных числах
18. *обобщенный индекс национальной специфики семантики* – вычисляется как сумма индексов фразеологической безэквивалентности, семантической национальной специфики и семантико-образной национальной специфики (Зимина 2007) – выражается в абсолютных числах
19. *индекс функционально-стилистической национальной специфики* – отношение контрастивных пар с дифференциальными семами данного типа к общему числу контрастивных пар в исследуемой подгруппе (Киреева 2010) – выражается в абсолютных числах
20. *индекс функционально-территориальной национальной специфики* – отношение контрастивных пар с дифференциальными семами данного типа к общему числу контрастивных пар в исследуемой подгруппе (Киреева 2010) – выражается в абсолютных числах
21. *индекс национальной специфики* – отношение числа контрастивных пар с национальной спецификой, включая безэквивалентные, ко всему количеству рассматриваемых контрастивных пар (Киреева 2010) – выражается в абсолютных числах
22. *Индекс функционально-стилистических различий* - отношение семем с функционально-стилистическими различиями к общему числу семем

- лексической группировки (Павлова 2010) – выражается в абсолютных числах
23. *Индекс функционально-территориальных различий* - отношение семем с функционально-территориальными различиями к общему числу семем лексической группировки (Павлова 2010) – выражается в абсолютных числах
24. *Индекс функционально-частотных различий* - отношение семем с функционально-частотными различиями к общему числу семем лексической группировки (Павлова 2010) – выражается в абсолютных числах
25. *Индекс функционально-временных различий* - отношение семем с функционально-временными различиями к общему числу семем лексической группировки (Павлова 2010) – выражается в абсолютных числах
26. *Индекс функционально-социальных различий* - отношение семем с функционально-социальными различиями к общему числу семем лексической группировки (Павлова 2010) – выражается в абсолютных числах

Определенным этапом в развитии сопоставительно-параметрического метода стала защищенная осенью 2008 г. кандидатская диссертация С.В. Колтаковой (Колтакова 2008), в которой были предложены *шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам*, а также *шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом* (см. Колтакова 2008; Колтакова, Стернина 2009). Согласно первой шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **существенные, заметные, видимые и несущественные**. Шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом характеризует национальную специфику либо как **ярко выраженную** (при преобладании **существенных и заметных расхождений**), либо как **неярко выраженную** (при преобладании **видимых и несущественных расхождений**).

Использование данных шкал для сопоставительных исследованиях дало возможность лингвистам не только выявлять национальные различия по отдельным параметрам, но и оценивать степень выраженности национальной специфики лексических группировок в целом. В результате применения предложенных шкал к сопоставлению разных лексических группировок выяснилась необходимость дополнить их. Так, при проведении исследования групп «Избирательный процесс» в русском и английском языках С.И. Деркач была установлена необходимость дополнить шкалу определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам, выделив в ней **гиперсущественные и сверхгиперсущественные** различия, что, в свою очередь, позволило достроить шкалу выраженности национальной специфики лексических группировок С.В. Колтаковой (Колтакова 2008), еще на одну ступень – если при сравнении двух лексических группировок преобладают **гипер- и сверхгиперсущественные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальная специфика данных групп признается **гипервыраженной** (Деркач 2010).

Возникла также необходимость создать отдельную шкалу для определения национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем разных языков. Так, в диссертационном исследовании Н.А. Портнихиной на основе введенного интегрального индекса национально-специфических различий семантического развития сопоставимых лексем была предложена *шкала степени проявления национальной специфики семантического развития сопоставимых лексем*. Согласно этой шкале, при значении индекса, равном 0, признается **отсутствие национально-специфических различий**, если показатель интегрального индекса находится в пределах от 0,1% до 10%, национально-специфические различия определяются как **заметные**. Если показатель данного индекса варьируется от 10,1% до 30%, различия квалифицируются как **яркие**, при значении данного индекса более 30,1% – как **значительные** (Портнихина 2011).

Интересен также опыт создания шкалы для определения типов межъязыковых соответствий, предложенный Л.В. Лукиной в рамках проведенного ею контрастивного исследования. На основе показателей введенного интегрального индекса идентичности лексем были выделены:

- полные (эквивалентные) соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 100%;
- ближайшие соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 80% и более;
- близкие соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 60% и более;
- дальние соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет менее 60%;
- отсутствие соответствия (безэквивалентные единицы) – интегральный индекс идентичности равен 0 (Лукина 2008).

Отметим, что применение разработанной шкалы позволило создать типологию межъязыковых соответствий, основанную на объективных цифровых показателях.

Достаточно быстрое развитие сопоставительно-параметрического метода, характеризующееся введением все новых и новых формализованных параметров, а также предпринятые попытки создания на основе введенных параметров шкал оценки степени проявления национальной специфики лексических группировок, национальной специфики семантического развития лексем и определения типов межъязыковых соответствий свидетельствуют об эффективности и востребованности данного метода лингвистических исследований. При этом, как показал опыт, большинство разработанных формализованных параметров могут с успехом использоваться не только для сопоставительных, но и для внутриязыковых исследований, что существенно расширяет возможности данного метода.

Перспективы развития сопоставительно-параметрического метода видятся нам в систематизации введенных в его рамках параметров, их обобщении, а также в применении уже существующих и разработке новых шкал оценки национально-специфических различий для характеристики общего и различного в языках с целью создания семантической типологии.

Литература

1. Sternina M.A. Comparative-parametric method in linguistics: how it can help teachers // Enhancing Teacher Effectiveness. Proceedings of the XVIth NATE-Russia Annual Conference. – Chelyabinsk, June 23-26, 2010. - p. 22-24
2. Архарова А.В. Лексико-фразеологическая объективация концепта «провинция» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
3. Баранова /Кривенко/Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках// Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С.18-21.
4. Баранова /Кривенко/ Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Вып. 21. – Воронеж, 2009. – С. 50-52.
5. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
6. Деркач С.И. Номинативная плотность тематической группы «Избирательный процесс» в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С.46-50.
7. Дробышева Т.В. Коммуникативно-прагматический аспект художественного текста ((на материале русских переводов романа Ф.С.Фицджеральда «Великий Гэтсби»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
8. Дуссалиева Э.А. Национальная специфика языковой объективации концепта «мужчина» (на материале русского, татарского и английского языков) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
9. Зимина Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007.
10. Зленко И.П. Национальная специфика семантики слова (контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.
11. Киреева К. О. Национальная специфика семантики наименований профессий и должностей в сфере образования (на материале русского и испанского языков) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010.
12. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
13. Колтакова С.В., Стернина М.А. К вопросу о возможности определения степени проявления национальной специфики лексических группировок// Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. - С. 6-11.
14. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантом наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 54-58.
15. Кривенко Л.А. Лексико-грамматическая полисемия наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем русского и английского языков // Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. – С. 82-85.
16. Кривенко Л.А. Лексико-грамматическая полисемия многосеменных субстантивных лексем русского и английского языков// Культура общения и ее формирование. – Вып. 24. – Воронеж, 2011. – С. 48-51.
17. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований

- речевых событий в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
18. Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
19. Малыхина Н.И. Особенности полисемии наиболее частотных глаголов английского языка// Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. – С. 93-97.
20. Малыхина Н.И. Особенности семантики наиболее частотных глаголов английского языка // Культура общения и ее формирование. – Вып. 23. – Воронеж, 2010. – С. 90-93.
21. Малыхина Н.И К вопросу об определении коммуникативной значимости семем// Культура общения и ее формирование. – Вып. 24. – Воронеж, 2011. – С. 52-56.
22. Малыхина Н.И. Семантические особенности наиболее частотных малосеменных глаголов английского языка // // Язык и национальное сознание. – Вып. 16. – Воронеж, 2011. – С. 59-64
23. Неровная Н.А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов *толерантность, терпимость* в русском и английском языковом сознании): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
24. Овчинников Д.В. Тематическая группа существительных, называющих элементы природного ландшафта, в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование. – Вып 22. – Воронеж, 2009. – С. 19-23.
25. Павлова С.В. Национальная специфика семантики наименований мероприятий развлекательного характера (на материале английского и русского языков) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010.
26. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
27. Прощенкова Н.В. Национальная специфика семантики слова в близкородственных языках (на материале существительных русского и украинского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
28. Степанова Д.А. Взаимодействие лексики и фразеологии в системе языка (на материале наименований *положительных чувств и эмоций* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
29. Стернин И. А., Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод в исследовании языков, концептосфер и культур // Слово есть дело. Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора Ирины Павловны Лысаковой. Т. 1. – СПб.: «Сударыня», 2010. – С. 242-246
30. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – №1. – с. 65-69.
31. Стернина М.А. Параметрический метод сопоставительных исследований // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. -№ 14.- Одеса: «Астропринт», 2009. - С. 16-19.
32. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 3-6.
33. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития// Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3-9.

34. Трущинская А.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта *семья* в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
35. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований *зданий и помещений* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
36. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале наименований *незанятости трудовой деятельностью* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.
37. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

В.Ю. Копров

Модель семантико-функционального сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков

В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы на коммуникативно-прагматическую. Функциональная лингвистика имеет несколько направлений, каждое из которых располагает своей теоретической базой, понятийным аппаратом, методикой анализа и многочисленными реализациями, охватывающими большой языковой материал. Вместе с тем остаётся ещё много спорных вопросов и проблем, связанных с анализом конкретного фактического материала разноструктурных языков. Совершенно очевидно, что для создания практически ориентированного синтаксиса того или иного языка необходимо описать устройство и функционирование всех его предложений. Особую роль при этом играют сопоставительные исследования, поскольку многие синтаксические особенности конкретного языка чётче выявляются при взгляде на него со стороны другого языка.

С середины 70-х годов прошлого века в рамках теоретико-лингвистической школы, основанной профессором Воронежского государственного университета З.Д. Поповой (Теоретико-лингвистическая школа), в особое направление начал складываться **семантико-функциональный сопоставительный синтаксис** разноструктурных языков.

Первоначально в центре внимания находились простые глагольные предложения русского и английского языков, затем сфера научных поисков расширилась до сопоставления целых синтаксических систем русского, английского и венгерского языков (Копров 2000; 2010). Изложенная в указанных работах методика многоаспектного анализа семантико-структурного устройства и функционирования предложения была апробирована в многочисленных публикациях, докладах на конференциях, в серии защищённых на материале русского, германских и романских языков кандидатских диссертаций и в коллективной монографии (Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис 2011).

Теоретические основы нашей **модели** семантико-функционального сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков заключаются в следующем.

1. Прежде всего, поясним наше отношение к некоторым неоднозначным терминам.

1.1. Термины «высказывание», «предложение» и «синтаксическая конструкция» используются нами как синонимичные с одной оговоркой. В общем плане мы обычно относим к рассматриваемому синтаксическому материалу «нейтральный» термин **предложение**. При анализе функционирования предложения в речи мы предпочитаем термин **высказывание** (или **предложение-высказывание**). Если же речь идёт о структуре предложения, о её компонентах и конструктивных особенностях, то мы говорим о **синтаксической конструкции**. Таким образом, не противопоставляя язык и речь, мы считаем, что это не два разных объекта исследования, а один объект, взятый с разных его сторон.

1.2. В наших работах используется термин **«семантико-функциональный»** вместо более привычного для многих грамматистов **«функционально-семантический»** (семантико-функциональный синтаксис, семантико-функциональная категория, семантико-функциональное поле). На наш взгляд, первый термин точнее отражает характер и общую направленность проводимого исследования – от семантики грамматических форм к их функционированию.

2. Практические потребности обучения иностранным языкам и переводу выдвинули на передний план выявление «механизмов», которые обеспечивают адекватное оформление языковыми средствами отражённых сознанием **предметных ситуаций** (ситуативный подход к предложению).

3. Ориентация данного подхода на выход в коммуникацию обусловила ведущую роль **синтаксиса** как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка: здесь очень востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики, о частеречной классификации лексики, лексико-грамматических разрядах слов и т.д.

Из двух основных путей описания синтаксиса – от лексических и морфологических форм как элементов предложения к самому предложению или от предложения к его лексическим и морфологическим составляющим – мы выбираем второй путь: **от предложения** как многоаспектной единицы к его разноуровневым компонентам.

4. Создание практически ориентированного семантико-функционального синтаксиса требует разработки **типовологии предложения**, которая давала бы ясное представление о синтаксической системе данного языка и о том, какие конструкции обеспечивают в нём тот или иной участок синтаксической семантики.

5. Поскольку одно и то же содержание часто может быть реализовано несколькими языковыми формами, в процессе коммуникации говорящий часто стоит перед проблемой выбора той единицы, которая более всего соответствует его речевой интенции и ситуации общения. То, что носитель изучаемого языка получает в детстве в ходе своей социализации, неноситель языка должен получить в виде **схемы выбора** той или иной вариантной формы. Поэтому для семантико-функционального синтаксиса чрезвычайно важно выявить и описать существующие между синтаксическими конструкциями отношения (вариантность, синонимию, дополнительность).

6. Специфика семантико-функционального синтаксиса того или иного языка может быть выявлена только при его **сопоставлении** с другими языками, что

обуславливает сопоставительно-типологический характер нашей модели.

6.1. Известно, что в процессе овладения иностранным языком учащийся (сознательно или неосознанно) обращается к системе **родного** языка, к тем языковым категориям, посредством которых в его сознании отражается объективная действительность. При системном учёте в учебном процессе результатов сопоставительного анализа единиц родного и изучаемого языков родной язык из «неизбежного и беспощадного конкурента иностранного языка» становится опорой усвоения значений его структур (Гальперин 1972, с. 67).

6.2. Хотя многие грамматические категории представляют собой межъязыковые универсалии, при обучении иностранному языку не происходит простого переноса таких категорий в систему изучаемого языка – овладение иностранным языком идёт скорее по линии **коррекции** уже имеющихся у студента знаний. Каждая новая единица иностранного языка как бы попадает в уже готовую «ячейку» означаемого и размещается в ней вследствие общности семантики знаковых систем языков. В тех случаях, когда подходящая ячейка не обнаруживается, она легко создаётся с помощью арсенала средств мышления, который базируется на владении родным языком (Шубин 1963, с. 60).

6.3. Для оптимизации этого процесса факты изучаемого и родного языков должны сопоставляться не в одном плане, а **в трёх**:

- в плане описания способов и особенностей выражения того или иного общего грамматического значения;
- в плане содержания, когда рассматриваются случаи передачи семантики грамматической категории или формы, которая отсутствует в одном из сопоставляемых языков;
- в плане функционирования, когда единицы с одинаковым значением по-разному используются в сравниваемых языках.

7. Исходя из указанных положений, мы разработали **методику многоаспектного анализа** семантико-структурного устройства и функционирования простого предложения языков различного строя (флективного русского, изолирующего английского и агглютинативного венгерского).

Были разграничены **семь аспектов** предложения: целевой, номинативный, предикативный, релятивно-номинативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический.

7.1. В качестве основного аспекта устройства предложения, наиболее релевантного для семантико-функциональной типологии предложения, был выдвинут **номинативный** аспект.

Внутри него выделены два подаспекта: **ситуативно-структурный** и **релятивно-структурный**.

7.1.1. Анализ устройства предложения в ситуативно-структурном подаспекте осуществляется с опорой на три иерархически взаимосвязанных уровня обобщения его семантики: типовое значение, инвариантную семантическую структуру, варианты семантической структуры.

В соответствии с концепцией **информационного минимума** простого предложения в семантической структуре разграничиваются следующие обязательные **актанты**: субъект, объект, адресат и локализатор.

При семантико-структурной классификации предложений традиционный критерий односоставности / двусоставности мы заменили критерием

количества актантов в семантической структуре, в соответствии с которым предложения подразделяются на одноактантные, двуактантные, трёхактантные и четырёхактантные.

Была также уточнена система номинативных частей речи и разграничены следующие **частеречные типы** предложений: номинативный, адъективный, нумеративный, вербальный, партиципиальный, деепричастный.

На основе номинативного критерия внутри частей речи выделены **лексико-грамматические разряды** слов и произведена субкатегоризация главных семантических актантов – субъекта (антропоним, зооним, агенс-каузатор) и объекта (одушевлённый, неодушевлённый).

7.1.2. В рамках релятивно-структурного подаспекта была исследована понятийная природа, семантика и формы выражения в русском, английском и венгерском языках **категорий личности / безличности, залога, определённости / неопределенности (обобщённости)** семантических актантов.

В ходе анализа были прослежены основные линии взаимодействия указанных категорий в структуре предложения трёх сопоставляемых языков и выявлена иерархия **категориально-грамматических признаков** субъекта и объекта: активность, пассивность, демиактивность; определённость, неопределенность (обобщённость).

7.2. Результаты сопоставления синтаксических систем русского, английского и венгерского языков в номинативном аспекте обобщены в таблице.

№	Инвариантные семантические структуры	Количество типов предложений		
		Рус. яз.	Англ. яз.	Венг. яз.
1.	Субъект и его опредмеченный признак	2	1	1
2.	Субъект и его качественный признак	6	1	3
3.	Субъект и его количественный признак	3	1	1
4.	Субъект и его действие / состояние	6	1	3
5.	Субъект и его качественный процессуальный признак	1	1	3
6.	Субъект – сравнение – объект	3	1	2
7.	Субъект – действие / состояние – объект	17	7	8
8.	Субъект – посессивность – объект	4	2	1
9.	Субъект – локализация – локализатор	3	1	2
10.	Субъект – действие – объект – адресат	9	7	3
11.	Субъект – действие – объект – локализатор	12	4	3
12.	Субъект – действие – объект – локализатор – локализатор	11	6	5
		77	33	35

Как видим, русский синтаксис отличается наибольшим разнообразием семантико-структурных типов предложений, используемых для выражения 12 инвариантных семантических структур.

7.3. На материале трёх разноструктурных языков обозначены линии и точки взаимодействия компонентов номинативного аспекта с компонентами **других аспектов** устройства предложения-высказывания (предикативного, релятивно-номинативного, актуализирующего, стилистического) в семантико-функциональных подсистемах (инвариантные семантические структуры 7, 8 и 9 в приведенной выше таблице).

7.4. Кроме того, на примере синтаксиса официально-делового стиля русского и английского языков показана применимость результатов семантико-функционального сопоставительного подхода в **лингвопрагматических** исследованиях.

В целом подход к предложению как многоаспектной сущности позволяет построить его типологию, обладающую большей объяснительной силой по сравнению с разного рода «одномерными» концепциями, так как он даёт возможность выявить и смоделировать всю систему компонентов, категорий и отношений, существующих в сфере простого предложения.

Функциональное сопоставительное описание языков имеет прямой выход в практику перевода и преподавание языков как иностранных, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов путём усвоения целых семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных грамматических форм и конструкций.

Литература

1. Гальперин П. Я. К психологии формирования речи на иностранном языке // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. – М., 1972. – С. 60-68.
2. Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж, 2000.
3. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.
4. Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис. Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж, 2011.
5. Торетико-лингвистическая школа. Научная школа проф. З.Д. Поповой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science.vsu.ru/resources/schools/porova.pdf>.
6. Шубин Э. П. Основные принципы методики обучения иностранным языкам. – М. 1963.

Л.В. Лукина

К проблеме изучения межъязыковых соответствий

Необходимость самого пристального изучения межъязыковых соответствий приобретает в настоящее время особую актуальность. Межъязыковые соответствия, по определению И.А. Стернина – это единицы разных языков, имеющие сходство в семном составе; это сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть

использованы для перевода лишь теоретически, в некоторых специальных контекстах (Стернин 2007, с. 34).

Понятие межъязыкового соответствия является центральным понятием контрастивной лексикологии. Основным предметом контрастивного анализа является контрастивная пара, состоящая из двух лексических единиц сравниваемых языков, которые и выступают как межъязыковые соответствия.

В зависимости от количества лексических единиц, которые могут быть поставлены в соответствие исследуемой единице исходного языка, выделяются линейные и векторные соответствия, а если таковых не оказывается, то отмечается наличие лакун. В случае линейных соответствий единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления. Отметим при этом, что в качестве языковой единицы в обоих языках может выступать как слово, так и устойчивое словосочетание.

Примерами линейных соответствий могут служить следующие контрастивные пары:

исповедь – confession (слово – слово);
полунамеки – gentle hint (слово – словосочетание);
разговор с глазу на глаз – talk in private (словосочетание – словосочетание);
плenарный доклад – plenary (словосочетание – слово).

При векторных соответствиях единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления. В качестве примера векторных соответствий приведем следующие:

выступление – speech, address;
изречение – dictum, saying, maxim;
сплетня – tittle-tattle, gossip, scandal, backbiting;
трескотня – chatter, blether, twaddle, gabble, jabber;
spor – argument, argumentation, dispute, controversy, debate, discussion.

Отметим, что векторные соответствия, как правило, более многочисленны и представляют больший интерес для исследователя в плане выявления национальной специфики семантики. Как справедливо отмечал А.А. Реформатский, «гораздо интереснее такие случаи, когда одной лексической единице одного языка соответствуют в другом языке две или более единиц» (Реформатский 1987, с. 49).

Следует отметить, что в ходе контрастивного исследования и описания лексики встает вопрос разграничения эквивалентов и соответствий, так как и те, и другие, по сути, являются межъязыковыми соответствиями.

Проблема эквивалентности является ключевой в сопоставительном исследовании лексики. По данным словаря лингвистических терминов, эквивалент – единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнять ту же функцию, что и другая единица речи (Ахманова 1969, с. 522).

Степень эквивалентности может определяться национальной спецификой и своеобразием развития отдельного языка. Различную степень эквивалентности можно проиллюстрировать на примере векторной контрастивной пары *рука – hand, arm*. Так, русское слово *рука* является полным эквивалентом двум английским, а английские слова *hand, arm* являются частичными эквивалентами русскому слову. А.И. Смирницкий приводит более сложную схему эквивалентности между русским словом *дерево* и английским *tree* (Смирницкий

1959, с. 4): *дерево* и *tree* являются частичными эквивалентами, так как одним из значений русской лексемы *дерево* является значение «*строительный материал, древесина*» и этой лексеме соответствуют две английских лексемы: *wood* и *timber*. С другой стороны, английской лексеме *wood* соответствуют две русские: *лес* и *древа*, а русская лексема *лес*, в свою очередь, соотносится не только с *wood* и *timber*, но также и со словом *forest*.

Следует отметить, что к единому мнению относительно того, что можно считать эквивалентами, ученые до сих пор не пришли. Часто под эквивалентом понимают любое правильно найденное соответствие микроединицы перевода.

Так, Я.И. Рецкер в статье «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» под эквивалентами понимает постоянные, «равнозначные», не зависящие от контекста соответствия между единицами исходного языка и языка перевода. Помимо эквивалентов, в предложенную Я.И. Рецкером классификацию закономерных соответствий входят аналоги (иногда называемые вариантными соответствиями) и адекватные замены. В случае аналогов или вариантных соответствий многозначной единице одного языка соответствуют разные единицы в другом языке, выбор каждой конкретной пары соответствий определяется контекстом. К адекватным заменам прибегают тогда, когда для точной передачи мысли оригинала нужно использовать неточные словарные соответствия. Однако последняя группа не представляет собой соответствия в чистом виде, так как предполагает не подбор соответствующих друг другу единиц, а действия переводчика по определению соответствия между единицами исходного языка и языка перевода, т.е. использование приемов перевода. Что касается эквивалентов, то, по мнению Я.И. Рецкера, они могут быть полными и частичными. Полными эквивалентами ученый считает такие единицы двух языков, которые эквивалентны во всех своих значениях, а не только в каком-то одном. Что касается частичных эквивалентов, то это единицы, которые эквивалентны в одном или нескольких значениях, но не во всех (Рецкер 2004, с. 15).

Необходимо отметить, что проблема эквивалентности интересует не только теоретиков и практиков перевода, но и лингвистов, занимающихся вопросами теории языка, сопоставительными и контрастивными исследованиями, вопросами лингвокультурологии.

Вопросы межъязыковой семантической эквивалентности в родственных языках интересовали, в частности, Р.А. Будагова. Типы соответствий между значениями слов в разных родственных языках он представил в следующем виде (Будагов 2000, с. 250-252):

по функциональным признакам:

- основное (главное) значение – не основное (неглавное) значение;
- архаичное значение – неархаичное значение;
- свободное значение – несвободное (связанное) значение;
- значение в одном стиле речи – значение в другом стиле речи;
- значение литературное (нормативное) – значение нелитературное (ненормативное);
- одно из значений полисемантического слова – одно из значений другого полисемантического слова или однозначное слово;

по понятийным признакам:

- родовое значение – видовое значение;

- значение движется, прежде всего, в пределах духовного осмысления
- значение движется, прежде всего, в пределах физического осмысления.

Предложенная классификация семантических соответствий была разработана ученым для родственных языков, однако, как отмечал Р.А. Будагов, классификация по понятийным признакам может быть применена и к неродственным языкам (Будагов 2000, с. 249).

Мы под эквивалентом понимаем не любое достаточно устоявшееся межъязыковое соответствие, а полное соответствие, предусматривающее полную семную эквивалентность (Лукина 2008, с. 19). При семном описании контрастивной пары те лексемы, которые не имеют различий в семном составе, признаются нами эквивалентными. Остальные соответствия, имеющие различия в семном составе, мы считаем частичными.

При установлении межъязыковых соответствий, необходимо выявить факторы, по которым осуществляется сопоставление. Такими факторами, по нашим наблюдениям, может быть сопоставление по денотативным, коннотативным и функциональным семам. При анализе контрастивных пар семное описание проводится нами в следующем порядке: денотативные, коннотативные и функциональные семы. Для удобства и наглядности в перечне семы приводятся разным шрифтом (денотативные семы графически не маркированы, коннотативные семы выделяются прописными буквами, функциональные семы приводятся курсивом). При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная сема английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак **0**, что означает, что сема безэквивалентна.

В качестве примера приведем семное описание контрастивной пары *беседа – conversation*.

БЕСЕДА – conversation

• обсуждение • устное • О • в виде дружеского или делового разговора • с целью обмена мнениями • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • межстилевое • общенародное • современное • общераспространенное • высокоупотребительное	• обсуждение • устное • неформальное • в виде дружеского разговора • с целью обмена мнениями • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>

Проведенный семный анализ данной контрастивной пары показывает полное совпадение по коннотативным и функциональным семам и частичное расхождение по денотативным семам. В русском слове *беседа* не выделяется

отмеченная в английской лексеме *conversation* сема «неформальное». Выделенная же в обоих языках сема «в виде дружеского разговора», в русском языке имеет вариативную часть, представленную лексемой «деловой».

Приведем еще один пример контрастивной пары:

ЖАЛОБА – *complaint*

• сообщение• устное• выражающее неудовольствие по поводу неприятностей, боли и т.п.• с целью получить помочь, сочувствие• НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>высокоупотребительное</i>	• сообщение• устное• выражающее неудовольствие по поводу неприятностей, боли и т.п.• с целью получить помочь, сочувствие• НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>высокоупотребительное</i>

Семный анализ данной контрастивной пары показывает полное совпадение денотативных, коннотативных и функциональных сем, вследствие чего мы вправе сделать вывод, что английская лексема *complaint* является эквивалентным соответствием лексеме русского языка.

Отметим, что за последние несколько лет сложилось новое направление в развитии сопоставительных исследований, основанное на разработке и использовании в сопоставительных и контрастивных исследованиях системы формализованных параметров (Стернина, Стернин 2010). Вследствие чего современные методы описания языковых подсистем приобрели по сравнению с ранее использовавшимися приемами более объективный и формализованный вид.

Для выявления степени сходства межъязыковых соответствий в рамках сопоставительно-параметрического метода нами были предложены следующие формализованные параметры, представленные в виде индексов:

Индекс денотативной идентичности лексем - отношение совпадающих денотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре. (Вычисляется в процентах).

Индекс коннотативной идентичности лексем - отношение совпадающих коннотативных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре. (Вычисляется в процентах).

Индекс функциональной идентичности лексем - отношение совпадающих функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных в контрастивной паре. (Вычисляется в процентах).

Интегральный индекс идентичности лексем - среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности. Данный индекс характеризует степень семантической эквивалентности лексем в целом. (Вычисляется в процентах).

Отметим, что расчет данных индексов производится следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5.

Покажем ‘работу’ перечисленных индексов на конкретном лексическом материале. Так русская лексема *разговор* имеет два соответствия в английском языке – *talk* и *conversation*:

РАЗГОВОР – talk

• обсуждение	• обсуждение
• устное	• устное
• в виде беседы	• в виде неформальной
беседы
• с целью обмена мнениями	• с целью обмена мнениями
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 88%, а индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

РАЗГОВОР – conversation

• обсуждение	• обсуждение
• устное	• устное
• О	• неформальное
• в виде беседы	• в виде дружеской беседы
• с целью обмена мнениями	• с целью обмена мнениями
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 70%, а индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

Проведенный семный анализ данных контрастивных пар показывает, что индексы коннотативной и функциональной идентичности обеих лексем совпадают и равны 100%, денотативно же ближе всего к лексеме русского языка оказалась лексема *talk*. Поскольку денотативный компонент значения признается нами доминирующим, данная лексема может быть признана оптимальным соответствием.

Введенный нами интегральный индекс идентичности лексем позволил выявить в языке сопоставления (в нашем случае – английском) полные (эквивалентные), близайшие, близкие и дальние соответствия, а также определить отсутствие соответствий. Для этой цели нами предложена и используется следующая шкала:

- полные (эквивалентные) соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 100%;
- близайшие соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 80% и более;
- близкие соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет 60% и более;
- дальние соответствия – контрастивные пары, интегральный индекс идентичности которых составляет менее 60%;
- отсутствие соответствия (безэквивалентные единицы) – интегральный индекс идентичности равен 0.

В рассмотренном выше примере интегральный индекс идентичности лексем *разговор* и *talk* составляет 96%, а лексем *разговор* и *conversation* – 90%. Согласно приведенной выше шкале и лексема *talk*, и лексема *conversation* могут быть признаны близайшими соответствиями, рассматриваемой русской лексемы.

Данный пример показывает, что возможны случаи существования нескольких близайших соответствий одной и той же лексеме русского языка, но оптимальное соответствие – то, которое имеет наибольший интегральный индекс идентичности, будет только одно. В нашем примере это будет лексема *talk*.

Рассмотрим данное положение на примере еще одной русской лексемы *доклад*.

ДОКЛАД – *lecture*

• сообщение• устное• подготовленное заранее• в виде публичного выступления• с целью изложения определенной темы • НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• межстилевое• общенародное• современное• общераспространенное• высокоупотребительное	• сообщение• устное• О• в виде публичного выступления• с целью изложения определенной темы • НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• межстилевое• общенародное• современное• общераспространенное• употребительное

Для данной контрастивной пары индексы денотативной и функциональной идентичности равны 80%, а индекс коннотативной идентичности равен 100%.

ДОКЛАД – paper

• сообщение• устное• подготовленное заранее• О• в виде публичного выступления• с целью изложения определенной темы • НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>высокоупотребительное</i>	• сообщение• письменное• подготовленное заранее• ученым или специалистом• в виде статьи или публичного выступления• с целью изложения определенной темы • НЕОЦЕНОЧНОЕ• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ• <i>межстилевое</i>• <i>общенародное</i>• <i>современное</i>• <i>общераспространенное</i>• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 58%, а индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

Интегральный индекс идентичности в обеих контрастивных парах больше 80% и равняется у контрастивной пары *доклад – lecture* 86,6%, а у контрастивной пары *доклад – paper* 86%. Таким образом, согласно разработанной нами шкале соответствий, у лексемы *доклад* зафиксировано два ближайших соответствия: *lecture* и *paper*. При этом оптимальным соответствием может считаться только лексема *lecture*, поскольку ее интегральный индекс идентичности выше. К тому же, при определении оптимального соответствия доминирующим является индекс денотативной идентичности, а он наибольший именно у контрастивной пары *доклад – lecture*.

Таким образом, использование интегрального индекса идентичности лексем и применение разработанной нами шкалы типов межъязыковых соответствий позволило создать типологию межъязыковых соответствий, основанную на объективных цифровых показателях. На основе использования введенных нами индексов для каждой лексемы одного языка может быть определено оптимальное соответствие в другом языке, а также определены ближайшие, близкие, дальние соответствия.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. – М., 2000.
3. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
4. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М., 2004.
6. Смирницкий А.И. Курс лекций по лексикологии современного английского языка. – М., 1959.
7. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М., 2007.

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

А. П. Бабушкин

Объективация гендерных отличий в английских и русских зоонимах

Как известно, большинство английских существительных не имеет категории рода в том смысле, что нельзя образовать формы мужского и женского рода от одного и того же имени. Такие пары слов, как *lion-lioness, tiger-tigress* являются исключением, а не общим правилом.

Вместе с тем, язык располагает арсеналом средств для выражения гендерных различий. К ним относятся:

1) слова, обозначающие каждые из двух генетически и физиологически противопоставленных разрядов живых существ: *male-female* (мужская и женская особь), *buck-doe* (самец и самка).

2) местоимения 3-го лица мужского и женского рода: *he* (он) и *she* (она);

3) широко распространённые мужские и женские имена людей, обычно помещаемые перед именем, называющим животного;

4) «гендерные» номинации типа: *dog* и *bitch* (кобель и сука), *bull* и *cow* (бык и корова), а для птиц – *cock* и *hen* (петух и курица).

Перечисленные нами родовые маркеры выполняют роль **гендерных шифтеров**. Термин «шифтер» (от англ. «*shift*» - перемещать, передвигать, переносить), введённый в научный оборот О. Есперсоном, был использован Р. Якобсоном для анализа личных местоимений (Якобсон, с.98). Более прозрачным этот термин становится при его замене словосочетанием «*подвижные определители*»: ограниченный набор гендерных слов, предшествуя названиям **разных животных**, начинает указывать на их родовую принадлежность.

Проиллюстрируем выявленные нами группы конкретными примерами:

1) Дихотомия «самец-самка» прослеживается в оппозициях *buck hare – doe hare* (букв.самец-заяц, самка-заяц), *buck deer – doe deer* (где «*deer*» – олень), *male donkey – female donkey* (букв. самец-осёл, самка-осёл).

По Longman Dictionary of English Language and Culture, *buck* и *doe* – указатели на мужскую особь *лани, кенгуру, кролика, крысы* и ряда других животных.

2) Также обычна индексация пола животного с помощью местоимений *he* (особь мужского пола) и *she* (женского): *he bear – she bear* (букв. он-медведь, она-медведь), *he ass – she ass* (он-осёл, она-осёл).

Даже наблюдая за насекомыми, например, муравьями, какой-нибудь носитель английского языка (*ant enthusiast*) в порыве умиления может воскликнуть: *Isn't he or she lovely?* (Crystal), что в буквальном переводе звучит, как: «Разве он или она не прекрасны?» (Обычно имя «*ant*» (муравей) принято замещать неопределённо-личным местоимением *it*).

3) В качестве указателей на род зоонимов служат имена собственные *Billy, Jack* и *Jenny*. *Tom* и *Jerry* – известные герои юмористических мультфильмов; для малых детей *Billy goat* равнозначно русскому «*козлик*», козу ласково называют

Nanny goat (а Nanny в британском английском – «нянюшка», «нянечка» и одновременно- нежное «бабуля»: Give Nanny a kiss»).

4)Наиболее яркими примерами «подвижных определителей» являются формальные показатели гендерных различий, выраженные существительными *bull, cow, dog, bitch, cock, hen*, которые в иных ситуациях выступают в качестве полнозначных слов: *bull* – бык, *cow* – корова, *dog* – мужская особь собаки, кобель, *bitch* – женская, *cock* – петух, *hen* – курица.

Однако, *bull* как «шифтер» начинает обозначать самца любого крупного животного и, прежде всего, животного семейства парнокопытных, а *cow*, соответственно, его самку. Точно такая же дифференциация по половому признаку существует для животных, поименованных лексемами *dog* и *bitch*, и птиц – в виде слов *cock* и *hen*.

См. примеры: *bull caff* (букв. бык-тёлёнок), *cow calf* (корова-тёлёнок), *bull elephant* (бык-слон), *cow elephant* (корова-слон), *bull seal* (бык-тюлень), *cow seal* (корова-тюлень), *bull whale* (букв. бык-кит), *cow whale* (корова-кит), *dog ape* (собака-обезьяна), *bitch ape* (сука-обезьяна) и далее: *dog fox, bitch fox* (где «fox» - лиса), *dog otter* и *bitch otter* (где «otter» - выдра). То же о птицах: *cock Jurkey, hen Jurkey* (петух-индюк и курица-индюк), *cock sparrow, hen sparrow* (в буквальном переводе на русский язык «sparrow» - воробей), *cock robin* (малиновка) и *hen robin, cock pheasant* (фазан) и *hen pheasant*.

К разряду английских «чисто» гендерных слов относятся существительные, указывающие на мужской и женский род зоонимов, когда каждая из интересующих нас бинарных оппозиций имеет особую вербальную объективацию. К этому списку, помимо употребляемых в прямом значении слов *bull, cow, dog, bitch, cock, hen* следует отнести такие лексемы, как *boar* – хряк, *sow* – свинья, *tup* – баран, *ewe* – овца, *stag* – олень-самец, *hind* – самка оленя, *vixen* – самка лисы, *colt* – молодой жеребец, *filly* – молодая кобыла, *rake* – селезень, *duck* – утка, *gander* – гусь, *goose* – гусыня и некоторые другие.

В русском языке сложилась своя система выражения гендерных отличий для зоонимов. Она так же, как и в английском, проявляется в таких словах, как *самец* и *самка*, которые имеют самую широкую сферу применения.

Местоимения *он* и *она* употребляются для обозначения пола животного именно в своей местоимённой функции, хотя и на русском языке можно спросить: «Ваша собака *он* или *она*? (Сравните с английским: «Is your dog he or she?») Есть и другой (эвфемистический) вариант задать этот же самый вопрос по-русски: «Ваша собака *мальчик* или *девочка*?» У Л. Л. Семаго в книге «Сто свиданий с природой» встречается форма «свинья-мать» (Семаго, с.44).

«Мальчик», «девочка», «отец», «мать» могли бы и в русском языке служить в качестве гендерных шифтеров, однако этот приём не получил у нас широкого применения.

Имеются и собственно гендерные номинации, закреплённые за противоположными по полу особями животных: *боров* – свинья, *бык* – корова, *баран* – овца, *жеребец* – кобыла, *кобель* – сука, *петух* – курица, *селезень* – утка (удивительное совпадение с этой же номенклатурой в английском языке!)

Однако главным способом формирования мужского и женского рода русских существительных, обозначающих домашних и птиц, является суффиксальное словообразование, с помощью которого образуются пары: *волк* – *волчица*, *волчиха*, *заяц* – *зайчиха*, *козёл* – *коза*, *медведь* – *медведица*, *лис* – *лиса*, *кролик* –

крольчиха, осёл – ослица, лев – львица, тигр – тигрица, кот – кошка, слон – слониха, голубь – голубка, орёл – орлица.

Система словообразования настолько продуктивна, что в качестве «слова на случай» может быть создана номинация, формирование которой не разрешает норма русского литературного языка, но, тем не менее, её объективация в речи вполне реальна. Можно ли, например, образовать существительное мужского рода от «женского» имени «стрекоза»? Любой человек, говорящий по-русски, ответит на этот вопрос положительно:

«Мужчина, с которым она сошлась, был уже в летах, за пятьдесят, но этот как раз нравился Галине: значит, вполне самостоятельный, *не стрекозёл*, как первых её два (Ю. Гончаров. Тонкая рябина).

Конечно, в этом случае «стрекоза» не называет мужскую особь насекомого, а употребляется метафорически.

Только в метафорическом плане живёт противопоставление английских слов *wolf* и *wolfess* в их проекции на людей – сексуально агрессивные *волк* и *волчица*.

Два последних примера подводят к разговору о гендерно-ориентированной метафоре, которая в английском и русском языках образуется от слов, маркированных родовыми признаками.

К разряду вторичных номинаций относятся «очеловеченные» зоонимы: *buck* – молодой человек (потенциальный любовник), *cow* – нескладная женщина, *vixen* – неприятная особа, обладающая скверным характером, *bitch* – злобная, жадная, жестокая и коварная женщина, *tiger* – физически сильный мужчина, которого легко привести в состояние неукротимой ярости, *cock* – драчун и забияка, *hen* – всегда чем-то занятая, хлопотливая старуха или женщина-сплетница.

Среди русских гендерных метафор находим следующие нелицеприятные «ярлыки» для лиц мужского пола: *самец* – чрезвычайно чувственный мужчина, *жеребец* – рослый и сильный человек, *медведь* – увалень, *кобель* – мужчина, ведущий распутный образ жизни, *баран* – глупец, *боров* – неповоротливый толстяк и т.п.

В том же ключе о женщине: *самка* – производное от «самец» в его переносном значении, *кобыла* – рослая «мужеподобная» дама, *корова* – толстая и неуклюжая и т.д.

В то же время в обоих языках имеются метафоры, построенные на основе зоонимов, прямые значения которых выражены существительными, не имеющими категории рода. В английских лексикографических источниках зоометафоры, соотносимые с человеком, интерпретируются, начиная со слова-опоры «a person» - «человек», «лицо» (без аллюзии к гендерным характеристикам субъекта):

rat (крыса) – *a person who is not loyal or who deceives sb* – *человек*, способный на неверность и коварство (*человек* – всё равно, мужчина это или женщина).

Далее - сразу в русском переводе:

ass (осёл) – человек как воплощение глупости;

pig (свинья) – человек, жадный или грязный, отвратительная особа;

fox (лиса) – человек, обладающий умом и хитростью, тот, кто добивается желаемого, часто путём обмана;

monkey (обезьяна) – ребёнок (обоего пола), активный, готовый сыграть шутку с кем-либо.

Под русскими номинациями *обезьяна* и *мартышка* понимаются люди, склонные к подражанию, гримасники и кривляки; *ворона* – зевака (будь то мужчина или женщина); *ехидна* – кто-то злой и изъявительный; *сова* – человек, чувствующий себя гораздо бодрее вечером или ночью; *жаворонок* – наоборот, чувствует себя лучше утром, в первую половину дня.

Эти слова – тоже по-своему гендерные «шифтеры», однако не явный, а скрытой природы, в отличие от описанных нами эксплицитных «подвижных определителей» на том основании, что в тексте они в равной мере могут обозначать и мужчину, и женщину.

Подводя черту под многочисленными примерами, приходим к следующим размышлениям и выводам:

I. В английском и русском языках существуют различные механизмы объективации гендерных отличий в зоонимах, которые имеют как общие, так и специфические характеристики. «Подвижные определители» – феномен, свойственный преимущественно английскому языку, использование для этой цели «родовых» суффиксов – русскому.

II. Стоит задуматься о стилевых различиях текстов, в которых употребляются «гендерные слова». Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что английским *male* и *female* и русским *самец* и *самка* в их денотативных значениях отдают предпочтение научные и научно-популярные тексты, оставляющие в стороне другие способы выражения родовых признаков зоонимов. См. ниже:

In contrast to true deer, musk deer do not have horns, though the *males* are armed with long tusks or sabre-like teeth up to 6 cm long. These tusks, which are secondary sexual characteristics, serve as a weapon in territorial conflicts (Russian Conservation News, 1998, № 16, p. 17). – В отличие от обычного оленя, у мускусного отсутствуют рога, хотя *самцы* вооружены длинными клыками или саблевидными зубами до 6 см длиной. Клыки, которые являются вторичными половыми признаками, служат в качестве оружия во время территориальных конфликтов (Новости русских заповедников, 1998, №16, с.17).

Approximately 40 whales, including two *females* and their young, were sighted (Russian Conservation News, 1999, №19, p.23). – Видели около 40 китов, в том числе, двух *самок* с детёнышами (Новости русских заповедников, 1999, №19, с.23).

Только *самцы* (жука-оленя) носят обязательное оружие, какого бы роста они ни были, а у *самок* челюсти очень короткие (Семаго, с. 126).

III. Гендерные отличия в метафорах выражены эксплицитно только в том случае, когда в основе переносных значений лежат названия животных, разделяемых по половому признаку. Совпадения в проекции имён одних и тех же животных на людей определяются ассоциативными связями, которые осознаются не только на национальном, но и на межнациональном уровне.

IV. Главным выводом является мысль о том, что оба языка способны свободно обходиться без экспликации гендерных характеристик в названиях животных (в английском языке – в соответствие с нормами английской грамматики, в русском – при формальном наличии рода существительных гендерный фактор может оставаться не выраженным (*собака* – для особей обоего пола, *белка*, *черепаха*, *цапля* и т.п.))

Гендерные признаки в зооморфизмах актуализируются тогда, когда имеются

различия во внешнем виде самки и самца и есть необходимость это подчеркнуть, когда они отличаются по своим поведенческим стереотипам или в том случае, когда важно указать на репродуктивную функцию мужских и женских особей представителей животного мира.

Литература

1. Crystal D. The Oxford Encyclopedia of the English Language: Cambridge University Press, 2006.
2. Longman Dictionary of English Language and Culture: Longman, 2000.
3. Семаго Л. Л. Сто свиданий с природой. – Воронеж, 1975.
4. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: «Наука», 1972.

Н.Н. Бобырева

Метафоризация значений слов как способ терминообразования (на материале русской и английской терминосистем художественной гимнастики)

Терминология формируется на базе лексических средств родного языка, а также с помощью заимствованных элементов в соответствии с грамматическими законами языка. Современная лингвистическая парадигма выделяет в образовании новых терминологических единиц следующие способы: морфологический, семантический и синтаксический, а также смешанные способы (Даниленко 1977, с. 58). Данная классификация способов образования специальных номинаций полностью реализована в терминологии художественной гимнастики. Целью настоящей статьи является описание и сравнение терминологических единиц художественной гимнастики в русском и английском языках, образованных посредством метафорического переноса.

Известно, что отношение учёных к метафорическим терминам неоднозначно: с одной стороны, их характеризуют краткость, меткость, доходчивость, с другой – они «вульгаризируют терминологию и придают ей несерёзный характер» (Лотте 1961, с. 50). Характеризуя семантические изменения в лексических единицах такого типа, Л.А. Капанадзе представляет следующую схему: образное переосмысление → переносное употребление → переносное значение, причём «исходной точкой для построения образа является часто не содержание данного термина, а бытовое представление о нём» (Капанадзе 1965, с. 87).

Метафоричными следует признать следующие эквивалентные термины художественной гимнастики в русском и английском языках:

1. **мост** букв. сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь, какие-либо препятствия / **bridge** букв. мост / **arch** букв. арка, свод; дуга, прогиб / **bridge position** букв. положение «мост»; *перен.* максимально прогнутое положение спиной к опоре, выполняемое обеими руками и обеими ногами;
2. **шпагат** букв. прочная верёвка < **Spagat** нем. букв. тонкая верёвка / **split(s)** букв. трещина, щель / **splits position** букв. положение щелью; *перен.* сед с максимально разведенными в стороны ногами, составляющими одну прямую линию;
3. **круг** букв. часть плоскости, ограниченная окружностью / **circle** букв. круг / **circling** букв. кружение, вращение / **ronde** фр. букв. круглая; *перен.* движение

руками, ногами, туловищем, головой, а также предметом, описывающее полную окружность;

4. **волна** букв. водяной вал, образуемый колебанием водной поверхности / (**body**) **wave** букв. волна (тела); *перен.* сгибание и разгибание в суставах ног, туловища и рук с последовательным переходом от одного сустава к другому; выполняется целостно и слитно;

5. **восьмёрка** букв. 1. цифра 8; 2. *разг.* количество восемь / **figure eight** букв. цифра восемь; *перен.* последовательные разнонаправленные круги с лентой в форме цифры «8»;

6. **вертушка** букв. название разного рода вращающихся аппаратов, приспособлений / **spin** букв. кружение, верчение; *перен.* вращательное движение обруча вокруг вертикальной оси, расположенной в его плоскости;

7. **мельница** букв. предприятие, здание с приспособлениями для размола зерна / **mill** букв. мельница / **mill movement** букв. движение мельницы / **mill circles** букв. круги мельницы; *перен.* сочетание малых кругов в определённой последовательности;

8. **свечка** букв. палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая источником освещения / **берёзка** букв. лиственное дерево с белой (реже тёмной) корой с сердцевидными листьями / **inverted shoulder stand** букв. перевёрнутая стойка на лопатках / **candle stand** букв. стойка свечкой; *перен.* стойка на лопатках;

9. **ножницы** букв. режущий инструмент из двух раздвигающихся лезвий с кольцеобразными ручками / **scissors** букв. ножницы; *перен.* прыжок, выполняемый со сменой ног вперёд или назад;

10. **колесо** букв. в различных механизмах: диск или обод, вращающийся на оси или укреплённый на валу и служащий для приведения механизма в движение; вообще устройство такой формы / **cartwheel** букв. колесо телеги; кувыркание колесом / **wheel** букв. колесо; *перен.* переворот боком или в сторону;

11. **кольцо** букв. предмет в форме окружности, ободка из твёрдого материала / **ring** букв. кольцо / **ring position** букв. положение кольцом; *перен.* положение спортсменки прогнувшись с касанием одной или двух ног головой.

Английский «образный» термин **sail** (букв. парус) имеет в качестве соответствия в системе русского языка сочетание **вуалеобразное движение**, т.е. терминосочетание с одним компонентом-сравнением. Термин **butterfly (jump)** (букв. (прыжок) бабочки) образован на основе метафорического сравнения движений спортсменки и бабочки, в то время как эквивалентами в русском языке следует признать терминосочетания **горизонтальный** или **бедуинский прыжок**, также имеющие английские эквиваленты **bedouin leap / jump**, при этом **бедуинский – bedouin** является метонимическим компонентом.

Исследуемые терминосистемы содержат терминологические словосочетания, в которых метафорой является только один компонент, как правило, находящийся в препозиции к основному компоненту: **bridge position** букв. положение «мост», **splits position** букв. положение щелью, **mill movement** букв. движение мельницы, **mill circles** букв. круги мельницы; **candle stand** букв. стойка свечки, **ring position** букв. положение кольцом, **cossack jump** букв. прыжок казака. В терминологических системах обоих исследуемых языков представлены и такие сочетания, в которых компонент-метафора является ядерным (стержневым) компонентом: **казак в сторону – cossack side; казак**

вперёд – cossack front; казак назад – cossack back; одиночный вертолёт вперёд – simple illusion forward букв. простая иллюзия вперёд; **вертикальная змейка – vertical serpent.** Данное наблюдение позволяет выделить семантико-сintаксический способ терминообразования.

Известно, что при разработке терминологической системы художественной гимнастики немецкие специалисты в целях экономии языка и избежания пространных описаний использовали единицы, образованные средствами метафорического переноса значений. Например, наименование артефакта **Mühl** мельница, название цифры **Acht** восьмёрка. Однако авторы отказались от терминов, вызывающих ассоциации с формами движений животных, например движения барана, косули или лошади (Terminologie Rhythmische Sportgymnastik 1983, с. 9). В русской и английской терминосистемах, в отличие от немецкой, пластом специальной лексики являются наименования упражнений тела и упражнений с предметом, зрительно напоминающих движения соответствующих животных: **ласточка – front scale on one leg** букв. переднее равновесие на одной ноге, **swallow** букв. ласточка; **swallow stand** букв. стойка ласточки; **перен.** устойчивое положение тела стоя на одной ноге с наклоном туловища вперед, другая прямая нога отведена назад до отказа, руки в стороны; **щука – pike jump** букв. прыжок щуки; **перен.** прыжок с разведением ног и наклоном вперед; **улита – snail** букв. улитка; **перен.** сочетание половины среднего круга с половиной малого круга, выполняемое слитно и в замедленном темпе. Большинство подобных существительных заимствовано метафорическим переносом из русского общелитературного языка в форме с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Э.А. Балалыкина и Г.А. Николаев отмечают, что производное слово, возникшее на базе морфологически членимого семантическим способом, утрачивает членимость даже при сохранении поверхностных семантических связей с производящим. Авторы добавляют, что существительные на -ка с общим значением уменьшительности представляют собой наиболее яркий пример этому (Балалыкина, Николаев 1985). Так, в терминосистеме художественной гимнастики зафиксированы следующие термины на -ка: **змейка колебательные движения кистью, удерживающей предмет, с продвижением в попечном колебанию направлении; кошечка упор стоя на коленях с выгнутой спиной; рыбка переворот на полу на плече, с переходом через вертикаль прямым телом.**

Три термина данной группы имеют по две формы в русском языке: **щука / щучка, казак / казачок, улита / улитка.**

В качестве производящей основы для наименования группы единиц, обозначающих части снарядов используется группа соматизмов. В терминосистемах художественной гимнастики русского и английского языков существуют термины **головка, шейка, тело булавы – head, neck, body of the club.**

В терминологии художественной гимнастики также зафиксированы элементы, являющиеся обозначениями общетехнических понятий: **спираль – spiral** серия малых кругов с непрерывным перемещением вдоль оси вращения; термин **вертолёт** в значении вращение в вертикальной плоскости в положении переднего или заднего шага назад или вперед имеет английский метонимический эквивалент **illusion** букв. иллюзия. Рассматриваемая терминосистема фиксирует наименование военного понятия **удар шагой –**

swordsman букв. фехтовальщик; перен. проход рукой в рисунок, выполняемый предметом; а также переосмысленное наименование боевого и охотничьего оружия **бумеранг (бросок бумерангом) – boomerang throw**.

Очевидно, что язык спорта содержит высокий процент военной лексики, поскольку в деятельности спортсменов важное место занимают борьба и соперничество. Данная тенденция свойственна, в основном, командно-игровым видам спорта, однако терминология любого вида спорта содержит единицы, обозначающие общеспортивные понятия, такие как **победа, поражение, тактика, стратегия, боевой дух** и т.п. (Елистратов 2005). Проиллюстрируем использование военной лексики в дискурсе художественной гимнастики: «*Боевое настроение* было у абсолютной чемпионки мира Ольги Капрановой» (Евгения Канаева); «*И это была не только приобретённая привычка, это было нечто большее: Галима как-то призналась мне, что ценит в своём тренере умение понять её настроение, верно обрисовать обстановку на состязаниях, найти нужный тактический ход*» (Спорт, музыка, грация). «*И когда они встречаются на соревнованиях, разгорается интересная, захватывающая борьба*» (Спорт, музыка, грация). «*It has been a classy duel between Kabaeva and Bessonova and this says a lot about the strong nerves of these two gymnasts and their professionalism*» (Alina Kabaeva is World Champion). «*The first rhythmic gymnastics medal went to the Ukraine's Elena Vitrichenko, who snatched it by a hair's breadth after a struggle with Belarusian Ogryzko and Russia's Zaripova in the individual multiple event*» (The Exceptional Serrano). «*The head of Ukrainian's gymnastics federation said the allegations were "artificially created" as part of an early fight for medals in Beijing*» (Ukrain Gymnastics).

Таким образом, метафоризация является характерным способом образования терминов как в русской, так и в английской терминосистемах художественной гимнастики. Терминологические единицы, образованные данным способом, являются краткими и эмоционально окрашенными, при этом они функционируют в текстах двух регистров: высоком (учебно-методическая литература, правила судейства) и низком (разговорная речь гимнасток и тренеров). В результате проведённого исследования мы пришли к выводу о том, что продуктивность косвенной номинации обусловлена не значимостью зрительного образа для номинатора, а отсутствием в языке номинативной единицы для наименования объекта и семантической емкостью метафоры. Асимметрия метафорических единиц в русской и английской терминосистемах художественной гимнастики проявляется в отсутствии в англоязычной системе полных эквивалентов русских метафорических терминов и терминов с диминутивными суффиксами.

Литература

1. Terminologie Rhythmische Sportgymnastik / Erarbeitet von Dr Ruth Hess et al – Berlin Sportverl, 1983.
2. Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование: учебное пособие . – Казань, 1985.
3. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М., 1977.
4. Елистратов, А. А. Военная лексика в языке спорта // Русская речь. – М., 2005 – № 2. – С. 64 – 69.

5. Капанадзе Л.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965. – С. 86–103.
6. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. – М., 1961.

Источники иллюстративного материала

1. Alina Kabaeva is World Champion [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gymmedia.com/budapesto3/allgemein_e.asp?id=800&sp=2&rt=RG.
2. The Exceptional Serrano: A little French girl looms large in the rhythmic gymnastics event [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ulb.ac.be/assoc/fisu/html/srhythmic_gymnastics.html
3. Ukraine Gymnastics – Former world gymnast champion Irina Deryugina denies breaking rules and demands International Gymnastics Federation officials step down [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.itnsource.com/shotlist/RTV/2008/04/27/RTV2292608/>
4. Евгения Канаева: «Выигрывают непохожие. Выигрывают яркие» // Спортивная жизнь России. – 2009. – 7. – С. 2–4.
5. Спорт, музыка, грация: художественная гимнастика. – М., 1978.

И. Ю. Вострикова

Национальная специфика структурной организации лексико-семантических полей «Трудовая деятельность» в русском и английском языках

Данное исследование посвящено выявлению национальной специфики структурной организации ЛСП глаголов трудовой деятельности. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин «Национальная специфика структурной организации лексики проявляется: 1) в количестве единиц, образующих группу (поле); 2) в наборе и количестве подгрупп; 3) в степени наполненности отдельных подгрупп; 4) в степени номинативной дифференциации обозначаемой смысловой области (З.Д.Попова, И.А.Стернин, с. 39). В данной работе мы проанализируем набор и количество структурных единиц, входящих в рассматриваемые поля, выделяя сходства и различия, что позволит нам выявить национальную специфику структурной организации лексики в исследуемых языках.

Лексико-семантические поля глаголов трудовой деятельности в русском и английском языках являются не только обширными по объёму (816 лексических единиц в русском языке и 1337 – в английском языке), но и сложными и разнообразными по составу и семантике.

Исследование выявило высокую степень сходства структурной организации сравниваемых ЛСП. В обоих полях выделяются группы, подгруппы, минигруппы, микрогруппы и микроподгруппы. Структуры рассматриваемых полей совпадают по количеству входящих в них групп, подгрупп, минигрупп и микрогрупп. И в русском, и английском языках изучаемые поля имеют четыре группы, шесть подгрупп, 13 минигрупп и 28 микрогрупп. Однако количество микроподгрупп в сравниваемых языках различается. Так, в русском языке выделяется 55 микроподгрупп, а в английском языке – 66.

В русском ЛСП, в отличие от английского, отсутствуют одиннадцать весьма интересных с точки зрения национальных особенностей семантики микроподгрупп.

В микрогруппе **«Трудовая деятельность, связанная со строительно-ремонтными работами»** в русском языке выделяется семь микроподгрупп, а в английском – восемь (в русском поле отсутствует микроподгруппа **«Работы по строительству изгородей и заборов различных видов»**).

В микрогруппе **«Трудовая деятельность, связанная с ремесленными работами»** в английском языке выделяется семь микроподгрупп: **«Обувное ремесло»**, **«Кожевенное ремесло»**, **«Кузнечное дело»**, **«Резьба по дереву/деревообработка»**, **«Гончарное ремесло»**, **«Валяльное ремесло»**, **«Парикмахерское дело»**, в русском же языке в данной микрогруппе имеется всего две микроподгруппы – **«Общие наименования ремесленного труда»** и **«Различные ремесленные работы»**.

Микрогруппа **«Трудовая деятельность, связанная с судоходством»** является цельной, неделимой структурной единицей в русском языке, в английском же аналогичная микрогруппа включает четыре микроподгруппы: **«Общие наименования трудовой деятельности, связанной с судоходством»**, **«Работа на судне»**, **«Работа по обслуживанию и починке судна»**, **«Работа по доставке и погрузке на судно»**.

Микрогруппа **«Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием»** в русском языке является неделимой структурной единицей, в то время как в английском языке эта микрогруппа имеет две микроподгруппы: **«Общие наименования трудовой деятельности, связанной с украшением и декорированием»** и **«Работа по украшению различными материалами»**.

Можно предположить, что наличие в английском ЛСП перечисленных выше микроподгрупп может быть объяснено национальными особенностями языкового членения действительности носителями английского языка и особенностями исторического развития Англии.

Необходимо отметить, что в русском ЛСП имеется только одна микроподгруппа, не зафиксированная в английском поле: в микрогруппе **«Традиционно домашняя трудовая деятельность»** зафиксирована микроподгруппа **«Работа, связанная с отоплением помещений»**. Сделаем предположение, что наличие данной микроподгруппы в русском языке может быть объяснено как климатическими особенностями, так и особенностями языкового членения действительности носителями русского языка.

Следует отметить, что как в русском, так и в английском языках две группы: **«Общие наименования трудовой деятельности»** и **«Наименования процессов вторичной трудовой деятельности»** не подлежат дальнейшему делению. Отметим однако, что номинативная плотность (термин В.И. Карасика - Карасик 2004, с.111) одноименных структурных единиц в русском и английском языках не совпадает. В частности, группа **«Общие наименования трудовой деятельности»** в русском языке включает 6 единиц, а в английском – 22 единицы, группа **«Наименования процессов вторичной трудовой деятельности»** содержит 9 единиц в русском языке, и 33 – в английском.

Точно также различаются по языкам в количественном отношении и другие одноименные структурные единицы. Особо обращают на себя внимание количественные различия в номинативной плотности микрогрупп. Так, в

микрогруппе «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием» в русском языке присутствуют всего три единицы, а в английском – 51, в микрогруппе «Трудовая деятельность, связанная с судоходством» в русском языке 10 единиц, а в английском – 62 и т. д. Подобные различия в количественном составе лексем, входящих в одноименные микрогруппы в двух языках может быть объяснено тем, что английский язык в этих случаях демонстрирует тенденцию к более детализированному членению действительности.

Приведем примеры структурных единиц, которые демонстрируют наиболее яркие количественные различия в номинативной плотности. Так, группа «Общие наименования трудовой деятельности» в русском языке представлена следующими шестью лексемами: *делать/сделать, поработать, потрудиться, производить/произвести, работать, трудиться*. В английском языке к этой группе относится гораздо больше лексем: *act, busy, do, elaborate, execute, exert, fabricate, function, functionate, graft, labour, make, manufacture, operate, perform, practise, produce, profess, prosecute, realize, serve, work*. В обоих полях все перечисленные глагольные лексемы характеризуют умственно-физическую трудовую деятельность, поскольку семантика данных глаголов не позволяет выявить в них конкретные признаки либо умственной, либо физической трудовой деятельности.

В группу «Наименования процессов вторичной трудовой деятельности» в обоих языках входят глагольные лексемы, обозначающие трудовую деятельность, основанную на повторении. В русском языке это следующие девять лексем: *воспроизводить/воспроизвести, воссоздавать/воссоздать, восстановливать/ восстановить, выправлять/выправить, возрождать/воздордить, воскрешать/ воскресить, дублировать, исправлять/исправить, реставрировать*. В одноименную группу в английском языке входят 33 лексемы: *arrange, change, correct, duff, duplicate, fair-copy, modernize, novate, readjust, realign, reattach, rebuild, recast, reconstruct, reform, re-joint, remake, remodel, renew, reproduce, reshape, rewind, rewrite* и др.

Особенно значительные количественные различия демонстрируют микрогруппы изучаемых ЛСП. Так в микрогруппу «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием» в русском языке входят три лексемы: *декорировать, отделять/отделать, украшать/украсить*, а в английском – 51: *apparel, attire, beatify, beauty, beset, bespangle, deck, decorate, diaper, drape, drapery, dress, face, feather, fig, flounce, frieze, fringe, fur, jewel, ornament, pattern, pipe, ribbon, sash, sculpture, tinsel, trace, trim* и др.

Микрогруппа «Трудовая деятельность, связанная с судоходством» представлена в русском и английском языках лексемами, которые обозначают виды деятельности, выполняемые человеком при обслуживании судна на воде и работе в доках. В русском языке в данную микрогруппу входят 10 лексем: *драить, задраивать/задраить, оснащать/оснастить, причаливать/причалить, пришвартовывать/пришвартовать, пришвартовываться, расснащивать/ расснастить, трализовать, швартовать, швартоваться*. Английская же одноименная микрогруппа представлена 62 лексемами: *anchor, boat, bouse, brace, bream, bum, buoy, canvas, embark, fag, fake, feaze, fid, freight*,

haze, holystone, jerque, jib, keckle, navigate, parrel, prick, sail, serve, ship, strop, sweat, sweep, swig, tow, trim, whip и др.

В целом исследование показало, что структурная организация лексико-семантических полей трудовой деятельности в русском и английском языках демонстрирует как сходство, так и национальную специфику. Сходство проявляется в наличии одноименных групп, подгрупп, минигрупп и микрогрупп. Национальная специфика выражается в количестве микроподгрупп, а также в различиях в номинативной плотности одноименных структурных единиц.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.– М., 2004.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.

С.И. Деркач

Национальная специфика тематической группы «Общие наименования политических понятий» в русском и английском языках

Предметом изучения в данной статье стала одна из тематических групп, составляющих смысловую сферу «Политика и идеология» в русском и английском языках – «Общие наименования политических понятий».

При описании национально-специфических особенностей рассматриваемой группы лексики мы использовали систему формализованных параметров, которые позволили получить целостную и объективную оценку исследуемого материала по следующим показателям:

Номинативная плотность – количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик В.И., 2004, с. 111)

Семенная плотность – общее количество семем, репрезентируемых семантиками лексем, номинирующих определенную сферу действительности (Калугина В.А., 2006, с.5)

Индекс полисемантичности – отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004, с.34)

Индекс однозначности лексем группы – отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (Колтакова 2008, с.38)

Индекс принадлежности к исследуемой тематической группе – отношение общего количества развивающихся лексемами данной подгруппы/группы семем с семой тематической группы к общему количеству семем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004, с.34)

Индекс первичной денотативной отнесенности – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с.38)

Индекс вторичной денотативной отнесенности – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с.38)

Индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам

Д1 и Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с.38)

Индекс семантической близости единиц группы – отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/ или ряды, к общему количеству лексем данной групп. (Чернова 2006, с. 38)

Для оценки соотношения номинативной и семемной плотности представилось целесообразным ввести также *индекс внутригрупповой полисемантичности*, вычисляемый через отношение семемной плотности к номинативной плотности.

Проведенное исследование показало, что номинативная плотность рассматриваемой тематической группы в русском языке составляет 14 лексем. Следует отметить, что три из них (*гражданство, миропорядок, нацименьшинство*) являются однозначными, четыре (*государство, нация, идеология, страна*) – двузначными, а остальные семь лексем группы (*власть, гражданин, народ, народность, национальность, партия, политика*) демонстрируют развитую полисемию. Так, например, семантина лексемы *партия* представлена 7 семемами, шесть из которых, однако, не содержат сему исследуемой группы. Представляют интерес семантины лексем *власть* и *политика*, содержащие семемы, по которым указанные лексемы входят в состав других тематических групп смысловой сферы **«Политика и идеология»**. В качестве примера рассмотрим семантику лексемы *политика*.

Семантина данной лексемы представлена семемой Д1, двумя семемами Д2, и семемой К1. По семеме Д1 «деятельность органов государственной власти и управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других общественных группировок, определяемая их интересами и целями» и по семеме Д2 «события и вопросы общественной, государственной жизни» данная лексема входит в рассматриваемую тематическую группу. Статус семемы Д2 имеет также семема «образ действий кого-либо, направленный на достижение чего-либо, определяющий отношение к кому-либо, чему-либо», по которой данная лексема выходит за рамки исследуемой смысловой сферы. По семеме К1 «революционная или подрывная деятельность, участие в антиправительственных выступлениях» лексема *политика* входит в другую тематическую группу изучаемой смысловой сферы – **«Противоправные действия партий и общественных движений»**.

В целом, 14 лексем рассматриваемой группы развиваю 41 семему. Следовательно, индекс полисемантичности здесь равен 2,9. Лишь три лексемы рассматриваемой группы являются однозначными. Таким образом, индекс однозначности лексем данной группы составил 21,4%. Семемная плотность данной группы лексики равна 18, из чего следует, что индекс принадлежности к исследуемой смысловой сфере равен 43,9%. Семь лексем входят в рассматриваемую группу по семеме Д1, две – по семеме Д2, а пять лексем (*государство, народ, национальность, нация, политика*) – по семемам Д1 и Д2. Таким образом, индекс первичной денотативной отнесенности к группе равен 50%, индекс вторичной денотативной отнесенности равен 14,3%, а индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности равен 35,7%. Интересно отметить наличие внутри группы трехчленного и четырехчленного синонимических рядов: *государство – страна – нация; народ – нация –*

национальность – народность. Таким образом, индекс семантической близости единиц группы равен 50%.

Номинативная плотность рассматриваемой тематической группы в английском языке – 17 лексических единиц. Лексемы *ideology* и *partyism* являются однозначными, лексемы *citizenship*, *deal* и *nationhood* двузначны, а остальные 12 лексем характеризуются развитой полисемией. Исследование показало, что 6 лексем изучаемой группы входят в нее по семеме Д1 (*partyism*, *ideology*, *citizen*, *country*, *people*, *state*), 6 – по семеме Д2 (*deal*, *deviation*, *estate*, *party*, *platform*, *power*) и 5 лексем (*citizenship*, *nation*, *nationality*, *nationhood*, *politics*) – по семемам Д1 и Д2. Заметим, что лексемы *politics* и *state* содержат в своих семантиках семемы, входящие в состав других структурных единиц смысловой сферы «**Политика и идеология**». Рассмотрим лексему *politics*, эквивалентную русской лексеме **политика**, более детально. Семантическая тема данной лексемы включает в свой состав три семемы. По семемам Д1 «политика, политические события, жизнь» и Д2 «политические взгляды, убеждения» данная лексема входит в рассматриваемую тематическую группу. Лексема *politics* также содержит в своей семантике семему К1 «политические махинации, интриги», входящую в другую структурную единицу исследуемой смысловой сферы – «**Предвыборная борьба и политические махинации**».

В целом, 17 лексем данной группы развивают в своих семантиках 76 семем. Следовательно, индекс полисемантического разнообразия равен 4,5. Индекс однозначности здесь равен 11,8%. Сему изучаемой смысловой сферы содержат 26 семем, из чего следует, что индекс принадлежности к исследуемой смысловой сфере равен 34,2%. Индекс первичной денотативной отнесенности к группе оказался равным 35,3%, индекс вторичной денотативной отнесенности также равен 35,3%, а индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности равен 29,4%. Также, как и одноименная тематическая группа русского языка, данная группа характеризуется наличием лексем, демонстрирующих синонимические отношения. Лексемы *country* – *estate* – *nation* – *state*; *nation* – *nationality* – *people* образуют четырехчленный и трехчленный синонимические ряды. Таким образом, индекс семантической близости единиц группы равен 41%.

Для сравнения парадигматических особенностей рассматриваемой группы лексики в русском и английском языках и интерпретации полученных значений индексов воспользуемся предложенной С.В. Колтаковой градацией оценки степени проявления национальной специфики лексики (Колтакова, 2008, с. 17). Согласно данной шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **несущественные, видимые, заметные и существенные**. Представим полученные результаты в таблице для большей наглядности:

Параметр	Русский язык	Английский язык	Характер национально-специфических различий
Номинативная плотность	14	17	видимые
Семемная плотность	18	26	существенные
Индекс полисемантического разнообразия	2,9	4,5	существенные
Индекс однозначности	21,4%	11,8%	существенные

Индекс принадлежности к смысловой сфере	43,9%	34,2%	существенные
Индекс первичной денотативной отнесенности	50%	35,3%	существенные
Индекс вторичной денотативной отнесенности денотативной	14,3%	35,3%	существенные
Индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности	35,7%	29,4%	заметные
Индекс семантической близости	50%	41%	заметные
Индекс внутригрупповой полисемантичности	1,3	1,5	видимые

Отметим, что **видимые** национально-специфические различия выявлены по двум параметрам, заметные различия зафиксированы также по двум параметрам, а существенные расхождения отмечены по шести параметрам из десяти.

Таким образом, преобладание **заметных** и **существенных** расхождений позволяет охарактеризовать национальную специфику тематической группы **«Общие наименования политических понятий»** в русском и английском языках как **ярковыраженную** (Колтакова, 2008, с.18).

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Калугина В.А. Национальная специфика языковой презентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): Автoref. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
3. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автoref. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
4. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
5. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2004.

С.В.Дмитриева, З.И.Кондратьева О цветообозначениях в составе лексики немецкого и французского языков

Цветообозначения – важный элемент описания и различия объектов окружающего человека мира. Уже в древнейшие времена лексикон человека содержал цветообозначения, но их спектр не был столь богат, как сегодня. Сравнительное изучение способов обозначения цвета в разных языках – одна из традиционных тем лингвистики. Предметом исследования данной статьи является выявление особенностей системы цветообозначений и способов

передачи цветовосприятий в языковых картинах мира носителей немецкого и французского языков.

На примере названий цвета можно убедиться, что даже такое объективное, общее для всех людей физическое ощущение, как цвет, во многих языках отражается по-разному, наименования окрасок составляют в них сложную систему, в которой обнаруживаются общие черты и показательные расхождения. Эти расхождения касаются как выделения цветов и оттенков, так и способов их обозначения. Что касается основного набора цветов, в немецком языке их насчитывается 8 (rot, weiß, blau, grün, grau, braun, schwarz, gelb). К основным цветовым терминам французского языка также относят 8 прилагательных: rouge, vert, blanc, jaune, bleu, noir, gris, brun. Среди этих цветоименований выделяют небольшую группу ядерных – наиболее распространенных и употребительных в данных языках. К таким прилагательным относят: vert, blanc, jaune, bleu, noir, rouge (Pastoureau 1992, с. 11).

Нередко специфический оттенок, имеющий особое словесное выражение в одном языке, не имеет закрепленного наименования в другом. Ввиду этого названия цвета легко заимствуются одним языком из другого. Так, французский язык даже некоторые основные цвета: blanc, bleu, brun, gris заимствовал из германских наречий. В современном немецком языке мы встречаемся с прилагательным blau вторично в его заимствованной из французского языка форме bleu «светло-голубой, бледно-голубой с легким зеленоватым оттенком» (применительно к расцветке одежды). Наименование «розовый» roza (нем.) , rose (фр.) – производное от заимствованного из средневековой латыни обозначения «роза» (цветок). Немецкое roza оказалось недостаточно информативным для потребностей двадцатого века с наблюдающимся интересом к тонким оттенкам цвета. Новое цветообозначение было вновь заимствовано из французского языка - (roze) «нежно-розовый, бледно-розовый». Позднее в гамме розовых оттенков появилось заимствованное из английского pink –«ярко-розовый», «пронзительно-розовый» (Розен 1991, с. 70).

Цвет обозначается обычно специальными цветовыми прилагательными, но в речи может возникнуть необходимость в наименовании каких-то особых оттенков. В этом случае в немецком и французском языках цвет предмета обозначается метафорически – путем сравнения его с другим предметом, обладающим соответствующим оттенком, например: chocolat, jaune de topaze, vert pistache, olive (фр.), krebsrot, blutrot, kirschrot, feuerrot, hellrot, zartrosa, korallenrot, himmbeerrot, weinrot, purpur (нем.). По мере употребления метафорические определения цвета могут закрепляться в языке и входить в общую гамму цветовых оттенков: так, violet, lilas, orange (фр.), beige, lila, violett, chamois (нем.) – стали уже обычными прилагательными цвета; выражения jaune paille (фр.) «соломенный цвет», vert malachite (фр.) «малахитовый», couleur de sable (фр.) «песочный цвет», fliederfarben (нем.) «сиреневый», kornblumenblau (нем.) « васильковый», fleischbraun (нем.) «телесного цвета» также превратились в устойчивые аналитические обозначения.

Мотивы номинации цвета черпаются из самых разнообразных областей окружающего современного человека мира. Цветообозначения в рассматриваемых языках опираются как на традиционные названия плодов и растений: citrone, mauve, fraise (фр.), Schilf, Olive, Flieder, Tomate, Orchidee, Lupinen, Tomate, Apricot (нем.), так и на наименования животных: chamois,

souris (фр), Bizon, Kamel, Flamingo, Antilope, Hummer (нем.). Появляются новые названия оттенков, которые даются по цвету минералов и по цвету химических веществ: Mangan, Anthrazit, Anilin, Alebaster (нем.), rubis, rouge de jaspe, vert de chrysolithe, bleu smalt, jaune de cadmium (фр.); явлений природы: blanc nuage, bleu de ciel (фр.), schneeweiß, himmelblau, seegrün (нем.); пищевых продуктов: jaune de moutarde, blanc de sucre (фр.), fleischrot, honiggelb (нем.); напитков Farbe Sekt, Champagner, Whisky (нем.), cacao, champagne, bordeaux (фр.).

В немецком и французском языках используется большое количество цветообозначений, содержащих в своем составе собственные имена: Dior, Tizian, Raffaelrot (нем.), bleu de Prusse, bleu de Chine, bleu Hawaii, Moulin Rouge (фр.).

Параллельно с описанной выше нестандартной формой прилагательных-цветообозначений те же названия функционируют и в обычной для немецкого языка форме сложного слова, второй компонент которого содержит традиционное цветообозначение типа rot, blau, grün и т.п. Таковы, например, обозначения azaleen-rot, polar-blau, curry-braun (das Curry – пряно-острая приправа коричневого цвета), Cyclamenrot, Eisblau. Список новых цветообозначений здесь открыт благодаря фантазии сочинителей рекламы. Есть подобные цветообозначения и во французском языке: bleu marine, rouge feu, rouge brique. Однако чаще оттенки передаются в этом языке не через основные цвета, а особыми словами: zinzolin «красновато-лиловый», bis «коричневато-серый», рисе «красновато-бурый». Следует отметить, что во французском языке ввиду легкости конверсии любое слово или словосочетание может стать обозначением цвета. Перечень цветов в словаре Робера содержит такие словосочетания, как queue de vache, cuisse de Nymphe, gorge de pigeon, feuille morte, brou de noix. Встретившись в тексте с такими наименованиями, сложно определить цвет, который они обозначают, так как они немотивированы.

Сравнивая использование цветообозначений в геральдике рассматриваемых языков, следует отметить, что во французском языке существует большее количество специальных обозначений цвета на гербах: sinople «зеленый», sanguine «коричневый», gueules «красный», azure «синий», sable «черный». Цветовые прилагательные этого языка, легко субстантивируясь, используются для обозначения предметов: le bleu «рабочая блузка», une noire «четвертая нота», rouge et noire «рулетка».

Цветообозначения входят составной частью в наименования, используемые в кулинарии, как во французском языке, так и в немецком: blanc manger «заливное из белого мяса курицы или дичи», cuisson au bleu «варка рыбы в вине», truite au bleu «форель, сваренная в пряном соусе» (фр.), rote Grütze «кисель», schwarzer Kaffee «кофе без молока», Aal blau, Forelle blau – имеется в виду особый способ приготовления рыбы; blauer Heinrich – солд. жарг. «перловая каша», Berliner Weiße «Северное шампанское или светлое берлинское пиво» (нем.).

Наименование лиц по профессии на базе метонимического переноса «вид и цвет одежды» - «лица, носящие при исполнении профессиональных занятий одежду этого вида и цвета» часто оформлены сложным словом, например: Blaujake «моряк», Blaumann «монтер», der Weißkittel «каменщик», der Schwarzrock, Schwarzkittel «священник», Grünrock «охотник», der rote Meister «палач». Есть примеры такого вида метонимического переноса и во французском языке: col bleu «моряк», casques bleus «вооруженные силы ООН», blouson noir «бандит».

В немецком и во французском языках употребляются и интернационально известные выражения-перифразы, имеющие в основе определенные цветообозначения: *der Weiße Tod* «смерть в снегу при сходе лавин», *der weiße Sport* «зимний спорт», *die weiße Kohle* «электроэнергия», *weißes Gold* «хлопок, сахар, фарфор», *der schwarze Tod* «чума», *das Weiße Haus* «резиденция президента США», *der schwarze Erdteil* «Африка». По этой же схеме в немецкий язык пришли *der Blaubart* из французского языка и *Blaustrumpf* из английского языка. Во французском языке среди таких общеизвестных выражений можно перечислить: *maillot jaune* «желтая майка лидера», *Europe verte* «сельскохозяйственная Европа», *eminence grise* «серый кардинал», *vers blanc* «нерифмованный стих», *papillons noirs* «мрачные мысли».

Существует также ряд номинаций, которые не имеют аналогов в других языках, поскольку они связаны с реалиями данной страны. В немецком языке это: *Weiße Flotte* «Белая флотилия» (пассажирское судоходство Германии), *Weißen Kreis* «белый район или город» (районы в которых домовладельцы не ограничены в установлении квартплаты), *der Grüne Bericht* «зеленый отчет» (ежегодно публикуемый в Германии отчет о положении в сельском хозяйстве), *die weißen Jahrgänge* (возрастные группы, освобожденные от воинской службы), *ein blauer Brief* (1. извещение об увольнении; 2. письмо родителям из школы о неуспеваемости ребенка), *Blaue Schwerter* «голубые мечи» (символ изделий из Мейсенского фарфора). Подобные примеры есть и во французском языке: *contes bleus* «бессмысленные выдумки» (в XVI веке какой-то изатель начал выпускать романы в голубых обложках для юношества, полные всяких небылиц), *papillons bleus* «извещение о штрафе» (в Париже ограничивается время и место стоянки автомобилей, а при нарушении полицейский помещает у ветрового стекла запертой машины голубую бумажку – извещение о штрафе), *cordon bleu* «искусная хозяйка» (раньше в школах для девочек голубой лентой награждались те из них, которые проявляли недюжинные способности к домоводству).

Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слов-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с самим понятием цвета. Нередко непривычный цвет, обычно не прилагаемый к данному существительному, подчеркивает исключительный, чрезвычайный характер явления: *peur bleue (noire)* «панический страх», *colère (blanche, rouge, bleue, jaune)* «яростный гнев», *pétrole rouge* «нелегальная продажа нефти» (фр.), *eine schwarze Seele* «подлая душа», *j-n schwarz ärgern* «доводить до исступления, до белого каления кого.л.», *j-n grün und blau schlagen* «отдубасить, выдрать кого-л.», *sich gelb und grün ärgern* «быть вне себя, беситься» (нем.). Конкретный характер цвета в таких выражениях, вероятно, не столь важен, но указание на цвет служит показателем интенсивности. Интересно, что само слово «couleur» во французском языке может использоваться в этой же функции: *en voir de toutes les couleurs* «всего насмотреться», *en faire voir de toutes les couleurs* «показать, где раки зимуют».

Таким образом, при сопоставлении систем цветообозначения немецкого и французского языков следует отметить, что системы цветообозначения в этих языках четко структурированы, количество цветообозначений постоянно увеличивается, как в немецком, так и во французском языке используется

несколько лексем для передачи одного и того же цвета и его оттенков, цветообозначения передаются в составе сложных существительных, образованных сочетанием цветового прилагательного с существительным – носителем данного признака.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод: цвет – уникальный феномен во всех культурах. Цветообозначения представляют собой знаки необычайной культурологической насыщенности и большой смысловой ёмкости.

Литература

1. Pastoureau , M. Dictionnaire des couleurs de notre temps. – Paris, 1992.
2. Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность - М., 1991.

И.С. Карпенко

Особенности тематической отнесенности наиболее частотных прилагательных в английском и русском языках

Сопоставительные исследования в области семантики в последнее время все больше и больше привлекают лингвистов.

На материале частотного словаря русского языка С.А. Шарова и списка частотных прилагательных Британского национального корпуса был проведен сопоставительный анализ ста наиболее частотных прилагательных русского и ста наиболее частотных прилагательных английского языков. Исследование показало, что наиболее частотные русские прилагательные могут быть поделены на следующие 10 семантических групп²:

- “Социально-политические характеристики” (*российский, политический, гражданский, социальный и т.д.*) – 19 единиц;
- “Физические характеристики” (*маленький, короткий, легкий и т.д.*) – 12 единиц;
- “Характеристики особенностей” (*особый, специальный, определенный*) – 3 единицы;
- “Характеристики местоположения” (*местный, далекий, последний и т.д.*) – 8 единиц;
- “Возрастные, временные и количественные характеристики” (*молодой, современный, единственный и т.д.*) – 14 единиц;
- “Характеристики физического и морального состояния” (*больной, живой, сильный и т.д.*) – 5 единиц;
- “Характеристики принадлежности” (*чужой, собственный*) – 2 единицы;
- “Характеристики внешности” (*красивый, чистый*) – 2 единицы;
- “Финансово-экономические характеристики” (*дорогой, финансовый, экономический*) – 3 единицы;
- “Качественные характеристики предметов и объектов” (*простой, страшный, сложный, добрый, хороший и т.д.*) – 31 единица.

Рассмотренные прилагательные английского языка делятся на 9 семантических групп, 8 из которых являются одноименными с русскими:

² Данное деление проводилось нами по семеме Д1 изучаемых лексем (Копыленко, Попова 1989, с.31)

- “Социально-политические характеристики” (*social, political, private, legal and etc.*) – 19 единиц.
- “Физические характеристики” (*big, large, high and etc.*) – 9 единиц.
- “Характеристики особенностей” (*particular, special, specific and certain*) – 4 единицы.
- “Характеристики местоположения” (*final, central, previous and etc.*) – 8 единиц.
- “Возрастные, временные и количественные характеристики” (*young, late, single and etc.*) – 13 единиц.
- “Характеристики физического и морального состояния” (*strong, able, dead*) – 3 единицы.
- “Финансово-экономические характеристики” (*economic, financial, poor*) – 3 единицы.

В английском языке была также выявлена не зафиксированная в русском языке группа “Характеристики цвета и его оттенков”, включающая 4 единицы: *black, red, white, clear*. В то же время, как показало исследование, в английском языке отсутствуют две отмеченные в русском языке группы: “характеристики принадлежности” и “характеристики внешности”.

Как показало исследование, и в русском и английских языках в выделенных группах отмечено наличие подгрупп. При этом по количеству и наименованию этих подгрупп наблюдаются как совпадения, так и несовпадения. К примеру, в группе “возрастные, временные и количественные характеристики” в обоих языках выделяются три одноименные подгруппы: *возраст, время и количество*. В группе же “физические характеристики” количество подгрупп в английском и русском языках разное. В английском языке это *размер, высота, протяженность*, а в русском – *размер, высота, протяженность и вес*.

В русском языке среди наиболее частотных прилагательных выделено в общей сложности 16 подгрупп: 1) *размер*, 2) *вес*, 3) *высота*, 4) *протяженность*, 5) *возраст*, 6) *время*, 7) *количество*, 8) *целостность*, 9) *различия*, 10) *подобие*, 11) *положительные качества*, 12) *важность*, 13) *вероятность*, 14) *простота/сложность*, 15) *отрицательные качества*, 16) *популярность*, а в английском языке – 17: 1) *размер*, 2) *высота*, 3) *протяженность*, 4) *возраст*, 5) *время*, 6) *количество*, 7) *целостность*, 8) *различия*, 9) *подобие*, 10) *положительные качества*, 11) *важность*, 12) *вероятность*, 13) *простота/сложность*, 14) *отрицательные качества*, 15) *ограниченность*, 16) *безграничность*, 17) *доступность*. Проведенный сопоставительный анализ выявил отсутствие в английском языке двух присутствующих в русском языке подгрупп: “вес” и “популярность”, а также наличие трех дополнительных подгрупп: “ограниченность”, “безграничность” и “доступность”.

Исследование выявило наличие среди наиболее частотных прилагательных русского и английского языков сопоставимых лексем. В общей сложности отмечена 31 пара таких лексем: *public* – общественный, *labour* – рабочий, *political* – политический, *international* – международный, *national* – национальный, *American* – американский, *human* – человеческий, *social* – социальный, *small* – маленький, *short* – короткий, *wide* – широкий, *long* – длинный, *high* – высокий, *little* – небольшой, *certain* – определенный, *far* – далекий, *final* – последний, *local* – местный, *following* – следующий, *young* – молодой, *late* –

поздний, early – ранний, new – новый, real – реальный, strong – сильный, economic – экономический, financial – финансовый, simple – простой, possible – возможный, common – общий, whole – целый.

Остальные наиболее частотные прилагательные обоих языков не имеют сопоставимых лексем, что свидетельствует о различиях языковой картины мира носителей этих языков. Так для носителей русского языка релевантными оказались прилагательные: *российский, русский, государственный, советский, московский, федеральный и т.д.*, а для носителей английского языка: *British, European, French, royal, English, etc.*

В обоих языках среди наиболее частотных прилагательных наблюдаются прилагательные с синонимичным значением. Так, в английском языке это прилагательные *large/big – большой, special/particular – особый, modern/current – современный, single/only – единственный, important/significant – важный, different/various – различный*, а в русском языке: *похожий/подобный, особый/специальный*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что для носителей русского и английского языков наиболее релевантными оказываются лексемы, выражающие разные понятия.

В целом, можно отметить, что анализ наиболее частотных прилагательных русского и английского языков дает основание говорить о наличии общего и отдельного в их семантике.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
2. Шаров С. А. Частотный словарь русского языка. – www.artint.ru/projects/freqlist.asp
3. British National Corpus. – <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>

Н.В. Костенко, Н.В. Кочетова
**Национально-специфические особенности
лексико-семантической группы прилагательных с общим
значением «Отрицательные черты характера человека»
(в русском и английском языках)**

В данной статье предпринята попытка сопоставления лексико-семантической группы прилагательных (ЛСГ) с общим значением «Отрицательные черты характера человека» в русском и английском языках. Целью статьи является выявление и описание сходств и национально-специфических различий исследуемой группы в рамках сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2010).

ЛСГ прилагательных с общим значением «Отрицательные черты характера человека» как в русском, так и в английском языке представляют собой сложные и разнообразные по составу и семантике группировки.

Рассмотрим ЛСГ прилагательных «Отрицательные черты характера человека» в русском языке. Данная группа подразделяется на две подгруппы: «Волевые качества» и «Нравственные качества». В подгруппе «Волевые качества»

выделяются 2 миниподгруппы: «Волевые качества, связанные с сильным темпераментом» и «Волевые качества, связанные со слабым темпераментом». В подгруппе «Нравственные качества» были выделены 3 миниподгруппы: «Отношение к другим людям», «Отношение к труду и его результатам», «Отношение к самому себе».

Проведенное исследование показало, что номинативная плотность исследуемой группы, под которой понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу деятельности (термин В.И. Карасика – Карасик 2004, с.111), в русском языке достаточно велика и составляет 219 лексических единиц (ЛЕ). Из них 94 однозначных лексемы (*неумеренный, безжалостный, бесчеловечный, обидчивый, ранимый и др.*), 125 многозначных лексем, из которых 72 лексемы являются двухзначными (*холодный, сдержаный, навязчивый, тихий, печальный и др.*).

Для выявления национально-специфических особенностей рассматриваемой группы в рамках сопоставительно-параметрического метода нами были использованы индексы однозначности и полисемантичности.

Индекс однозначности, или отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (термин С.В. Колтаковой – Колтакова 2008, с.37) в рассматриваемой группировке равен 42 %.

Индекс полисемантичности - отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной группы, к общему количеству лексем данной группы (термин Н.М.Шишкиной – Шишкина 2004, с.34) составляет 2,1.

Как показало исследование, абсолютное большинство лексем входят в структурные единицы группы по денотативным семемам. В русском языке 167 лексем (*беспечный, халатный, капризный, легкомысленный, вспыльчивый и др.*) из 219 входят в рассматриваемую группу по семеме Д1 (используется терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с. 31-32).

В качестве примера рассмотрим лексему **нелюдимый**, которая включает три семемы: одну семему Д1 и две семемы Д2. Данная лексема входит в рассматриваемую ЛСГ по семеме Д1 «малообщительный, предпочитающий одиночество» (*Он был нелюдимый, ни с кем не знался, вечно сидел один. /А.И.Герцен/*).

Исследование выявило также лексемы, входящие в рассматриваемую группу по семеме Д2. В русском языке таких лексем 36 (*грубый, суровый, мрачный, немноголюдный, тихий и др.*). В качестве примера рассмотрим лексему **грубый**, которая содержит четыре семемы: одну семему Д1 и три семемы Д2. Данная лексема входит в рассматриваемую ЛСГ по семеме Д2 «недостаточно культурный, неделикатный, нечуткий» (*Вы невоспитанный, грубый человек! /А.П.Чехов/*).

Необходимо отметить, что 9 лексем входят в структурные единицы исследуемой лексико-семантической группы по семемам Д1 и Д2 (**пошлый, ленивый, строгий, беспощадный, предательский и др.**). В качестве примера рассмотрим лексему **пошлый**, которая содержит три семемы - одну семему Д1 и две семемы Д2. Данная лексема входит в рассматриваемую ЛСГ по семемам Д1 «низкопробный в духовном, нравственном отношении» (*Характеризуя другого человека и его действия словами пошлость или пошлый, говорящий в своих глазах возвышается над ним, думая про себя: а мои ценности — настоящие, и*

поэтому я бесконечно превосхожу тебя /А.А. Зализняк/) и Д2 «вульгарный, содержащий что-л. неприличное, непристойное» (Дачи и дачники — это так *пошло*, простите /А.П.Чехов/).

Количество лексем, входящих в рассматриваемую группу по семеме К1, в русском языке составило 4 единицы (*горячий, темный, серый, холодный*). В качестве примера рассмотрим лексему *горячий*, которая содержит три семемы: Д1, Д2 и К1. Данная лексема входит в рассматриваемую ЛСГ по семеме К1 «легко возбуждающийся, вспыльчивый, неуравновешенный, несдержаный» (*Горячий характер - не всегда дурной характер. Но чем человек стремительнее и горячей, тем он должен иметь больший навык к самообладанию.* /Н.В.Шелгунов/).

Для определения того, по каким семемам лексемы данной группы преимущественно входят в ее состав, нами использованы введенные С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с. 37-38) индексы первичной, вторичной денотативной отнесенности, первичной и вторичной денотативной отнесенности и коннотативной отнесенности.

Индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе, или отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1, к общему количеству лексем данной структурной единицы, равняется 76 %.

Индекс вторичной денотативной отнесенности, или отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы, равен 16 %.

Индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе, или отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы, составляет 4 %.

Индекс коннотативной отнесенности, или отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме К1, к общему количеству лексем данной структурной единицы, равен 2 %.

Перейдем к характеристике ЛСГ прилагательных английского языка. Сопоставительный анализ выявил высокую степень сходства ее структурной организации со структурной организацией одноименной группы в русском языке. Так, как в английском, так и в русском языке ЛСГ прилагательных «Отрицательные черты характера человека» подразделяется на две одноименные подгруппы: «Волевые качества» и «Нравственные качества», дальнейшее структурирование выделенных подгрупп в русском и английском языках также аналогично.

Номинативная плотность ЛСГ прилагательных «Отрицательные черты характера человека» в английском языке составляет 303 ЛЕ. Из них 160 однозначных лексем (*grasping, greedy, reserved, distrustful, arrogant и dr.*), 143 – многозначных (*hot, angry, fiery, wild, silly и dr.*), из которых 77 лексем являются двузначными (*dreadful, indifferent, foolish, placid, lazy и dr.*).

Для выявления национально-специфических особенностей рассматриваемой группы в рамках сопоставительно-параметрического метода нами были использованы индексы однозначности и полисемантичности. Индекс однозначности рассматриваемой ЛСГ английского языка равен 51 %, индекс полисемантичности составляет 1,9.

Как показало исследование, 242 единицы из общего количества 303 входят в

рассматриваемую группу по семеме Д1 (*passive, avid, timid, shy, sad и dr.*). В качестве примера рассмотрим семанту лексемы *passive*, которая включает две семемы - Д1 и Д2. Данная лексема входит в рассматриваемую ЛСГ по семеме Д1 «*someone who tends to accept things that happen to them or things that people say to them, without taking any action*» (*Today our tax situation is revolting, but too many of us remain passive in the face of it.* /Stephanie Bond/).

Исследование выявило 42 лексемы, входящие в рассматриваемую группу по семеме Д2 (*stiff, grim, harsh, strict, severe и dr.*). В качестве примера приведем семанту лексемы *stiff*, которая содержит три семемы - одну семему Д1 и две семемы Д2. Данная лексема входит в рассматриваемую ЛСГ по семеме Д2 «*strict, or severe*» (*For a moment Rubashov played with this idea, while Gletkin, again stiff and precise, searched in his documents.* /Gertrude Arnold/).

Количество лексем, входящих в рассматриваемую группу по семемам Д1 и Д2, в английском языке составило 19 ЛЕ (*foolish, cruel, brutal, immoral, corrupt и dr.*). В качестве примера рассмотрим семанту лексемы *foolish*, которая содержит три семемы - одну семему Д1 и две семемы Д2. Данная лексема входит в рассматриваемую ЛСГ по семемам Д1 «*unwise; silly*» (*Stay away from a foolish man, for you won't find knowledge on his lips.* /A proverb/) и Д2 «*ridiculous or absurd*» (*A foolish man may be known by six things: anger without cause, speech without profit, change without progress, inquiry without object, putting trust in a stranger, and mistaking foes for friends.* /Arabic proverb/).

Отметим, что в ходе исследования не было выявлено лексем, входящих в исследуемую группу английского языка по семеме К1.

При анализе английской группы для определения того, по каким семемам лексемы преимущественно входят в ее состав, нами также были использованы введенные С.В. Колтаковой индексы первичной, вторичной денотативной отнесенности, первичной и вторичной денотативной отнесенности и коннотативной отнесенности. Индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе равен 80%, индекс вторичной денотативной отнесенности – 14%, индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе составляет 6%, а индекс коннотативной отнесенности равен 0.

В целом проведенное исследование показало, что лексико-семантические группы «*Отрицательные черты характера человека*» в русском и английском языках демонстрируют как сходство, так и национально-специфические различия.

Сходства проявляются, прежде всего, в структурной организации групп, которые в обоих языках практически идентичны.

Что касается различий, то они были выявлены по всем использованным нами параметрам, однако степень их проявления неодинакова. Для оценки характера выявленных национально-специфических различий, нами была использована предложенная С.В. Колтаковой шкала, согласно которой национально-специфические различия, в зависимости от разницы в значениях соответствующих индексов, квалифицируются как существенные, заметные, видимые и несущественные (Колтакова 2008, с.170).

Как показывает наш материал, исследуемые группы демонстрируют существенную национальную специфику по такому параметру, как индекс относительной номинативной плотности (1,4).

Заметные различия отмечены только по одному параметру сопоставления – индексу однозначности лексем группы – разница между показателями данного индекса исследуемой группы в русском (42%) и английском (51%) языках составляет 9%.

Исследование выявило видимые различия по следующим параметрам:

- индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе (76% в русском языке, 80% в английском языке, разница между показателями данного параметра – 4%);
- индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе (16% в русском языке, 14% в английском языке, разница между показателями данного параметра – 2%);
- индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе (4% в русском языке, 6% в английском языке, разница между показателями данного параметра – 2%);
- индекс коннотативной отнесенности лексем к группе (2% в русском языке, 0% – в английском языке, разница между показателями данного параметра – 2%);
- относительный индекс полисемантичности (1,1);

Несущественных различий по параметрам выявлено не было.

Проведенная работа подтвердила возможность изучения национальной специфики на материале одноименных групп по использованным параметрам, которые позволяют дать качественным национально-специфическим различиям количественное выражение, что делает сопоставительное описание лексических группировок более обоснованным.

Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
4. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития. // Сопоставительные исследования – Воронеж, 2010. – С. 3-9.
5. Шишкина Н. М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук . – Воронеж, 2004.

Л.А. Кривенко

Многосеменные существительные русского и английского языков в сопоставительном аспекте

Предлагаемая статья посвящена изучению национальной специфики субстантивных лексем русского и английского языков на примере наиболее частотных многосеменных существительных, включающих от шести до девяти семем (типология М.А. Стерниной - Стернина 1999, с.42). Материалом исследования послужили Частотный словарь русского языка С.А. Шарова и список частотных существительных Британского национального корпуса, из которых были отобраны по сто наиболее частотных субстантивных лексем

русского и английского языков. Отобранные лексемы были поделены на группы в зависимости от объема семантемы.

Как показало исследование, в русском языке группа многосеменных субстантивных лексем включает в себя 28 лексем: *брать, вид, власть, время, голос, дом, дорога, земля, имя, история, конец, кровь, любовь, мать, машина, мысль, отец, отношение, письмо, работа, рука, ряд, солнце, старик, тело, товарищ, час, человек, шаг*. В английском языке в данную группу входят 17 лексем: *book, child, company, country, court, interest, name, need, process, reason, report, result, road, room, society, use, woman*.

При рассмотрении состава многосеменных субстантивных лексем в русском языке представилось возможным выделить 6 семантических подгрупп:

- наименования категорий физиологии – *рука, кровь, тело*;
- наименования природных объектов и явлений – *земля, солнце*;
- наименования философских категорий – *мысль, время, история, любовь, власть*;
- наименования предметов быта – *машина, письмо*;
- наименования людей – *старик, человек, товарищ*;
- наименования людей по родственным отношениям – *отец, мать, брат*.

В составе многосеменных субстантивных лексем английского языка выделяются только две семантические подгруппы:

- наименования местностей – *country, road*;
- наименования философских категорий – *society, result, reason, need*.

Остальные многосеменные лексемы обоих языков неоднородны по своей семантике и не подлежат объединению в подгруппы.

Обращает на себя внимание выделение в сравниваемых языках одинаковой подгруппы наименований философских категорий, что свидетельствует о важности данных понятий для носителей языка.

Как было отмечено выше, в состав группы многосеменных субстантивных лексем входят семантемы, включающие от шести до девяти семем. Исследование показало, что 18% от общего количества рассматриваемых многосеменных субстантивных лексем русского языка являются шестисеменными, 36% содержат по семь семем, 25% являются восьмисеменными и 21% содержат девять семем. В английском языке зафиксировано 30% шестисеменных лексем, 35% лексем, содержащих семь семем, 17,5% восьмисеменных и 17,5% девятысеменных лексем.

Полученные результаты дают основание сделать вывод о том, что в рассматриваемой группе наиболее частотных многосеменных субстантивных лексем, как в русском, так и в английском языках преобладают семисеменные лексемы.

Приведем примеры таких лексем в русском и английском языках. Так, семантема лексемы *брать* содержит одну семему Д1 «каждый из сыновей в отношении к другим детям тех же родителей или одного из них» (*А братья Райт несколько лет строили свой биплан, чтобы пролететь несколько сотен метров или ярдов*) и шесть семем К1 – « тот, с кем объединяют, сближают общие интересы, условия жизни и т.п.; единомышленник, собрат» (*Нашему брату по разуму зеркало будет кстати), «член религиозного братства, монах», «фамильярное или дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику» (*Тут, брать, психология), «люди, объединенные общими условиями, положением,**

связанные общим делом, интересами» (*Братья по литературе!*), «каждый член какого-л. коллектива; участник чего-л.» (У *Магазинеров же на ужин к чаю подавались, всегда одинаково, только конфеты; и когда я, сладкоежка, раз взял две конфеты, получился конфуз: конфет выдавали строго по одной на брата*), «иные существа по отношению к человеку» (У *людей вырабатывается чувство сострадания к меньшим нашим братьям*).

В качестве примера семисемемной лексемы английского языка рассмотрим семантику лексемы *country*, в состав которой входит одна семема Д1 «страна» (*It is a large country with a small population*), одна семема Д2н/а³ «музыка кантри/относящийся к музыке кантри» (*The Town and Country Music Guide (Penguin)*- атрибутивный лексико-грамматический вариант), четыре субстантивные семемы К1 «родина, отчество», «местность, территория» (*Country that is too dry for tropical forest but has enough rain to ward off desert contains scattered trees in a setting that is primarily grassland*), «присяжные заседатели; жюри присяжных заседателей», «область, сфера знаний, идей», а также семема К1н/а «деревня, сельская местность, провинция/сельский, провинциальный» (*Better roads and more efficient and cheaper forms of transport have facilitated contact between town and country / It was the free-standing sort that might have stood outside a country pub*).

Исследование показало, что рассматриваемые нами подгруппы отличаются **индексом полисемантичности**, (термин Н.М. Шишкиной – Шишкина 2004, с. 34), под которым понимается отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы. Индекс полисемантичности рассматриваемой группы в русском языке составляет 7,5, что всего лишь на 0,27 превышает индекс полисемантичности соответствующей группы в английском языке, который равен 7,23.

Для выявления национальной специфики исследуемых групп применим введенные нами **индексы денотативной и коннотативной представленности**, под которыми понимается отношение количества денотативных/коннотативных семем к общему количеству семем в группе (Баранова/Кривенко/ 2009а). В русском языке индекс денотативной представленности равен 25%, в английском – 29%, индекс коннотативной представленности в русском языке составил 75%, в английском данный параметр равен 71%. Таким образом, можно констатировать, что в обоих языках в группе многосеменных лексем преобладают коннотативные семемы.

Одной из задач исследования было определение частотности семем в семантиках. Отметим, что словари частотности фиксируют частотность только лексем, а данных о частотности их семем практически нет, хотя они необходимы для определения востребованности того или иного значения лексемы. Частотность семем исследованных лексем определялась следующим образом: из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk) для каждой лексемы было отобрано по 1000 примеров употребления, каждый из примеров был соотнесен с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантику, в результате определялась частотность каждой семемы.

³ Обозначение лексико-грамматической вариантности лексемы, подробнее см. Стернина 2009.

Для объективной характеристики частотности значения в семантеме мы использовали **индекс коммуникативной релевантности семемы**, под которым мы понимаем отношение количества зафиксированных употреблений данной лексемы к общему количеству её исследованных употреблений (Баранова /Кривенко/ 2009б).

Что достаточно предсказуемо, индекс коммуникативной релевантности семемы Д1, то есть основного значения лексемы, в большинстве случаев оказывается выше, чем семем Д2 и К1. Так, в состав семантемы лексемы *вид* входят одна семема Д1 «внешность, видимый облик, состояние» (*Он вздрагивает, ставит игру на паузу и оборачивается с кислым видом*) с индексом коммуникативной релевантности 72,3%, две семемы Д2 «грамматическая категория глагола, обозначающая характер протекания действия в его отношении к результату, длительности, повторяемости и т.п. (в лингвистике)» (*Однако половина класса пробует новые пути: время и вид глагола еще ни разу не выступали как факторы, обусловливающие правописание корней, знаменательна сама попытка учеников расширить сферу поиска, открытость детских умов новым возможностям*) с индексом коммуникативной релевантности равным 0,1% и «подразделение в систематике, входящее в состав высшего раздела – рода» (*Потенциальная опасность заключается в возможности неконтролируемого распространения новых видов и генов, нарушающих природное равновесие и живые системы*) с индексом коммуникативной релевантности 0,4%, а также пять семем К1 «местность, видимая взором» (*Зато квартиру я снимала шикарную, на Фрунзенской набережной, с видом на реку*) с индексом коммуникативной релевантности 1,6%, «пейзаж, изображение природы», «нахождение в поле зрения, возможность быть видимым» (*Я привык к тому, что жизнь моя (и частная – не исключение) у всех на виду*) с индексом коммуникативной релевантности 0,4%, «предположение, расчет, намерение» (*Вообще Гладков имел виды на наши курсы: фронтовики*) с индексом коммуникативной релевантности 0,7%, «разновидность, тип» (*Согласно этому закону в общий стаж входила любая работа, все виды обучения, служба в армии в двойном размере*) с индексом коммуникативной релевантности, равным 24,5%.

В английском языке в качестве примера можно привести лексему *name*. В состав семантемы входят семема Д1n/a/v «личное название человека, даваемое при рождении, имя, фамилия/именной, авторский/давать имя, называть» (*First, the murdered man: he turned out to be a student at the Petrine Agricultural Academy, and his name was Ivanov/ It was the habit of the Elizabethan English, when dividing the provinces into counties, to name each new county after the town with which the namers were most familiar*) с индексом коммуникативной релевантности 70,3%, семема Д2 «имя существительное», пять семем К1: «название, наименование, обозначение, название фирмы, фирменное название» (*A 'lamp' is the correct name for what most of us call a light bulb*) с индексом коммуникативной релевантности 28,8%, «репутация, слава, добре имя» (*He made his name in the 1950s as a prize-winning and rather racy novelist*) с индексом коммуникативной релевантности 0,5%, «великий человек, личность/известный» (*Over the last few years, Keith Cardwell has become a big name in 'documentary photography', he explains just how and why*) с индексом коммуникативной релевантности 0,2%, «фамилия, род» (индекс коммуникативной релевантности 0), «упоминать» (*It can help in cases of*

insomnia, high blood pressure, tension and heart conditions — to name but a few) - с индексом коммуникативной релевантности 0,2%.

Однако, как показало исследование, не у всех многосеменных лексем русского языка семемы Д1 являются наиболее коммуникативно релевантными. Таких лексем насчитывается одиннадцать – *день, шаг, товарищ, ряд, тело, земля, машина, человек, отношение, власть, имя, письмо*.

В качестве примера приведем лексему *письмо*. Семема Д1 данной лексемы «изображать на бумаге или ином материале какие-либо графические знаки (буквы, цифры, ноты)» (*Заключить нечто в скобки можно только на письме*) имеет индекс коммуникативной релевантности всего 1,8%. Наиболее же коммуникативно релевантной является коннотативная семема К1 «написанный текст, посылаемый для сообщения чего-либо кому-либо» (*Прихожу домой, дочка мне говорит, что в почтовом ящице письмо лежит*) с индексом коммуникативной релевантности 96,1%.

В английском языке, по нашим данным, в группе многосеменных лексем подобных явлений не наблюдается.

Таким образом, проведенное исследование показало, что группы многосеменных субстантивных лексем русского и английского языков не демонстрируют серьезных национально-специфических различий. Наиболее ярко различия в рассмотренных группах проявляются в зафиксированных нами в русском языке случаях меньшей по сравнению с другими семемами коммуникативной релевантности семем Д1.

Литература

1. Баранова /Кривенко/Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках// Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С.18-21.
2. Баранова /Кривенко/ Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Вып. 21. – Воронеж, 2009. – С. 50-52.
3. Британский национальный корпус – <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
4. Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru
5. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
6. Частотный словарь С.А. Шарова – www.artint.ru/projects/frqlist.asp
7. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2004.

И.Н. Никитина

Особенности семантом наиболее частотных многосеменных глагольных лексем русского и английского языков

В данной статье рассматриваются особенности семантом наиболее частотных многосеменных глагольных лексем русского и английского языков.

Отметим, что под многосеменными лексемами мы понимаем такие лексемы, которые по типологии, предложенной М.А. Стерниной (Стернина 1999, с.42), содержат от шести до десяти семем. Многосеменные глагольные лексемы были отобраны из списка 100 наиболее частотных глаголов, полученных в результате

сплошной выборки из частотного словаря русского языка С.А. Шарова и списка частотных глаголов Британского национального корпуса.

В русском языке в группу наиболее частотных многосеменных глагольных лексем входят 33 единицы: *войти, глядеть, думать, ждать, знать, казаться, кричать, молчать, находиться, ответить, подумать, показаться, понимать, попасть, послать, появиться, прийти, просить, работать, решить, остановиться, остаться, отвечать, сидеть, следовать, слушать, слышать, спросить, считать, узнать, хотеть, читать, чувствовать*. Аналогичная английская группа включает в себя 26 единиц: *accept, agree, allow, apply, ask, begin, believe, build, buy, consider, continue, grow, involve, offer, pay, produce, provide, remember, send, spend, suggest, tell, understand, wait, watch, write*.

В качестве примера русских многосеменных лексем приведем лексемы «остановиться» и «сидеть». Так, шестисеменная лексема русского языка «остановиться» насчитывает шесть семем: семему Д1 (терминология М.М.Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с.31-32) «перестать действовать, работать» – *Лифт остановился на третьем этаже, двери бесшумно разошлись в стороны...* (Т.Устинова), семему Д2 «удержать себя от продолжения какого-л. действия» – *Катерина, усмехнувшись, пошла к двери, но остановилась, взявшись за ручку* (Т.Устинова), 4 семемы К1 «прекратиться, прерваться в своем развитии, течении» – *Жизнь есть жизнь, и она продолжается для всех, даже если для тебя она по каким-то причинам остановилась* (А.Маринина), «уделить особое внимание; задержаться, сосредоточиться» – *На ней остановился испытующий взгляд прозрачно-голубых глаз* (А.Малышева), «прийти к решению, заключению» – *Итак, мы остановились на том, что в первый момент семья Руденко показалась тебе большой и дружной* (А.Маринина), «временно расположиться, обосноваться где-л. по приезде, прибытии куда-л.» – *Я даже предложила ему остановиться у меня, но он ни в какую* (Е.Вильмонт).

Семантина лексемы «сидеть» состоит из 9 семем: семемы Д1 «находиться в вертикальном положении» – *Посмотри на нашего Рому, он уже может сидеть в кроватке* (А.Берсенева), восьми семем К1 «заниматься делом, исполнять обязанности» – *Натэлла Саркисян ... сидела с годовалым внуком на даче* (Д.Донцова), «вести сидячий или оседлый образ жизни» – *Он всю жизнь сидит на своей земле и не хочет уезжать* (А.Малышева), «отбывать срок лишения свободы» – *Надо помочь бедному парню, не сидеть же ему семь лет за несовершенное преступление* (Д.Донцова), «пребывать в каком-л. положении, состоянии» – *Я не могу дольше оставаться, у меня кот сидит голодный* (А.Малышева), «подчиняться режиму; ограничивать себя в чем-л.» – *Моя невестка похожа на вязальную спицу, но отчего-то считает себя ожиревшей свинкой и вечно сидит на диете* (Д.Донцова), «располагаться на поверхности или внутри каким-л. образом (о частях тела, одежде и т.п.)» – ... зеленая больничная шапочка лихо сидела на светлых волосах (А. Берсенева), «таиться, корениться в глубине (души, сознания и т.п.)» – *Они привыкли быть хозяевами, и это сидит очень глубоко* (А. Берсенева), «пользоваться, извлекать выгоду» – *Берут не все, то есть не все приватизируют ресурс, на котором сидят (ruscorpora)*.

В качестве примеров многосеменных лексем английского языка приведем лексемы «begin» и «tell».

Семантина лексемы «begin» насчитывает 7 семем: семему Д1 «начинать, приступать к чему-л.» – *We begin to walk down the corridor...* (S. Kinsella), пять семем Д2 «начинаться с какого-л. времени» – *The shows, featuring songs from Seven Brides for Seven Brothers, My Fair Lady and Oklahoma, will begin at 7.30 pm (British natcorp)*, «начинать кем-л., чем-л.» – *He may begin as a standard-bearer and allow himself to be persuaded to go forward as a contender (British natcorp)*, «начинаться с чего-л.» – *All these schemes begin with a public meeting which local chiefs and members of parliament attend (British natcorp)*, «начать говорить» – ‘*Then why —?*’ *he begins (British natcorp)*, «начать что-л. в первый раз» – *In his sixteenth year he had the confidence to begin to write descriptive nature essays for publication in journals and newspapers (British natcorp)* и семему К1 «быть далеким от чего-л., даже не приближаться к» – *We cannot begin to imagine how we could force our readers to return their newspapers ... (British natcorp)*.

Семантина лексемы «tell» является десятисемемной и состоит из: семемы Д1 «сообщать, говорить» – *He began to tell me that there was something in my lung (British natcorp)*, трех семем Д2 «сообщать, свидетельствовать» – *Its memorials tell of wealth and poverty, while its size and situation relate to the foundation of the church and its status (British natcorp)*, «рассказывать» – *The Act is not meant to penalise those who tell tasteless racist jokes (British natcorp)*, «говориться, рассказываться» – *The story tells beautifully (S. Kinsella)* и 6 семем К1 «выбалтывать; выдавать» - *I'll tell you my secret if you tell me yours (British natcorp)*, «ябедничать, наговаривать» – *Steven used to tell on him you see (British natcorp)*, «отличать, различать» – *It's difficult to tell one beetle from another (British natcorp)*, «отличаться, выделяться» – *Her voice tells remarkably in the choir (I. Coldwell)*, «отзываться, сказываться» – *She's been under a lot of stress recently and it's starting to tell (British natcorp)*, «приказывать, велеть» – *Tell Wally to keep his eyes open and let me know when they pass him... (British natcorp)*.

Как показало исследование, в русском языке в рассматриваемой группе 37% от общего количества составляют шестисеменные лексемы, 18% - семисеменные, 24% - восьмисеменные, 21% - девятисеменные глагольные лексемы, десятисеменных лексем в данной группе не обнаружено. В английском языке зафиксировано 23% шестисеменных, 15,5% - семисеменных, 27% - восьмисеменных, 11,5% - девятисеменных и 23% - десятисеменных семантем.

Таким образом, в группе наиболее частотных многосеменных глаголов русского языка преобладают шестисеменные лексемы, в аналогичной английской группе – восьмисеменные.

В целом 33 наиболее частотные многосеменные глагольные лексемы русского языка развиваются в своих семантинах 241 семему. В аналогичной английской группе у 26 лексем насчитывается 207 семем. Следовательно, индекс **полисемантичности** (термин Н.М.Шишкиной – Шишкина 2004, с.34), под которым понимается отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной группы, к общему количеству лексем этой группы, в русском языке равен 7,3, в английском – 8.

Как показало исследование, наиболее частотные многосеменные глагольные лексемы русского и английского языков отличаются **индексами денотативной и коннотативной представленности семем** (термин Л.А.Барановой – Баранова 2009, с.21), под которыми понимается отношение количества денотативных /коннотативных семем к общему количеству семем в группе. В русском языке

индекс денотативной представленности семем равен 26,5%, в английском – 41,5%, индекс коннотативной представленности семем в русском языке составил 73,5%, в английском – 58,5%. Таким образом, в семантиках наиболее частотных многосеменных глагольных лексем русского и английского языков превалирует коннотативная номинация.

Для дальнейшего исследования нами была использована шкала оценки степени проявления национальной специфики (Колтакова 2008). Согласно этой шкале, если расхождения между показателями индексов составляют более 10%, то данные национально-специфические различия можно квалифицировать как **существенные**. Если расхождения варьируются от 5 до 10%, то мы имеем дело с **заметными** различиями. Если разница между показателями индексов составляет от 1 до 5%, то национально-специфические различия рассматриваются как **видимые**, если разница менее 1% – различия **несущественные**.

Использование данной шкалы оценки степени проявления национальной специфики показало, что по двум параметрам – **индексам денотативной и коннотативной представленности семем** в русском и английском языках зафиксированы **существенные** расхождения (разница между показателями соответствующих индексов составляет 15%).

В заключение отметим, что проведенное исследование наиболее частотных многосеменных глагольных лексем русского и английского языков выявило различия в их семантиках. Так, в русской группе преобладают шестисеменные семантизы, в то время как в английской – восьмисеменные. В русском и английском языках отмечены также существенные расхождения по двум параметрам – индексам денотативной и коннотативной представленности семем. Лишь только по одному параметру (индексу полисемантичности) расхождения квалифицируются как несущественные. Таким образом, можно констатировать, что семантизы наиболее частотных многосеменных глагольных лексем русского и английского языков имеют ярко выраженные особенности.

Литература

1. Баранова Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосеменных субстантивных лексем в русском и английском языках. – Воронеж, 2009.
2. Колтакова С.В Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. фил. наук – Воронеж, 2008.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
4. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
5. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2004.

М.Е. Панкратова

Дихотомия «близко/далеко» в пространственной семантике русских и английских наречий

В последние десятилетия все чаще и чаще лингвисты обращаются к изучению средств вербализации пространственных отношений в языке (см. обзор

публикаций – Корнева 2005). Подобный интерес обусловлен тем фактом, что изучение таких единиц позволяет выявить особенности пространственного восприятия в различных лингвокультурах и обнаружить систему понятий, через которые мы осмысливаем окружающий мир. Традиционно наречия считаются специализированным средством выражения пространственных отношений в языке. Именно поэтому мы избрали предметом своего исследования данную часть речи. Общая система английских пространственных наречий обширна и включает 131 единицу, а русских – 95 (Стернина 1984).

Лексемы с общим значением «близко/далеко» выражают дистанционный признак, который важен для языкового сознания и для пространственной локализации объектов. Сравнительное изучение русских и английских наречий, используемых для выражения дихотомии «близко/далеко» позволит, как нам представляется, выявить общее и специфическое в интерпретации пространственных отношений в неблизкородственных языках.

Все наречные лексемы, описывающие пространственные отношения в русском и английском языках, можно вслед за О.Н. Селиверстовой разделить на две группы: собственно дистанционные (*близко, далеко, далековато, close, near*) и пространственно-дистанционные (*рядом, поблизости, вблизи, вдали, поодаль, nearby*) (Селиверстова 2004). Различие между ними заключается в том, что слова первой группы описывают расстояние между объектами, а второй – указывают, какую позицию занимает объект. Для проведения анализа средств пространственной локализации в изучаемых языках представляется целесообразным использовать дальнейшее разделение дистантных наречий на дейктические (местоименные) и знаменательные (неместоименные) в силу того, что данные разряды наречий по-разному квалифицируют пространственные отношения.

Проведенное исследование показало, что английские и русские наречия с семантикой «близко/далеко» по-разному дифференцируют пространственные отношения (мы пользовались данными словарей Longman, Collins Cobuild, БТСРЯ). Так, русские дейктические наречия четко делят пространство на два дистанционных пояса, или зоны удаленности (терминология Е.С. Яковлевой – Яковлева 1994). Зона близости представлена лексемами *здесь, тут, сюда, отсюда*, а зона удаленности, в свою очередь, – *там, туда, оттуда*. Как справедливо заметила В.В. Корнева (Корнева 2006), русские наречия отличаются отсутствием синонимов (исключение составляет стилистическое разграничение употребления наречий *здесь* и *тут* – последнее является более разговорным вариантом) и четким разграничением пространства на зоны «близко» и «далеко». Кроме того, отношения между дейктическими наречиями русского языка строятся на разграничении понятий статика/динамика (пространство находится близко к говорящему или далеко от него, или же оно направлено к говорящему или от него, или от неговорящего, например, *оттуда*). Лексемы, соответственно, делятся на «*куда-* и *откуда-*наречия» (*туда* и *отсюда, оттуда*). Русские дейктические наречия, таким образом, «имеют четко структурированную систему средств, каждое из которых «специализируется» на выражении определенного дистанционного признака (статического или динамического) в дихотомии «близко/далеко»» (Корнева 2006, с. 116).

В отличие от русских, английские дейктические наречия с семантикой «близко/далеко» делят пространство на три дистанционных пояса: ближайший,

дальний и промежуточный. Зона близости обозначается следующими наречиями: *here* (здесь, сюда) и устаревшим *hither*. Критерием их разграничения служит частотность употребления.

Группа наречий, описывающих зону удаленности, включает такие лексические единицы, как *there* (там, туда) и устаревшее наречие *thither* (туда).

Промежуточный дистанционный пояс маркируется наречиями местоположения *thereabouts* (где-то неподалеку) и *hereabouts* (где-то поблизости). Наречия этой группы менее определенно описывают расстояние, это некое среднее положение.

Наличие трех дистанционных поясов в английском языке говорит о более четком маркировании зон удаленности. Английские лексемы *here* и *hither*, *there* и *thither* имеют общие протогерманские корни (P.Gmc.*khi), а наречия *thereabouts* и *hereabouts* являются производными. Очевидно, что вербализация пространства в английском языке носит зеркальный характер (по два наречия для описания каждого дистанционного пояса, при этом эти пары наречий соотносятся между собой). Английские наречия, к тому же, в большинстве своем не обладают семантикой направленности (кроме устаревших наречий *hither* и *thither*). Для передачи направления, в частности значения удаления, английским дейктическим наречиям, в отличие от русских, требуются предлоги, например, *from here*. Параметр статика/динамика определяется семантикой глагольной лексемы (ср. *Come here!* – Иди сюда! *Stay here!* – Оставайся здесь (Bank of English).

Перейдем к анализу знаменательных наречий. Русские наречия с семантикой «близко/далеко» очень многочисленны. Это явление объясняется наличием ряда факторов: точки отсчета, характера описываемой ситуации, разграничения центра и периферии, субъективности самого восприятия и оценки пространства как близкого или далекого (Корнева 2006, с. 119). Обращает на себя внимание тот факт, что знаменательные наречия русского языка маркируют пространство несколько иначе, чем дейктические наречия. Так, согласно данным Е.С. Яковлевой, они указывают уже на три дистанционных пояса: первый – ближайший, второй – промежуточный, третий – дальний (Яковлева 1994, с.32).

Наиболее «проработанной» зоной в русском языке является зона близости. Ее можно подразделить на дифференцированную зону, которая указывает на максимальную, контактную степень близости (*вплотную*, *впритык*) и недифференцированную, или неконтактную (*близко*, *около*, *поблизости*, *рядом*, *вблизи*). Зона удаленности представлена наречиями *далеко*, *вдали*, *вдаль*, *вдалеке*. Промежуточный пояс составляют наречия *недалеко*, *неподалеку*, *невдалеке*. Они передают среднюю степень удаленности.

Основной критерий разграничения лексем, объективирующих один и тот же дистанционный пояс – семантический. Так, Е.С. Яковлева объясняет разницу между наречиями *вдали* и *вдалеке* следующим образом: оба наречия описывают «пограничное» расстояние окрестности говорящего с той разницей, что *вдалеке* обладает «большой свободой» при описании дальней дистанции, а *вдали* не используется относительно замкнутого пространства (Яковлева 1994, с.27). Иными словами, в семантике наречия могут отражаться особенности концептуализации пространства, открытого или закрытого (см., например, Корнева 2006).

Корпус английских знаменательных наречий дистанционной семантики также

обладает большим семантическим разнообразием. В английском языке выделяются две зоны маркирования пространства по степени удаленности. Ближайший дистанционный пояс включает лексемы *nigh*, *alongside*, *close*, *near*. Наречие *nigh* (близко) является устаревшим и употребляется чаще как наречие времени (*The end of the world is nigh*. – Конец света близок (The British National Corpus)). Русскому *близко* в английском языке соответствуют два английских слова: *near* и *close*. Как отмечает О.Н. Селиверстова (Селиверстова 2004), *close* указывает на расстояние между объектами, а *near* – на расстояние между их локусами (т.е. позицию, которую занимает объект). Сходным образом различаются лексема *far* и сочетание *far away*, описывающие зону удаленности.

Среди пространственных отношений выделяется особый тип пространственной ориентации, когда «способ структурирования пространства связан с геометрической «фигурой», соответствующей ряду или близкой ему» (Селиверстова 2004, с.933). В русском языке такой тип пространства объективируется словом *рядом*, в английском – *alongside*, в них содержатся указание на то, что объекты находятся в смежных рядах. *Boats moored alongside each other*. – Лодки причалили (пришвартовались) рядом друг с другом (Bank of English).

Наречие *nearby* (где-то поблизости) также маркирует зону близости, но в семантике данной лексемы прослеживается неопределенность: *Dan found work on one of the farms nearby*. – Дэн нашел работу на какой-то из ферм поблизости.

Наречия *away*, *beyond*, *far*, *afielid*, *afar*, *faraway* указывают на дальний дистанционный пояс. Для того, чтобы определить, чем отличаются данные языковые единицы, рассмотрим их значение несколько подробнее. Наречие *away* предполагает, что говорящий либо не может видеть предмет, либо держится в стороне. В толковом словаре Collins Cobuild наречие *away* дается в сочетании с такими глаголами, как *put away* – убрать, *look away* – смотреть в другую сторону. Динамическое употребление данной лексемы определяется контекстом – *Go away!* – уходи (прочь) (ср. в русском языке: Уходи с глаз долой!). Чаще всего *away* встречается с глаголами движения: *move away*, *go away*, *run away* (Collins Cobuild).

Лексема *beyond* (по ту сторону, за), согласно данным исследования Т.Н. Маляр, отличается тем, что она маркирует не путь и не движение, а референтную точку, относительно которой делится пространство (Маляр 2000, с. 290). Сочетания с *beyond* как бы повторяют движения взгляда, перцептивное движение по поясам пространства (*They crossed the mountains and headed for the valleys beyond*. – Они перешли горы и устремились к долинам за ними). Т.Н. Маляр также отмечает типичное для английского языка деление описываемого пространства на последовательные пространственные пояса с опорой на расположенные там объекты, что видно из приведенного выше примера.

Far указывает на наличие большого расстояния между объектами: *How far can you throw?* – Как далеко ты можешь бросить?

Лексема *afar* встречается исключительно в сочетании с предлогом *from*, что дает основание сделать предположение о том, что *from afar* (издалека) является предложно-наречным комплексом (Стернина 1984, с. 137).

Наречие *afielid* (в поле, на поле; вдали от дома, за границей) совмещает в своей семантике два параметра: «далеко» и «в конкретном месте» и имеет ограничения

в сочетаемости. В частности, оно употребляется не только с предлогом *from*, но и с наречием *far*, образуя сложное предложно-наречное сочетание: *Many of those arrested came from far afield* – Многие из арестованных приехали издалека (Collins Cobuild).

Обобщая наши наблюдения, отметим следующее.

Количественный состав русских и английских групп наречий с семантикой «близко/далеко» практически одинаков: 20 лексем в русском языке и 19 в английском. Корпус английских средств для вербализации пространственных отношений может быть значительно расширен за счет предложно-наречных комплексов, в русском же языке они представляют собой конечный, закрытый список. В целом, дистанционные отношения в изучаемых языках описываются с помощью одних и тех же понятий: «близко», «неподалеку», «далеко». Тем не менее, различия есть и здесь: в русском языке дейктические наречия описывают пространство в двух поясах, а в английском – в трех. Знаменательные же наречия, наоборот, в русском языке обозначают три дистанционных пояса, а в английском – только два.

Глубина когнитивной проработки данных параметров тоже может не совпадать. Так, для русского языка характерна градация при описании «ближних» пространств, в английском же языке акцент делается на удаленное пространство, в котором выделяется удаленность первой степени и второй степени (*over there, far away*).

Важным критерием разграничения лексем дистантной семантики в обоих языках является критерий видимости. Для английского языка значимыми оказываются также такие критерии, как рядность (*alongside*) и определенность / неопределенность (*nearby*).

Русские наречия в большинстве своем маркированы по признаку «статика / динамика» и среди них можно выделить *где-*, *куда-* и *откуда-*наречия. В английском же языке отсутствуют специальные наречия для передачи направления движения. Этой цели служат либо сочетания типа наречие+предлог (*from here*), либо глаголы соответствующей семантики.

В целом количественная сопоставимость лексем в английском и русском языках свидетельствует о том, что понятие удаленности является универсальным параметром членения пространства. В то же время различия в описании тех или иных зон удаленности отражают специфические черты мировосприятия носителей той или иной лингвокультуры и представляют собой материал для дальнейших исследований в данной области.

Литература

1. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary on CD-ROM: HarperCollins Publishers, 2003.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. – 3rd ed. – Harlow : Longman Group UK Limited, 1995.
3. Большой толковый словарь русского языка/ Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. 2001. (БТСРЯ)
4. Корнева В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №1. – С. 154-164.
5. Корнева В.В. Универсальное и специфическое в пространственной локализации // Человек как субъект коммуникации: Универсальное и специфическое:

- коллективная монография /. – Воронеж, 2006. – С. 114-128.
6. Маляр Т.Н. Пространственные концепты в семантике английских предложно-наречных слов и сочетаний *in front (of), ahead (of), behind, beyond*// Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М., 2002. – С. 263-297.
 7. Селиверстова О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия / Труды по семантике / – М., 2004. – С. 719-945.
 8. Стернина М.А. Семантические типы наречного слова (на материале пространственных наречий английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1984.
 9. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.

Ж.В. Петросян

Тематическая отнесенность русско-английских адъективных лакун

Проблема лексической лакунарности является особенно актуальной в свете повышенного интереса к проблеме межкультурной коммуникации.

В современной лингвистике существует два подхода к толкованию термина лакуна: в узком смысле (на лексическом и грамматическом уровне языка) и понимание этого явления более широко, как любых несоответствий и несовпадений, ощущаемых имплицитно. Мы придерживаемся первого из двух подходов и понимаем под межъязыковой лакуной некий смысл, не имеющий в исследуемом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания на фоне наличия подобных наименований в языке сопоставления.

В ходе исследования, проведенного методом сплошной выборки из Нового Большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д. Апресяна, нами было выделено 3350 русско-английских адъективных лакун. В результате анализа, была проведена тематическая классификация русско-английских адъективных лакун и выделено 19 тематических групп:

пространственные характеристики

плывущий по течению – ср. *afloat*

сильно наклоненный вперед (особ. о голове) – ср. *poking*

происходящий за бортом космического корабля – ср. *extravehicular*

находящийся в мешке – ср. *bagged*

временные характеристики

продолжавшийся всю ночь – ср. *overnight*

проделываемый перед сном, на сон грядущий – ср. *bedtime*

происходящий или выходящий раз в два месяца, происходящий или выходящий 2 раза в месяц – ср. *bimonthly*

звуковые характеристики

подобный звукам флейты – ср. *fluted*

характеристика флоры

растущий пучками или гроздьями – ср. *bunchy*

имеющий удлиненные листья – ср. *flaggy*

приподренный, покрытый пылью (о растении) – ср. *pulverulent*

характеристика фауны

находящийся на охоте (о животном) – ср. *libidinous*

имеющий клюв – ср. *rostrate*

характеристика местности

изобилующий мелями – ср. *shelfy*

богатый травами – ср. *herby*

застроенный бунгало (о городе) – ср. *bungalowoid*

характеристика одежды

с капюшоном (о плаще и т. п.) – ср. *hooden*

в тонкую полоску – ср. *pinstriped*

характеристика обуви

подбитый гвоздями (о сапоге, горных ботинках и т. п.) – ср. *hobnailed*

порядковые и количественные характеристики

самый последний – ср. *aftermost*

третий от конца (обыкн. о слоге) – ср. *antepenultimate*

(существующий) в 5 копиях или экземплярах – ср. *quintuplicate*

состоящий из 4 частей – ср. *quadruple*

состоящий из 5 частей – ср. *fivefold*

характеристика продуктов питания и блюд

приготовленный с мелко нарезанными овощами – ср. *printanier*

приготовленный в горшке – ср. *potted*

из муки грубого помола – ср. *household*

характеристика человека и его состояний

носящий крест – ср. *crutched*

использующий украшения – ср. *decorated*

неряшливо или безвкусно одетый – ср. *dowdy*

свободный от долгов – ср. *debtless*

подобный мяснику – ср. *butcherly*

проявляющий материнскую заботу – ср. *grandmotherly*

излишне любопытный, сующий во все свой нос – ср. *mousing*

легко, быстро утомляющийся – ср. *fatigable*

хорошо держащийся в седле – ср. *saddlefast*

невысокого интеллектуального уровня – ср. *lowbrow*

характеристика предметов окружающей действительности

помеченный лентой другого цвета – ср. *belted*

монтируемый на автомобиле – ср. *carborne*

передаваемый по трубам – ср. *piry*

маленький и изящный – ср. *bijou*

похожий на пуговицу – ср. *buttony*

похожий на швабру – ср. *torpy*

похожий на лепешку – ср. *caky*

расшищый стеклярусом – ср. *bugled*

украшенный перьями или плюмажем – ср. *plumed*

характеристика объектов приложения человеческой деятельности

купленный на черном рынке – ср. *black*

переделанный, приспособленный человеком – ср. *hominized*

написанный несколькими авторами – ср. *polygraphic*

характеристика родовой принадлежности

*относящийся к научной работе после защиты докторской диссертации – ср. *postdoctoral**

*относящийся к лечебным, благотворительным и др. учреждениям – ср. *institutional**

*относящийся к ворожбе, гаданию – ср. *mantic**

*относящийся к груди или коленям – ср. *gremial**

характеристика действий человека

*связанный с омовением, обмыванием – ср. *ablutionary**

*связанный с различными видами сбыта – ср. *multimarket**

характеристика общественных и социальных явлений

*получивший статус города (о населенном пункте) – ср. *incorporated**

*прочно укоренившийся – ср. *rootfast**

характеристика болезней и болезненных состояний

*не требующий постельного режима (о болезни) – ср. *ambulant**

*частый и сухой (о кашле) – ср. *hacky**

финансово-денежные характеристики

*стоимостью в один пенс или один цент – ср. *penny**

*с правом перевода (о пенсионной страховке) – ср. *portable**

*начисленный до уплаты налогов – ср. *pretax**

характеристика действий

*происходящий в определенных пределах – ср. *intramarginal**

*охвативший всю страну – ср. *countrywide**

*разбрзганный каплями – ср. *guttated**

*ярко светящийся – ср. *glowing**

*легко превращающийся в порошок – ср. *pulverulent**

Как показало исследование, количество лакун по группам существенно разнится – от 8 до 660. Так, наиболее многочисленными являются следующие группы русско-английских адъективных лакун: характеристика предметов окружающей действительности (660), характеристика человека и его состояний (559), характеристика родовой принадлежности (501), пространственные характеристики (114). Наименьше количество лакун зафиксировано нами в группах, отражающих финансово-денежные характеристики (10) и звуковые характеристики (8).

Литература

1. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Около 250 000 слов. / Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М., 1993.

Н.А. Портнихина

Национальная специфика семантического развития лексем *звезда* и *star* в русском и английском языках

В рамках сопоставительно-параметрического метода (Стернина; Стернин 2010) была предпринята попытка описания национальной специфики семантического развития лексем *звезда* и *star* в русском и английском языках с помощью предложенных нами формализованных параметров.

Как показало исследование, семантическое развитие данных лексем осуществляется на трех уровнях: на уровне переноса значений внутри семантемы (далее семемном уровне семантического развития слова), на уровне производных от данного слова лексем (далее словообразовательном уровне семантического развития слова) и на уровне образования фразеологических единиц (далее фразеологическом уровне семантического развития слова). Для определения репрезентативности каждого из этих уровней в развитии семантики слова нам представилось рациональным ввести такой формализованный параметр, как *индекс представленности уровня семантического развития слова*, под которым понимается отношение количества производных семантических единиц этого уровня к общему количеству единиц, производных от рассматриваемой семемы Д1 (Портнихина 2010б, с.105).

В процессе исследования нами были выделены семантические признаки, релевантные для развития производных семантических единиц. Отметим, что под семантическим признаком мы понимаем компонент значения, выявляющийся одновременно в двух или более семенах многозначного слова и/или производных лексических единицах и лежащий в основе развития значений данного слова. Для определения важности семантического признака в развитии семантики слова представилось целесообразным применить такой параметр, как *индекс продуктивности семантического признака*, который определяется как отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от семемы Д1 данной лексемы (Портнихина 2010б, с.106).

Как показал анализ, семантина лексемы *звезда* в русском языке включает тринадцать семем: семему Д1п⁴ «небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой (*И в это же время в предутреннем небе появлялась звезда Сириус после 70-дневного периода ее невидимости.*)», шесть семем Д2п: «геометрическая фигура с остроконечными выступами, равномерно расположеными по окружности (...на полу была начертана большая звезда.)», «предмет в форме геометрической фигуры с лучами, исходящими от центра (...звезда на новогодней ёлке...)», «условный типографский знак (*Отсюда звездочка отсылала к подстрочному примечанию.*)», «техн. шестерня с крупными зубьями (*На традиционной радиаторной решетке – не менее традиционная звезда, шарнирно прикрепленная к стилизованному под пробку заливной горловины радиатора «пьедесталу».*)», «воинский значок, знак отличия, орден, имеющий форму звезды (...*могла бы появиться у Сахарова четвертая геройская звезда, – за мужество и отвагу при выполнении своего служебного и гражданского долга.*)», «степень качества (отель пять звезд)», шесть семем К1п «пятно на лбу животного в форме звезды (*Конь был рослый и статный, с белой звездой на лбу.*)», «судьба, участь (*Он знал свою звезду, и была эта звезда высока и тяжела.*)», «знаменитая, выдающаяся личность (– *Левушка, ты у нас теперь звезда экрана, так что одевайся подобающе!*)», «тот, кто является предметом поклонения, любви (*Это была здравая мысль. – Звезда моя!*)

⁴ Обозначается частеречная принадлежность (подробнее об этом см. Стернина 1999).

– сказал я, вернувшись домой, возлюбленной.)»⁵, «чувство любви (Все нити сюжета сходятся, сердца соединяются, и зажигается звезда.)»*, «источник позитива (Если б звезда социализма, звезда будущего, не светила человечеству, не стоило бы жить)»*.

Семантическими признаками, релевантными для переноса значения внутри семантемы, являются: **форма небесного тела** (семемы Д2п «геометрическая фигура с остроконечными выступами, равномерно расположенным по окружности», «условный типографский знак», «техн. шестерня с крупными зубьями», «предмет в форме геометрической фигуры с лучами, исходящими от центра», семена К1п « пятно на лбу животного в форме звезды»), **форма небесного тела и превосходство небесного тела** (семена Д2п «войинский значок, знак отличия, орден, имеющий форму звезды»), **превосходство небесного тела** (семена Д2п «степень качества», семена К1п «знаменитая, выдающаяся личность», « тот, кто является предметом поклонения, любви»), **воздействие небесного тела** (семены К1п «судьба, участь»), **благоприятное воздействие небесного тела** (семены К1п «чувство любви», «источник позитива»).

Лексема **звезда** является основой словообразовательного гнезда, включающего семнадцать лексем. Семантическими признаками, релевантными для развития словообразовательного гнезда, являются: **небесное тело** (созвездие – участок небесной сферы со всеми проецирующимися на него с точки зрения земного наблюдателя небесными объектами, звездообразование – процесс образования звезд, звездный – связанный со звездой, звездопад – обильное падение метеоров, звездолет – летательный аппарат для полетов в космос, звездоплавание – передвижение, полеты в космическом пространстве на летательных аппаратах, звездоплаватель – тот, кто совершает полет в космическое пространство; космонавт), **форма небесного тела** (звездчатка – травянистое растение семейства гвоздичных, звездообразный – имеющий форму звезды, звездчатый – имеющий форму звезды, звездорыл – североамериканское млекопитающее, род крота со звездообразными выростами на морде), **превосходство небесного тела и форма небесного тела** (звездоносец – награжденный звездой), **свет от природного явления** (звездистый – усеянный яркими звездами, звездиться – блестать звездами, звездануть – очень сильно ударить), **воздействие небесного тела** (звездочет – предсказатель и гадатель по звездам; астролог), **превосходство небесного тела** (звездопоклонство – религиозный кульп звезд, поклонение звездам).

Лексема **звезда** в русском языке входит в состав четырнадцати фразеологических единиц. Семантическими признаками фразеологического переноса являются: **недосыпаемость** (считать звезды – быть склонным к мечтательности, фантазиям, через тернии к звездам – добиваться чего-то, преодолевая препятствия), **благоприятное воздействие небесного тела** (чья-то звезда восходит/его звезда взошла – преуспевать, идти в гору, **путеводная звезда** – то, что направляет, определяет чью-либо жизнь, деятельность, **родиться под счастливой звездой** – быть удачливым во всем, счастливым, **верить в свою звезду** – верить в судьбу, звезд с неба хватать – быть

⁵ Знаком * отмечены те значения слова, которые не зарегистрированы словарем и были выявлены автором в результате изучения примеров употребления этого слова в литературе.

незаурядным, выдающимся, отличаться умом, способностями), **неблагоприятное воздействие небесного тела** (чья-то звезда закатилась/его звезда закатилась – претерпевать неудачи (после успеха), **родиться под несчастливой звездой** – быть неудачливым во всем, несчастливым, звезд с неба не хватать – быть заурядным, не выдающимся, не отличаться умом, способностями), **превосходство небесного тела** (звезда первой величины – знаменитость, выдающийся человек, **восходящая звезда** – человек, начинающий приобретать славу, известность в какой-либо области), **свет от небесного тела** (звездам посыпаться из глаз – испытать сильный удар, при котором перед глазами возникают «искры»), **цикличность движения небесного тела** (до звезды – до вечера, до появления звезд).

Как показало исследование, индекс представленности семемного уровня семантического развития лексемы **звезда** оказался равным 28%, индекс представленности словообразовательного уровня – 39,5%, индекс представленности фразеологического уровня – 32,5%. Таким образом, семантическое развитие лексемы **звезда** преимущественно осуществляется на словообразовательном уровне.

Обращает на себя внимание, что семантический признак **превосходство небесного тела** релевантен для всех трех уровней семантического развития лексемы **звезда**. Два семантических признака – **форма небесного тела** и **воздействие небесного тела** – мотивируют семантическое развитие лексемы на семемном и словообразовательном уровнях. Семантический признак **благоприятное воздействие небесного тела** релевантен для семемного и фразеологического уровней. Семантический признак **свет от небесного тела** – для словообразовательного и фразеологического уровней. Семантический признак **небесное тело** релевантен только для словообразовательного уровня. Три семантических признака **недосыгаемость**, **неблагоприятное воздействие небесного тела**, **цикличность движения небесного тела** релевантны только для фразеологического уровня.

Индексы продуктивности перечисленных семантических признаков оказались следующие: **форма небесного тела** – 25,6%, **превосходство небесного тела** – 18,6%, **небесное тело** – 16,2%, **благоприятное воздействие небесного тела** – 16,2%, **свет от небесного тела** – 9,3%, **неблагоприятное воздействие небесного тела** – 7%, **воздействие небесного тела** – 4,6%, **недосыгаемость** – 4,6%, **цикличность движения небесного тела** – 2,3%.

Семантическое развитие лексемы **star** также прослеживается на всех трех уровнях. Семантина лексемы **star** в английском языке включает одиннадцать семем: семему D1n/adj⁶ «небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой (*The Sun is a star/звездный (star system)*)», семему D2n/adj «геометрическая фигура в виде звезды/звездообразный (*The kite was star shaped*)», три семемы D2n/v «полигр. звездочка (*It's a good long way west of the site which I've marked by a star.*)/помечать звездочкой (*The starred items on the list are the things you will need to buy every week.*)», «воинский значок,

⁶ Обозначается лексико-грамматическая полисемия (подробнее об этом см. Стернина 1999).

знак отличия, орден, имеющий форму звезды/награждать звездой», «степень качества (*5-star hotel*)/отмечать степень качества», три семемы K1n « пятно, отметина, звездочка (на лбу у животного)», « судьба, рок (*She had faith in her star.*)», « то, что является источником счастья, жизни (*Yet friendship remained the only star to steer by*)»*, семему K1v « усеивать, украшать чем-то ярким, блестящим (*The ponds were starred with water-lilies*)», семему K1n/v/adj « ведущий актер, выдающаяся личность (*the star of this show*)/играть главные роли (*Kenneth Branagh is to star in a remake of Mary Shelley's classic horror tale Frankenstein.*)/главный, превосходящий, знаменитый, выдающийся (*They are my star pupils*)», семему K1n/adj « пиротехническая ракета, военный осветительный снаряд/осветительный».

Семантическими признаками, релевантными для переноса значения внутри семантемы, являются: **форма небесного тела** (семема D2n/adj « геометрическая фигура в виде звезды/звездообразный», семема D2n/v « полигр. звездочка/помечать звездочкой», семема K1n « пятно, отметина, звездочка (на лбу у животного)»), **воздействие небесного тела** (семема K1n « судьба, рок»), **благоприятное воздействие небесного тела** (семема K1n « то, что является источником счастья, жизни»), **свет от небесного тела** (семема K1n/adj « пиротехническая ракета, военный осветительный снаряд/осветительный», семема K1v « усеивать, украшать чем-то ярким, блестящим»), **превосходство небесного тела** (семема K1n/v/adj « ведущий актер, выдающаяся личность/играть главные роли/главный, превосходящий, знаменитый, выдающийся», семема D2n/v « степень качества/отмечать степень качества»), **форма небесного тела** и **превосходство небесного тела** (семема D2n/v « воинский значок, знак отличия, орден, имеющий форму звезды/награждать звездой»).

Лексема **star** является основой словообразовательного гнезда, насчитывающего тридцать восемь производных. Семантическими признаками, мотивирующими образование словообразовательных единиц, являются: **небесное тело** (*starlet* – маленькая звездочка, **dog-star** – Сириус, **starquake** – «звездотрясение», **star-drift** – *astr.* собственное движение звезды, **star-gaze** – пристально смотреть на звезды, **star-chat** – звездная карта, **star-catalogue** – звездный каталог, **star-map** – звездная карта, **star-dust** – *astr.* космическая пыль, созвездие, находящееся слишком далеко, чтобы разглядеть отдельные звезды, его составляющие, **starspot** – *astr.* «звездное пятно»), **форма небесного тела** (**star-apple** – бот. «звездное яблоко», в разрезе напоминает фигуру звезды, **starfish** – зоол. морская звезда, **star-flower** – цветок со звездообразным венчиком, **star-grass** – растение со звездообразными цветами, **star-like** – подобный звезде, **star-stone** – мин. звездчатый камень, **star-anise** – бот. анис звездчатый, **star-of-Bethlehem** – растение семейства лилий со звездообразными цветами, **star-route** – маршруты, отмеченные звездочками в почтовых документах, **starred** – украшенный звездами, **starry** – украшенный звездами, **star-sprangled** – усыпанный звездами, **star-studded** – усеянный звездами), **воздействие небесного тела** (**star-man** – астролог), **неблагоприятное воздействие небесного тела** (**star-crossed** – несчастный, **ill-starred** – родившийся под несчастливой звездой, несчастливый), **свет от небесного тела** (**starlight** – свет от звезды, **starlit** – освещенный светом звезды, **starry-eyed** – с яркими, блестящими глазами, **star-shell** – осветительный снаряд, **star-bright** – яркий как звезда, **star-blind** – полуслепой, **starless** – беззвездный),

превосходство небесного тела (*stardom* – ведущее положение в театре, кино, *all-star* – *театр.*, кино состоящий только из звезд, *co-star* – играть главную роль в паре, *film-star* – кинозвезда), **форма и свет от небесного тела** (*star-sapphire* – тип сапфира, который отражает свет в виде звездообразного узора).

Лексема *star* в английском языке входит в состав двадцати трех фразеологических единиц. Семантическими признаками фразеологического переноса являются: **превосходство небесного тела** (*star turn* – главный номер программы, *star quality* – отличительное качество человека, делающее его превосходным, **a rising star** – восходящая звезда, личность, набирающая славу), **небесное тело** (*falling star* – метеорит, **a shooting star** – падающая звезда), **форма небесного тела** (*Star of David* – шестиконечная звезда, символизирующая иудаизм), **воздействие небесного тела** (*a guiding star* – путеводная звезда, *star sign* – знак зодиака, *the stars were against it* – сама судьба была против этого, **to believe in (to trust to) one's star** – верить в свою звезду, в свою судьбу, **to follow one's star** – следовать судьбе, *My stars!/My stars and garters!* – вот это да! Подумать только!), **неблагоприятное воздействие небесного тела** (*to be born under an unlucky star* – родиться под несчастливой звездой, **to be through with one's star** – испытывать неудачи (после успеха), утратить популярность, **to curse one's star** – проклинать свою судьбу, *the star has set/ one's star is set* – чья-то звезда закатилась, *star chamber* – суд или комитет, который нелегально собирается и выносит суровые решения), **благоприятное воздействие небесного тела** (*to be born under a lucky star* – родиться под счастливой звездой, **to bless (thank) one's stars** – благодарить свою счастливую звезду, судьбу, *one's star is rising (in the ascendant)/to have one's star in the ascendant* – преуспевать, идти в гору, **to have stars in one's eyes** – надеяться), **свет от небесного тела** (*to see stars* – искрам из глаз посыпаться), **недосягаемость** (*to reach for the stars* – из кожи вон лезть).

Анализ показал, что индекс представленности семемного уровня семантического развития лексемы *star* равен 14,1%, индекс представленности словообразовательного уровня – 53,5%, индекс представленности фразеологического уровня – 32,4%. Отметим, что, по результатам исследования, семантическое развитие лексемы *star* оказывается наиболее продуктивным на словообразовательном уровне.

Следует отметить, что четыре семантических признака **форма небесного тела, превосходство небесного тела, свет от небесного тела, воздействие небесного тела** мотивируют семантическое развитие лексемы *star* на всех трех уровнях. Семантический признак **благоприятное воздействие небесного тела** релевантен для семемного и фразеологического уровней. Семантические признаки **неблагоприятное воздействие небесного тела** и **небесное тело** релевантны для словообразовательного и фразеологического уровней. Семантический признак **недосягаемость** релевантен только для фразеологического уровня.

Индексы продуктивности семантических признаков, мотивирующих развитие лексемы *star*, оказались следующие: **форма небесного тела** – 26,7%, **небесное тело** – 17%, **превосходство небесного тела** – 14%, **свет от небесного тела** – 15,5%, **воздействие небесного тела** – 11,3%, **неблагоприятное воздействие небесного тела** – 9,8%, **благоприятное воздействие небесного тела** – 7%, **недосягаемость** – 1,4%.

В ходе исследования выяснилось, что для семантического развития лексем *звезда* и *star* релевантны восемь одноименных семантических признаков: *форма небесного тела*, *небесное тело*, *превосходство небесного тела*, *свет от небесного тела*, *воздействие небесного тела*, *неблагоприятное воздействие небесного тела*, *благоприятное воздействие небесного тела*, *недосягаемость*. Однако индексы их продуктивности различны (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Лексема Семанти- ческий признак	<i>звезда</i>	<i>star</i>
<i>Форма небесного тела</i>	25,6%	26,7%
<i>Небесное тело</i>	16,2%	17%
<i>Превосходство небесного тела</i>	18,6%	14%
<i>Свет от небесного тела</i>	9,3%	15,5%
<i>Воздействие небесного тела</i>	4,6%	11,3%
<i>Неблагоприятное воздействие небесного тела</i>	7%	9,8%
<i>Благоприятное воздействие небесного тела</i>	16,2%	7%
<i>Недосягаемость</i>	4,6%	1,4%

Для характеристики степени проявления национальной специфики семантического развития сравниваемых лексем с точки зрения продуктивности одинаковых семантических признаков представилось целесообразным ввести такой параметр, как *совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков*, под которым понимается сумма значений индексов продуктивности одноименных семантических признаков (Портнихина 2010, 108). Для лексемы *звезда* совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков оказался равным 102,1%, для лексемы *star* – 102,7%.

Как показал анализ, лексема *звезда* имеет эндемичный семантический признак *цикличность движения небесного тела*, не характерный для развития значений сопоставляемой лексемы. Для определения степени проявления эндемичности нами был введен *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков*, равный общей сумме значений индексов продуктивности этих признаков и показывающий, насколько продуктивными в каждом из языков являются эндемичные признаки семантического развития (Портнихина 2010а, с. 80). Совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков для лексемы *звезда* оказался равным 2,3%, для лексемы *star* – 0.

Таким образом, для оценки характера национально-специфических различий семантического развития рассматриваемых лексем нами в общей сложности используются пять выраженных в виде индексов укрупненных формализованных параметров, значения которых для лексем *звезда* и *star* представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Параметры	<i>звезда</i>	<i>star</i>	Разница в показателях параметров
Индекс представленности семемного уровня	28%	14,1%	13,9%
Индекс представленности словообразовательного уровня	39,5%	53,5%	14%
Индекс представленности фразеологического уровня	32,5%	32,4%	0,1%
Совокупный индекс продуктивности одноименных семантических признаков	102,1%	102,7%	0,6%
Совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков	2,3%	0%	2,3%

В целях определения национальной специфики семантического развития сопоставляемых лексем русского и английского языков нами был введен еще один формализованный показатель – *интегральный индекс национально-специфических различий семантического развития лексем*, определяемый как среднее арифметическое представленной в процентах разницы в показателях значений всех формализованных параметров, использованных для определения национальной специфики слова. Для лексем *звезда* и *star* значение этого индекса оказалось равным 6,18%.

Согласно введенному интегральному индексу национально-специфических различий семантического развития лексем, можно сделать вывод о национально-специфических особенностях семантического развития слова. Для этого нами может быть предложена шкала описания национальной специфики семантического развития слова (в зависимости от значения данного индекса). Согласно шкале, если значение индекса равно 0%, то данные национально-специфические различия можно признать как **не выраженные**. Если показатель интегральный индекс характера национально-специфических различий семантического развития лексем находится в пределах от 0,1% до 10%, то мы имеем дело с **неярко выраженными** различиями. Если показатель данного индекса варьируется от 10,1% до 30%, то различия могут квалифицироваться как **ярко выраженные**. Если показатель интегрального индекса составляет от 30,1% до 50%, то речь идет о **гипервыраженных** различиях. Если же показатель данного индекса оказывается более 50,1%, то мы признаем различия **сверхгипервыраженными**. Согласно данной шкале, национально-специфические различия семантического развития лексем *звезда* и *star* можно считать **неярко выраженными**.

Таким образом, с помощью сопоставительно-параметрического метода и введенных в его рамках новых формализованных параметров оказалось возможным сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития слова.

Литература

1. Портнихина Н.А. Использование формализованных параметров для описания национальной специфики развития семантики слова // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С.77-81.
2. Портнихина Н.А. Описание национальной специфики семантического развития лексем радуга и rainbow в рамках сопоставительно-параметрического метода // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2010. – С. 105-109.
3. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
4. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3 – 9.

М.Н. Рассоха

К вопросу о количестве лексических расхождений в британском и американском вариантах английского языка

Из специальной литературы хорошо известно, что степень изученности лексических особенностей британского и американского вариантов английского языка достаточно высока. Открытым, тем не менее, остается вопрос, попутно нередко поднимаемый исследователями, относительно количественного выражения лексических расхождений.

Среди лингвистов, как показывает даже беглый обзор, существуют разные точки зрения. Так, С. Гринбаум считает, что данные различия относительно незначительны – “relatively minor” (Greenbaum 1988, с. 38). К. Дэйвис, автор словаря бритицизмов и американизмов, напротив, пишет, что он был поражен огромным количеством расхождений в речи британцев и американцев: “I have been struck by the magnitude of the differences between British and American speech” (Davies 2000, с. VI). Отдельные исследователи предпринимали попытки прийти к каким-то конкретным данным, называя цифру в четыре тысячи слов (Davies 2000), или более неопределенно, как Д. Кристал, в несколько тысяч единиц – отдельных лексем, коллокаций и идиом, при этом указывая, что это количество явно занижено (Crystal 1999). В отечественной лингвистике относительно различий между английским языком в Америке и Великобритании известна точка зрения А.Д. Швейцера. Он указывал, что в специальной лингвистической и популярной литературе присутствует явное преувеличение расхождений между американским и британским вариантами (Швейцер 2003, с. 7).

Некоторое представление о количественной стороне лексических особенностей может дать обращение к словарям английского языка. Существуют специальные словари американизмов и бритицизмов, фиксирующие определенное количество лексического материала. В словарях английского языка общего типа уже закрепилась лексикографическая традиция обозначать пометами (*Am E* и *Br E*) лексические единицы, являющиеся словами-реалиями, или имеющие семантические особенности в указанных вариантах. Задавшись целью выяснить, сколько бритицизмов и американизмов регистрирует отдельный словарь данного хронологического периода, можно вполне справиться с такой задачей. Однако в то же время очевидно, что ни один словарь не сможет претендовать на полноту охвата лексического материала.

Как представляется, вопрос о количестве лексических различий является непростым, и конкретное содержание ответа на него будет зависеть от того, что следует считать американским и в чем заключается его отличие при сопоставлении с британским английским. При этом, во-первых, безусловно, следует учитывать временной фактор, т.е. время появления американства и продолжительность его бытования в языке. Во-вторых, немаловажен аспект языковых контактов, обусловивших дивергенцию американского и британского английского, и, не в последнюю очередь, взаимодействия самих двух вариантов. Остановимся на этих вопросах подробнее.

Известно, что понятие “американизм” и соответствующий термин был введен в научный оборот Дж. Уизерпуном в 1781 году в одной из статей для *The Pennsylvania Journal*. Статья была посвящена критике языковых отклонений в американском варианте по сравнению с британским английским. К американским автор отнес любое отклонение в употреблении словосочетания, слова или синтаксической конструкции. При этом существенно отметить, что Уизерпун ясно подчеркнул, что такое отличие не всегда означает, что слово или фраза плохие, но лишь то, что они возникли на американской почве (Mencken 1992, с. 6). Последний критерий – возникновение на американской почве – стал ведущим при определении американской лексической специфики в большинстве последующих работ. Однако, по справедливому замечанию А.Д. Швейцера, опора только на этот критерий выводит из состава американских исконно английские (британские) единицы. Например, авторы многотомного *Словаря английского языка в Америке*, изданного в 1960 г. под редакцией В. Крейги, не относят к американским словарные единицы, которые, возникнув впервые в Англии, впоследствии вышли там из употребления, но закрепились в Америке (Швейцер 2003, с. 9). Следовательно, для уточнения понятия “американизм” важно не только то, что слово возникло на американской почве, необходим учет и таких важных параметров, как хронологический, в частности, время вхождения в английский язык в Америке, а также источник лексической инновации.

Характерно, что появление лексических особенностей в английском языке Нового Света было отмечено достаточно рано. Первые американизмы стали известны англичанам в самую раннюю эпоху колонизации: такие слова были обнаружены уже в 1612 году в описании Вирджинии Джона Смита, при этом указывается точное количество – полдюжины слов (Mencken 1992, с. 3). Это первоначальное количество достаточно быстро расширилось до тысяч слов, характеризующих американский английский. Источники возникновения новой лексики хорошо известны: это влияние диалектов Великобритании в период заселения колоний, воздействие языковых контактов на протяжении всей истории английского языка в Америке, а также, естественно, инновационные процессы в самой американской лингвокультуре, вызывающие к жизни новые номинации.

Влияние временного фактора, связанного с продолжительностью бытования американства в языке, и специфика источников обновления лексики могут стать особой характеристикой американских определенного периода. Приведем в качестве примера две группы лексических единиц, относящихся к колониальному периоду. Очень активно в этот период в роли американизмов выступали слова, заимствованные из индейских языков. Они использовались для

обозначения особенностей быта, разного рода деятельности, природной среды: openuk, maquowoc, sagatemener и т.д. Входя в язык в больших количествах, многие из них, тем не менее, оказались недолговечными и впоследствии только некоторые из них удержались в языке (Finegan 2010, с. 384).

Вторым известным источником “американизации” лексики было использование слов британского происхождения, у которых менялось значение или развивались дополнительные семантические признаки. Характерно, что данные слова обозначали названия одежды, продуктов, предметов быта и т.д., то есть относились к сфере повседневного общения. Но и здесь также действовали стихийные процессы отбора лексического материала. По данным Р. Ледерера, составившего глоссарий колониального американского английского, около 3 000 выражений, функционировавших в английском языке в тот период, не используются, по крайней мере в значениях того времени, в современном языке, например: *burnish* “to grow fat”, *barleycorn* “unit of measurement” и другие (цит. по Finegan 2010, с. 385). Таким образом, данный лексический пласт, содержащий несколько тысяч слов, можно отнести к историческим американизмам, изучение которых может дать любопытный материал не только для выявления наиболее активных и динамичных периодов в плане номинативной деятельности. Его исследование является важным в целом для понимания процессов обновления лексики в условиях трансплантации языка и становления нового варианта, особенно его лексической подсистемы.

Совершенно очевидно, что и на современном этапе применение понятия “американизм” при описании языка должно постоянно корректироваться с точки зрения временного фактора, т.е. учета времени появления американизма и продолжительности его бытования в данном статусе. Войдя в язык, американизмы ведут себя по-разному. Если речь идет о литературном языке, и, особенно, языке масс-медиа или языке глобальной сети, они могут в конечном итоге очень быстро стать достоянием общего слоя лексики, утратив, таким образом, статус американизма. Сюда могут относиться и так называемые “старые” американизмы, проникшие в основном через литературу и давно используемые носителями британского варианта, и новые, освоенные ускоренными темпами благодаря телекоммуникационным технологиям. При этом возрастает число случаев, когда крайне трудно установить источник лексической инновации, настолько быстро лексический материал проникает в иной вариант. Являясь перекрещающимися системами (термин Швейцера), данные варианты плотно контактируют, что способствует интенсивному обмену лексическим материалом. Таким образом, учитывая в трактовке понятия “американизм” в качестве основного только признак возникновения слов и словосочетаний на американской почве, крайне сложно прийти к конкретным количественным данным.

В то же время также достаточно распространено понимание американизма как языкового явления, имеющего различительные черты в американском употреблении, восходящее к определению американства Дж. Уизерпуна (см., например, Tottie 2005, с. 94). При этом следует указать, что нередко в такой трактовке хронологический аспект или не учитывается авторами, или отходит на задний план (Матюшенков 2002).

Указанное широкое понимание термина “американизм” позволяет обозначать этим словом значительные, и, заметим, достаточно различающиеся

группы лексики. Сюда относятся и реалии–американизмы (Томахин 1988), то есть имена объектов и феноменов, характеризующих исключительно американскую культуру: *The Grand Canyon*, *caucus*, *dollar diplomacy* и др. В списки американизмов попадают и слова, и выражения, номинирующие сходные объекты, но имеющие разное лексическое обозначение (*cot /crib*; *boot /trunk*), или, наоборот, такие случаи, когда одним и тем же словом называются разные объекты (*corn*). Здесь также можно говорить о словах, относящихся к общему слову, но различающихся по целому ряду параметров. Например, многозначные слова, имеющие семантические расхождения только в одном или более значениях (*Am E desk* – “кабинет редактора”). В другом случае отклонения могут маркироваться грамматическими показателями (*Am E harsh browns* – *Br E harsh brown*; *Am E math* – *Br E maths*). Список разных типов расхождений и их примеров можно продолжать.

Исходя из трактовки “любое отклонение в употреблении” к американизмам, очевидно, может быть также отнесено весьма значительное количество слов, составляющих общий слой лексики, но различающихся частотностью употребления, регистровой принадлежностью и т.д. Обратившись, например, к коллокационным параметрам лексических единиц, можно таким образом причислить к американизмам слова, характеризующиеся специфической для американской лингвокультуры сочетаемостью. В качестве иллюстрации приведем данные Г. Тотти, полученные ею на основе использования данных электронных корпусов. Сравнивая функционирование существительных *holiday* и *vacation* в двух вариантах, Г. Тотти выявила, что американцы используют слово *holiday* только в определенных коллокациях: *holiday season*, *Christmas holiday* и в пожелании *Happy holidays!* В то время как в британском английском коллокационные возможности *holiday* гораздо шире: *holiday cottage*, *go on holiday* и др. (Tottie 2005, с. 98). Расхождения по признаку частотности касаются еще большего количества слов общеанглийского фонда. Например, при сопоставлении частотности употребления *perhaps* и *maybe* в разговорной и письменной американской и британской речи, было выявлено следующее. Несмотря на то, что частотность этих единиц в письменной речи обоих вариантов одинаково высока (*Am E perhaps* – 70%, *Br E* – 83%; *Am E maybe* – 30%, *Br E* – 17%), их использование в устной речи отличается разительно (*Am E perhaps* – 3%, *Br E* – 60%; *Am E maybe* – 97%, *Br E* – 40%) (Tottie 2005, с. 99). Заметим, что таким исследованием, показывающим языковые предпочтения британцев и американцев в использовании лексики общего слоя, пока затронут достаточно ограниченный (и случайный) материал, но предварительные выводы уже могут быть сделаны. Можно предположить, что число различий подобного рода вероятно очень большое и проведение исследований на достаточно большом корпусном материале может дать любопытные материалы относительно лексико-функциональной дивергенции двух вариантов, а также ее масштабах и глубине. К этому следует добавить, что в ином свете понимание американизмов и бритицизмов может быть представлено в рамках сопоставительных исследований в этнопсихолингвистике и когнитивной лингвистике, что может позволить не только выявить их иные характеристики, но и, возможно, придаст проблеме количественных данных еще большую неопределенность.

В заключение следует подчеркнуть, что интерес к лексическим расхождениям в британском и американском вариантах английского языка

остается в центре исследований этих двух национальных вариантов, при этом попытки установить количественную сторону явления пока не имели успеха. Это, как видится, объясняется тем, что сама единица сопоставления – американлизм – не имеет строго определения. Учитывая доводы и рассуждения, приведенные в данной статье, можно сделать вывод, что вопрос о количестве расхождений, если его решать в масштабах сопоставления двух вариантов в целом, скорее всего не имеет ответа. В то же время, мы полагаем, что лингвистическая статистика может быть полезна, и этот вопрос может быть решен с относительной строгостью для конкретных специальных институциональных сфер с известным и определенным реестром терминов. При этом, однако, необходимо уточнять, что понимается под американлизмом в данной институциональной сфере и четко определять временные рамки его функционирования.

Литература

1. Crystal D. The Future of English: a Welsh perspective. Plenary address to TESOL. – N.Y., 9 March 1999.
2. Davies Ch. Divided by a Common Language: A British/American Dictionary PLUS. – Mayflower Press, Sarasota, Florida. – 2000.
3. Finegan E. English in North America // Hogg, R. and Denison, D. (eds.) A History of the English language. – Cambridge University Press, 2010..
4. Greenbaum S. Good English and the Grammarian. – Harlow: Longman, 1988.
5. Mencken H. L. The American Language. – New York: Alfred A. Knopf, 1992.
6. Tottie G. An Introduction to American English. – Oxford, Blackwell Publishing /Peking University Press, 2005.
7. Матюшенков В.С. Англо-русский словарь особенностей английского языка в Северной Америке, Великобритании и Австралии. – М., 2002.
8. Томахин Г.Д. Реалии – американлизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М., 1988.
9. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. – Изд. 2-е. – М., 2003.

А.К. Свистова

Звуковая синестезия в описании эмоциональных состояний (на материале русской и немецкой лирики XIX века)

В данной статье на материале русской и немецкой лирики XIX века проведен сопоставительный анализ звуковой синестезии для определения специфики описания эмоциональных состояний в русской и немецкой лингвокультурах. Была рассмотрена сочетаемость лексем, обозначающих эмоциональные состояния, с прилагательными *тихий* (*leise, still*), *глухой* (*dämpf*), *немой* (*stumm*).

Звуковая разновидность синестезии широко представлена в русской и немецкой лирике XIX века. Под синестезией понимается употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств (Григорьева 2004, с.24). Разновидности синестезии различают по характеру возникающих ощущений: зрительных, слуховых, вкусовых, осязательных или обонятельных. При семантическом анализе и описании

примеров использована методика, разработанная З.Д. Поповой и М.М. Копыленко, и терминология Воронежской теоретико-лингвистической школы, связанная с выделением основных типов семем, которые может выражать лексема - денотативная первая семема (Д1), денотативная вторая семема (Д2) коннотативная первая семема (К1), коннотативная вторая семема (К2) (Копыленко, Попова 1978).

Звуковая разновидность синестезии используется поэтами, чтобы сделать переживаемое эмоциональное состояние «слышимым» и тем самым усилить остроту его переживания. В рассматриваемых ниже словосочетаниях только прилагательное изменяет свое значение, реализуя семему К1, а существительное сохраняет свое прямое номинативное значение (семему Д1.)

Русская лексема **тихий** реализует следующие семемы К1:

1) «незначительный по степени проявления» при описании следующей группы эмоциональных состояний - **печаль, грусть, скука, тоска**

*Может быть, и теперь пред роялью,
Как и прежде, бывало, сидишь
И с спокойною, **тихой печалью**
На далекое поле глядишь.*
А. Н. Апухтин. Шарманка

*Трава завяла вся... холодный,
Спокойный блеск разлит по ней...
И грусти **тихой** и свободной
Я предаюсь душою всей...
И. С. Тургенев. Осень*

*Боишься ты нашего тихого звука
На плоской равнине полей торфяных,
Как будто отраднее смерть или мука,
Чем наша покорная **тихая скука**.*

Д. С. Мережковский. Дождь

*Вечер в гроб золотой заключен.
Плачут росы, горюя о нем.
Воздух **тихой тоской** опьянен,
Напоен темноструйным вином.
А. И. Тиняков. «Вечер в гроб золотой
заключен...»*

2) «переживаемый тайно, незаметно для других» - **ужас**

*Так жизнь ничтожеством страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только бесконечной скукой
И **тихим ужасом** полна...*

Д. С. Мережковский. «Так жизнь ничтожеством страшна...»

3) «безмятежный, погруженный в спокойствие» - **счастье**

*Во взглядах доверье, в речах оживленье,
И **тихое счастье** в спокойных сердцах...*

С. Я. Надсон. «Упали волнистые кудри на плечи...»

Немецкая лексема **leise** реализует следующие семемы К1:

1) «*kaum merklich, kaum wahrnehmbar*» (едва заметный, едва воспринимаемый) - **leise Wehmut (тоска), leiser Neid (тихая зависть)**

*In der Töne zarten Knospen liegen
Leise Wehmut, rührendes Vergnügen
Und der Sehnsucht wonnevoller Schmerz.*
J.Salis-Seewis. Gesang an die Melodie

*Ist mirs auch um die Tulpe leid,
Fühl keinen Zorn, nur **leisen Neid**:
Viel schönere Blumen weiß ich stehn,
Und muss daran vorüber gehn.
G.Falke. Unschuld*

2) «*schwach ausgeprägt, in Andeutung vorhanden, leicht*» (слабо выраженный, легкий) - **leise Freude (тихая радость), leise Traurigkeit (тихая печаль)**

*Wenn wir dann Scherze säuseln
Dem, der sich grämet,
So wird die **leise Freude**
Ihn bald beschämen.*

*Ich wollt, ich wär ein Maurer
und stürzte vom Gerüst,
und kurze Frist nur gäbe
man meinem Leben noch ...*

F. Schlegel. Abendröte.

*Sie trügen in dein Haus mich,
du pflegtest mich voll Mitleid,
voll frauenhafter Güte,
voll leiser Traurigkeit ...*
Chr. Morgenstern. Ein Wusch

Немецкая лексема **still** реализует следующие семемы К1:

1) «*ohne sich [laut] zu äußern; wortlos* » (не высказываемый окружающим, бессловесный) - **stille Wut (тихая ярость), stiller Neid (тихая зависть)**

*...Wer kann den stillen Neid im Unglück
überwinden,
Und ein Vergnügen sehn, das Glückliche
empfinden?*

*Und manches, was ich erfahren,
Verkocht' ich in stiller Wut,
Und kam ich wieder zu singen,
War alles auch wieder gut.*

J. Dusch. Der Tempel der Liebe

A. Chamisso. Frisch gesungen

2) «*vor anderen verborgen, heimlich*» (скрыто тайно от других) - **stille Sehnsucht (тихая тоска), stille Wehmut (тихая тоска), stille Freude (тихая радость)**

*Aber des Nachts,
Am Himmel, wandelt Luna,
Die arme Mutter,
Mit ihren verwaisten Sternenkindern,
Und sie glänzt in stiller Wehmut...*

H. Heine. Sonnenuntergang

*Gib stiller Sehnsucht Raum,
Aus ihm geht eine Flamme
Und zehrt den schweren Traum.*

F. Novalis. «*Es gibt so bange Zeiten...*»

*In geheimer stiller Freude
Blickt' ich eine Rose an,
Die im Perl- und Purpurkleide
Schwellend aufzublühn begann.*

A. Grün. Elfenleiden

Русская лексема **глухой** реализует следующие семемы К1:

1) «*смутный, неясный, не выраженный резко, определенно*» - **тоска**

*Слеза, питомица печали,
Безмолвный гость тоски глухой...
Скажите: разве не видали,
Как плачут с радости порой?*

K. K. Случевский. Песни из уголка

2) «*проявляющийся в незначительной степени; ослабленный*» - **печаль**

*Рассейте на сердце глухую печаль,
Развейте мой мрак безысходный!*

C. Я. Надсон. «*На юг, говорили друзья мне, на юг...*»

3) «*затаенный, скрытый*» - **зависть**

*Признаться, с завистью глухой
Глядел на праздник я чужой.
Н. М. Минский. На чужом пиру*

Немецкая лексема **dumpf** реализует семему К1:

1) «*nicht klar ausgeprägt, undeutlich [hervortretend], unbestimmt*» (не ясно выраженный, нечеткий, неопределенный) – **dumpfe Angst (глухой страх)**

*Du hast sein siedend Hirn gebildet,
Der Nerven rastlos flatternd Spielen
Nicht von gesundem Blut geschildet;
Weisst seine dumpfe Angst zu fühlen...*

A. Droste-Hülshof. Am Sonntage nach Weihnachten

Русская лексема **немой** реализует следующие семемы К1:

1) «не высказываемый прямо, затаенный» - **радость, любовь, скорбь, восторг**
*Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.*
А. С. Пушкин. К сестре

*И глядел я с любовью немой
Всё в твои голубые глаза.
И. С. Тургенев. «Ах, давно ли гулял я
с тобой!...»*

*Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.
А. А. Фет. «Томительно-призывно и
напрасно...»*

*А сердце ныло в тишине
В час расставанья, час печали,
И в сокровенной глубине
Немые скорби оседали.*

Н. П. Огарев. Немногим

*Ты проходил по длинной зале,
Лежал в печальной полумгле
Мертвей знакомый на столе,
И ты шаги направил дале,
В последний раз с немой тоской
Ему кивнувши головой.
Н. П. Огарев. Отрывки*

*Я, пришелец из дальней страны,
С тайной завистью, с злобой немою
Видел эти волшебно-узорные сны,
Эту пеструю смесь полной сил новизны
С непонятно-живой стариною.*

А. А. Григорьев. Отзвучие карнавала

*Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
Д. Д. Минаев. Юбилейный мотив*

*Почто ты с жалостью немою,
Печален, хладен, молчалив,
На мой отчаянный призыв...
М. Ю. Лермонтов. Кавказский пленник*

Немецкая лексема *stumm* реализует семемы К1:

1) «schweigsam; sich nicht durch Sprache, durch Laute äußernd» (молчаливый, не выражаемый средствами языка / звуками) - **stummes Glück (немое счастье), stumme Freude (немая радость), stumme Traurigkeit (немая печаль)**

*Von der Lippe flutet das Lied zurück –
im namenlosen, im stummen Glück
nur kann ich vor Gott die Seele neigen...
C. Müller-Jahnke. Still*

*Und stumme Freude wird beredter Friede.
L.Tieck. «Durch lichte Liebe wird das Leid zum Liede...»*

*Genug zu klagen, ach! die stumme Traurigkeit
Ward noch von Dichtern nicht gesungen,
Von Rednern nicht gesagt.*

A.Karsch. «Vorbitte für einer armen Witwe...»

Обозначение слухового ощущения, как в русской, так и в немецкой поэзии, является одним из средств выражения оценки глубины переживаемого эмоционального состояния, что может быть одним из свидетельств тесных контактов немецких и русских поэтов в рамках этого временного периода, но этот аспект заслуживает отдельного изучения.

Литература

1. Deutsche Lyrik von Luther bis Rilke [ресурс на дисковом носителе]

2. Григорьева, О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учебное пособие. – М., 2004 .
3. Копыленко М. М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты /. – Воронеж, 1978.
4. Национальный корпус русского языка: поэтический корпус <http://ruscorpora.ru/index.html>

Н.А. Синицына

Символика цвета: чёрный (на материале испанского и французского языков)

Всё, что окружает человека в жизни, окрашено в какой-либо цвет. Часть цвета – заслуга самой природы, а вторая часть – дело рук человека: он окрашивает себя посредством одежды, макияжа, окрашивает волосы, свой дом, дачу, машину. Это делает каждый человек в мире, создавая, таким образом, бесконечное множество вариаций цвета и превращая это множество в цветовую коммуникацию.

Цветовая символика – явление в значительной степени национально маркированное и, следовательно, в семантике слов-цветосигнifikаторов скрыто множество дополнительных, символических значений, заключающих в себе национально-культурный компонент, отражающих особенности исторического и общественного развития, духовной жизни народа, национальной психологии, обрядов, обычаяев и быта.

Чрезвычайная символичность значений чёрного цвета сложилась исторически. В Древней Мексике при ритуальном человеческом жертвоприношении жрецы окрашивали свои руки и лицо в чёрный цвет. И в наши дни зловещие персонажи носят чёрные одежды, гробы и катафалки, несмотря на течение веков, традиционно чёрного цвета.

Чёрный цвет символичен не только в его визуальном восприятии, но и во фразеологической системе языка.

Цветовая коммуникация широко используется во всех сферах человеческой деятельности. В частности, её использование в художественной литературе имеет целью наиболее ярко и полно отобразить характер той или иной ситуации или персонажа, его облика или эмоционального состояния. Для того чтобы понимать язык цвета, необходимо знать какие именно ассоциации вызывает тот или иной цвет у представителя той или иной культуры. Ведь только при выполнении этого условия может состояться цветовая коммуникация.

Например, чёрный цвет у носителей испанского языка обычно связан с негативом, ассоциируется со злом, болезнью, пустотой, тьмой, смертью, болью, отчаянием, несчастьем, тайной, страхом перед неизвестным.

Чрезвычайно сильную экспрессию ассоциатов чёрного цвета можно проследить в романе Мигеля Делибеса «Пять часов с Марио». Этот роман буквально пронизан цветом, в большинстве своём чёрным. В нём речь идёт о том, как тяжело и мучительно переживает донья Мария смерть своего мужа Марио. Делибес мастерски живописует цветом душевное состояние героини, обстановку в доме и передаёт глубокий трагизм ситуации.

¡Válgame Dios!, me entristece ver negras mis pantorrillas y ya tengo bastante tristeza dentro. (M. Delibes, c. 66)

В этом коротком предложении, кроме прилагательного *negro* - чёрный, встречаются два однокоренных слова *tristeza* – печаль и *entristecer* – печалить. В первых же словах звучит крик отчаяния и горечь безнадежности *¡Válgame Dios!*. Сразу за взвыанием к Богу идут слова «печалит», «чёрный», «печаль», которые позволяют буквально увидеть, какой свинцовой тяжестью горе давит на плечи безутешной вдовы. Одним коротким предложением автор передаёт крайнее душевное уныние героини, её физическое истощение и бесконечный трагизм всей сложившейся ситуации.

Далее автор ещё добавляет ассоциаты, отражающие символизм чёрного цвета:

Los hombres sois unos casos, Mario, pues te va a apenar ver negra tu pantorilla, natural, pues para eso es el luto, adoquín, para recordarte que tienes que estar triste y si vas a cantar, callarte, y si vas a aplaudir, quedarte quieto y aguantarte las ganas. (M. Delibes, c. 66)

На этот раз прилагательное *negro* «чёрный» соседствует со словами *apenar* «удручать, печалить», *luto* «траур», *triste* «печальный, грустный» и *aguantar* «выносить, терпеть». Делибес использует синоним *apenar* к слову *entristecer*, которое мы видим в предыдущем примере, а также повторяет прилагательное *triste*. Таким образом, автор отражает перманентность апатичного и угнетённого состояния, глубокого горя и душевной опустошённости доныи Марии, главной героини. В довершение к этому Делибес вводит в предложение существительное *luto* «траур», которое ещё больше психологически утяжеляет восприятие ситуации вдовы.

Yo, ahora, inclusive gasa, cariño, faltaría más, que no es que me favorezca, entiéndelo, que negro sobre negro va fatal <...>. (M. Delibes, c. 67)

Употребляя прилагательное *negro* дважды и подряд, Делибес отражает уже не только глубину трагедии, а её масштабы для главной героини – судьба, фатальность, рок.

При исследовании примеров использования чёрного цвета в литературе французского языка, обнаруживается более широкий ассоциативный круг.

Например, в романе Французы Саган «Смутная улыбка» рассказывается о сложности и многоплановости человеческих отношений, о любви, чувствах и переживаниях главной героини Доминик. Автор апеллирует к иным ассоциатам чёрного цвета:

Je descendais sur la berge, je regardais un moment les troupeaux d'algues, ondoyants et jaunes, à la surface, puis je faisais des ricochets avec des petites pierres douces, usées, noires et agiles sur l'eau comme des hirondelles. (Françoise Sagan, c.5)

Прилагательное *noires* в предложении соседствует с прилагательными *jaunes* «молодые», *petites* «маленькие» и *agiles* «ловкие». В окружении данных прилагательных не обнаруживается стремление автора отразить боль, несчастье, болезнь или зло. Доминик рассказывает о своей прогулке у водоёма, но не о своих чувствах или душевных переживаниях. В данном примере прилагательное *noires* указывает на романтическое настроение или, как максимум, на меланхоличную задумчивость главной героини.

Le soir nous allions danser, ou bien nous rentrions chez Bertrand, nous nous allongions sur son lit, nous nous aimions et après nous parlions longtemps dans le noir. (Françoise Sagan, c.10)

В этом предложении мы имеем субстантивированное прилагательное *le noir* (темнота). *Le noir* соседствует с такими глаголами, как *danser* (танцевать), *aimer*

(любить) и parler (разговаривать), тем самым придавая ситуации эффект экзальтации, силы, страсти и таинственности.

J'aimais bien les maisons inconnues, les salles de bain en carreaux blanc et noir, les grandes fenêtres, les jeunes hommes impérieux. (Françoise Sagan, c.35)

В этом случае прилагательное noir (чёрный) стоит рядом с прилагательным blanc (белый), отражая классическую цветовую пару чёрный-белый. Кроме того, предложение начинается со слов “j'aimais” и продолжается перечислением существительных, определённых такими прилагательными, как grandes «большие», jeunes (молодые) и impérieux (властные). Героиня выражает свою симпатию, восхищение к перечисляемым объектам. Очевидно, что данная ситуация апеллирует к сигнификатам «стиль», «таинственность» (прилагательное inconnues «неизведанные»).

Исходя из проведённого исследования, представляется возможным заключить, что символика чёрного цвета неоднозначна даже в разных языках одной культуры (европейской). В испанском языке в подавляющем большинстве случаев чёрный цвет символизирует всё то злое и негативное, что есть в человеческой жизни, он ассоциируется с пустотой, тьмой, смертью, болью, отчаянием, несчастьем, болезнью, тайной и страхом. Во французском языке спектр ассоциатов чёрного цвета заметно шире. Здесь, кроме традиционных резко негативных ассоциаций, чёрный цвет отражает меланхолию, задумчивость, страсть, таинственность и стиль.

Литература

1. Françoise Sagan. *Un certain sourire*. – Pocket Julliard, 2002.
2. Miguel Delibes. *Cinco horas con Mario*. – Bibliotex S.L., 2001.

О.В. Суханова

Обобщающие русско-английские глагольные лакуны

В данной статье рассматриваются обобщающие русско-английские глагольные лакуны, полученные методом сплошной выборки из Нового Большого англо-русского словаря под редакцией Ю. Д. Апресяна. Наше исследование показало, что также как и субстантивные лакуны (см. Махонина 2006, с. 55 - 60), обобщающие глагольные лакуны неоднородны по своему составу. Данные лакуны могут быть подразделены на **обобщающие, обобщающе-конкретизирующие и псевдообобщающие** лакуны.

Под **обобщающими** лакунами мы вслед за Махониной А. А. (Махонина 2006, с. 55) понимаем такие, у которых в исследуемом языке (русском) отсутствует соответствующее обобщение. Как показало исследование, у русско-английских глагольных лакун обобщение выражается двумя или тремя глаголами. Например: *увлечь и обмануть* – *ср. jilt, сходить и принести, привести* – *ср. fetch*.

Отметим, что наш материал дал возможность выделить среди обобщающих лакун следующие подтипы: **симультанные, вариативные и консективные**.

Под **симультанными обобщающими** лакунами понимаются такие, у которых обобщение выражено глагольными лексемами, обозначающими разные действия, происходящие одновременно. Например: *идти и разглядывать* – *ср.*

mosey. В данном случае действия *идти* и *разглядывать* происходят симультанно.

Под **вариативными обобщающими** лакунами мы понимаем такие, у которых обобщение представлено вариативно с использованием разделительного союза *или* и выражено лексемами, обозначающими разные действия. Примером лакун такого типа может служить следующая лакуна: *задвигаться или отодвигаться* – *ср. shoot*. В данном случае обобщения *задвигаться* или *отодвигаться* представлены вариативно.

Консективные обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, выраженного лексемами, которые обозначают разные действия, происходящие последовательно. Например: *осуждать и запрещать* – *ср. proscribe*. В рассмотренном случае действия *осуждать* и *запрещать* происходят последовательно, друг за другом.

Помимо собственно обобщающих лакун, нами были выделены **обобщающеконкретизирующие** лакуны, а также **псевдообобщающие** с конкретизацией.

Обобщающеконкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке одновременно как обобщения, так и конкретизаций. Примерами обобщающеконкретизирующих лакун могут служить лакуны *найти и принести обратно* – *ср. shag*, *двигаться или наклоняться под углом* – *ср. angle*.

Обобщающеконкретизирующие лакуны, также как и обобщающие, имеют сложную типологию. Так, проведённое исследование показало, что обобщающеконкретизирующие лакуны имеют такие же типологические подтипы как и собственно обобщающие, а именно – **симультанные, вариативные и консективные**.

Лакуна *подбирать и анализировать синонимы* – *ср. synonymize* является симультанной обобщающеконкретизирующей лакуной, так как действия *подбирать* и *анализировать* происходят одновременно и в русском языке отсутствует соответствующее обобщение этих действий с параллельной конкретизацией признака по месту приложения действия. Примером вариативной обобщающеконкретизирующей лакуны является *разделять или соединять дефисом* – *ср. hyphenate*: обобщение *разделять* или *соединять* представлено вариативно, к тому же отсутствует конкретизация по признаку образа действия. Лакуна *приготовлять и отпускать лекарства* – *ср. dispense* является консективной обобщающеконкретизирующей лакуной. В рассматриваемом случае действия *приготовлять* и *отпускать* происходят последовательно, друг за другом – сначала лекарства приготовляют, а затем отпускают, в исследуемом же языке отсутствует соответствующее обобщение этих действий с конкретизацией по признаку места приложения действия.

Следует отметить, что симультанные обобщающеконкретизирующие лакуны демонстрируют отсутствие конкретизации по следующим 5 признакам: **виду деятельности** (*быть студентом и жить в университете городе* (особ. *Oxford, Cambridge*) – *ср. be up*), **интенсивности** (*быстро расти и развиваться* – *ср. burgeon*), **месту** (*лежать в куче и гнить (о листьях)* – *ср. couch*), **месту приложения действия** (*предвидеть неблагоприятные обстоятельства и стараться ослабить их действие* – *ср. discount*), **образу действия** (*напасть врасплох и перебить* – *ср. scupper*).

Вариативные обобщающе-конкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения по следующим 9 признакам: **времени** (расписываться или отмечаться при приходе на работу – ср. sign on), **интенсивности** (громко петь или играть – ср. skirl), **месту** (сажать или пересаживать растение в горшок – ср. pot), **месту приложения действия** (давать сигнал или играть на горне – ср. bugle), **образу действия** (согревать, сузить или охлаждать дыханием – ср. blow), **орудию_совершения действия** (поднимать, двигать или взламывать с помощью рычага – ср. prize), **основанию действия** (вычёркивать или изменять по цензурным соображениям – ср. censor), **степени выполнения действия** (слегка касаться, ударять - ср. tip), **цели** (оборудовать или переоборудовать (транспортное средство) под контейнеровоз – ср. containerize).

Что касается консективных обобщающе-конкретизирующих лакун, то отсутствие обобщения у данного подтипа лакун зафиксировано нами по 4 признакам: **месту** (убрать и уложить на стол – ср. lay out), **месту приложения действия** (формовать и обжигать глиняные изделия – ср. pot), **направленности действия** (поднимать и нести победителя – ср. chair), **образу действия** (распластать и обжарить в сухарях – ср. spitchcock).

Псевдообобщающие лакуны, как и обобщающие, выделяются на основании отсутствия в русском языке соответствующего обобщения. Однако обобщение в данном случае выражается синонимичными лексемами, что и позволяет нам называть такие лакуны псевдообобщающими. Например: *быстро листать, перевёртывать страницы книги* – ср. ruffle, *внезапно стихать, прекращаться (о ветре)* – ср. slump.

Псевдообобщающим лакунам, помимо обобщения, выраженного синонимичной парой или рядом синонимов, присуща конкретизация по следующим 14 признакам: **внезапности** (внезапно подняться, вскочить – ср. разг. pop (обыкн. – up)), **времени** (заранее предполагать, допускать – ср. presuppose), **интенсивности** (быстро отсылать, отправлять – ср. speed), **манере поведения** (поступать, вести себя легкомысленно – ср. play), **месту** (класть, помещать в коробку, ящик - ср. box), **месту_приложения действия** (украшать, отделять оборками воланами – ср. flounce), **направлению** (устремиться, броситься, ринуться вперёд – ср. lunge), **направленности действия** (принимать, относить на свой счёт – ср. personalize), **образу действия** (падать, сыпаться хлопьями – ср. flake), **орудию совершения действия** (хлестать, пороть ременной плетью, арапником – ср. amer. quirt), **производимому действию** (заставить, вынудить отойти – ср. draw back), **степени выполнения действия** (почти или слегка задеть, зацепить – ср. shave), **цели** (выходить, отправляться на прогулку, пикник, экскурсию – ср. разг. out).

В общей сложности нами было выделено 255 псевдообобщающих и 265 обобщающе-конкретизирующих лакун. Необходимо отметить, что количество собственно обобщающих лакун значительно уступает: в нашем материале их обнаружено всего 13.

Отметим случаи совпадения направления обобщения у обобщающе-конкретизирующих и псевдообобщающих лакун. У обоих типов лакун причиной лакунарности является отсутствие обобщения по следующим признакам: времени, интенсивности, месту, месту приложения действия, направленности

действия, образу действия, орудию совершения действия, степени выполнения действия и цели.

Литература

1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун) : дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2006.

Е.А. Таныгина

Особенности внутреннего образа цветообозначения *голубой* в сознании носителей русской и мьянманской культур

В ходе описываемого эксперимента было проведено сопоставление «внутреннего образа» цветообозначений (ЦО) в сознании представителей русской и мьянманской культур, что дало возможность выделить наиболее яркие особенности отражения бытования ЦО в сознании носителей обеих культурных общностей. Теоретическим основанием исследования является психолингвистическое учение о слове А.А. Залевской (Залевская 2005), концепция культурного знания Ф. Шарифиана (Sharifian 2008), работы А.П. Василевича (Василевич 2003) и Р.М. Фрумкиной (Фрумкина 2001) по изучению ЦО. Объектом исследования послужили ЦО русского языка, традиционно выделяемые в качестве основных: *красный, синий, черный, белый, зеленый, желтый, голубой, серый, оранжевый, фиолетовый, розовый и коричневый*.

В работе предложен комплексный подход к исследованию ЦО с использованием психолингвистических методов и методов статистической обработки данных. В частности, на разных этапах работы использованы ассоциативный эксперимент (АЭ), семантический дифференциал (СД) и факторный анализ (ФА).

Проведенное нами исследование по изучению ассоциативного поля основных прилагательных – ЦО русского языка подтверждает наличие различий между культурным образом ЦО и их «внутренним образом» в сознании рядового носителя языка. В качестве испытуемых в данном исследовании выступили студенты первого и второго курсов Юго-Западного государственного университета в возрасте от 17 лет до 21 года. Основной метод исследования – свободный АЭ.

Всего в ходе эксперимента было получено 1405 реакций. Рассмотрим подробнее результаты, полученные для ЦО *голубой* (всего на данное ЦО получено 104 реакции). Как индивидуальное знание рассматриваются реакции, полученные в ходе АЭ, а как культурное – данные лексикографических источников.

В толковых словарях русского языка (Ефремова 2006; Ожегов, Шведова 2007) зафиксированы следующие ЛСВ ЦО *голубой*: ЛСВ1 – “Имеющий цвет ясного неба, лазури; цвета незабудки, светло-синий (цвет спектра, располагающийся между зеленым и синим)”; ЛСВ2 – “Ничем не омраченный, лишенный всего неприятного, тягостного. Лишенный каких бы то ни было недостатков, отрицательных свойств и т.п.; идеализированный (обычно о персонаже художественного произведения, фильма и т.п.)”; ЛСВ3 – “Тот, кто испытывает

гомосексуализм - половое влечение к лицам своего же пола; гомосексуалист (о мужчине)". Все значения отражены в ответах испытуемых.

ЛСВ1 актуализируется в таких реакциях, как: *небо, океан, незабудка, джинсы, облако, книга, море, волна* и др. Данный цвет, наряду с розовым у многих вызывает ассоциацию с детством (*детская площадка, коляска для детей, шарик, мальчик*). ЛСВ3 отражен в основном в ответах молодых людей, причем присутствуют и имена собственные (*парень нетрадиционной ориентации, Амстердам, Иван Дулин, Б. Моисеев*).

В целом образ ЦО *голубой* можно назвать неоднозначным. С одной стороны, этот цвет традиционно воспринимается как светлый, яркий, беззаботный, а, с другой стороны, в последнее время к нему складывается негативное отношение.

На втором этапе с целью изучения эмоционального отношения и проблемы его связи с «внутренним образом» ЦО было проведено исследование с использованием методики СД. В нашем эксперименте приняли участие две группы испытуемых. Первую группу составили 80 русских испытуемых (48 юношей и 32 девушки), студенты первого и второго курсов Юго-Западного государственного университета в возрасте от 17 лет до 21 года, средний возраст – 18 лет. Вторую группу испытуемых составили студенты из Союза Мьянмы (20 молодых людей в возрасте от 22 до 27 лет, средний возраст – 23 года), для которых русский и английский языки являются иностранными (для данной группы все названия шкал и цветов были продублированы на английском языке). Испытуемым было предложено оценить ЦО по двадцати двухполюсным семибалльным шкалам.

На первом этапе обработки результатов был проведен анализ величин по данным шкалам (анализировалось среднее арифметическое, среднее отклонение, показывающее вариативность выборки значений по сравнению со средним, и мода – наиболее часто встречающееся значение). На основе анализа шкал вычислялся процент положительных и отрицательных оценок.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении оценок мьянманцев – это то, что среди данной группы испытуемых значительно меньше как нейтральных ответов, так и крайних позиций. Это очень хорошо согласуется с наблюдениями и отзывами людей, работающих с мьянманцами – представители данной национальности характеризуются как менее эмоциональные и более уравновешенные в своем поведении по сравнению с россиянами.

Голубой для мьянманцев прежде всего “приятный”, “хороший”, “прекрасный”, “веселый”, “добрый”, “смешной”, “позитивный”, “расслабленный”, “успокаивающий”, “теплый”, “эмоциональный”, “предпочитаемый”, “формальный”. Русские же испытуемые оценивают его как “миролюбивый”, “эмоциональный” и “успокаивающий”.

Отмечается более позитивное отношение к данному цвету мьянманцев по сравнению с русскими испытуемыми. Это можно объяснить тем, что в современном западном обществе сложилась тенденция использования данного ЦО для называния представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. В результате складывается предвзятое отношение и к самому цвету. Ведь для многих современных молодых людей признаться в положительном отношении к голубому цвету равнозначно признанию своей принадлежности в данной группе. Очень наглядно это отношение показывается на примере реакции одного из

русских испытуемых (*Кто???*). В то же время исследование, проведенное в мьянманцами, показывает отсутствие у них подобного стереотипа.

Кроме того, ЦО *голубой* получает у мьянманцев характеристику “теплый”, что нехарактерно для русских испытуемых. Одной из реакций, которые приходят в голову на данное ЦО, являются ассоциации связанные с водой (*море, океан, вода, волна*). Для жителей союза Мьянмы, расположенного в субэкваториальной и экваториальной климатических зонах, вода представляется более теплой и приятной. Данный факт свидетельствует о наличии связи между особенностями «внутреннего образа» ЦО и климатическими условиями, в которых находится человек.

На втором этапе обработки полученных данных был проведен ФА с использованием программного пакета статистической обработки данных STATISTICA, в котором реализованы процедуры для ввода, анализа, преобразования данных и визуализации результатов. Для обработки результатов был выбран метод ортогонального вращения факторов – эквимакс с нормализацией, который делает более прозрачными, однозначными с точки зрения интерпретации переменные и факторы (см. Крамер 2007). В результате обработки выделены факторные структуры и найдены нагрузки по отдельным факторам. Далее представлены результаты ФА по мьянманской группе испытуемых и мужской части русских испытуемых.

В ходе ФА в ответах русских молодых людей были выделены такие факторы как:

1. «оценка» (“приятный – неприятный”, “радостный – печальный”, “расслабленный – напряженный”, “прекрасный – безобразный”, “хороший – плохой”, “предпочитаемый – отвергаемый”, “добрый – злой”, “позитивный – негативный”);
2. «сила» (“мужественный – женственный”, “сильный – слабый”, “воинственный – миролюбивый”);
3. «активность» (“динамичный – статичный”, “эмоциональный – рациональный”);
4. «психологический комфорт» (“успокаивающий – возбуждающий”).

При рассмотрении распределения оценок по выделенными факторами было установлено, что внутренний образ ЦО *голубой* является скорее нейтральным, хотя и существует определенная тенденция к негативному восприятию (что согласуется и с результатами АЭ). Существующая в обществе тенденция к негативному оцениванию данного ЦО отразилась в распределении оценок русских испытуемых по фактору «сила» (распределение бимодальное, присутствует два максимальных значения – 3 и 0, которые соответствуют характеристикам “слабый” и “нейтральный” соответственно).

В ходе проведения ФА ответов мьянманцев получены следующие факторы:

1. «сила» (“теплый – холодный”, “активный – пассивный”, “динамичный – статичный”, “прекрасный – безобразный”, “хороший – плохой”, “мужественный – женственный”, “сильный – слабый”, “воинственный – миролюбивый”);
2. «эмоциональность» (“приятный – неприятный”, “смешной – серьезный”, “эмоциональный – рациональный”, “веселый – грустный”);
3. «оценка» (“добрый – злой”, “позитивный – негативный”);
4. «формальность» (“формальный – неформальный”);
5. «психологический комфорт» (“расслабленный – напряженный”).

Обращает на себя внимание тот факт, что набор шкал, входящих в первый фактор, который был условно назван нами «сила», крайне неоднородный. Можно сказать, что в данном случае не присутствует четкого разграничения факторов «сила» и «активность».

В ходе сопоставления данных, полученных по группам русских и мьянманских испытуемых, было выявлено, что на «внутренний образ» цвета влияют культурные традиции народа, информационная среда и стереотипы, господствующие в настоящий момент в обществе. Можно сказать, что на языковое сознание носителя русской культуры значительное влияние оказывает западная культурная традиция, что наглядно прослеживается на примере ЦО *голубой*. Можно сделать вывод, что «внутренний образ» цвета в сознании европейца эмоционален. Тогда как для мьянманца цвет – лишь элемент его окружения, часть повседневной жизни.

Литература

1. Sharifian F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language // In R.M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, & E. Bernandez (eds.) *Body, Language, and Mind* (Vol. 2): *Sociocultural Situatedness*. – Berlin/New York, 2008. – P. 109 – 136.
2. Василевич А.П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2003.
3. Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. 2006. – 180 тыс. статей. (к версии Lingvo 12).
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды – М., 2005.
5. Крамер Д. Математическая обработка данных в социальных науках: современные методы. – М., 2007.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений – М., 2007.
7. Фрумкина Р.М. Психолингвистика – М., 2001.

С.Н. Черникова

Фразеологизмы, включающие компонент *почва* в русском и английском языках

В данном исследовании мы поставили своей целью на примере группы устойчивых оборотов, а именно русских и английских фразеологических единиц (далее ФЕ), включающих элемент природного ландшафта *почва*, показать соотношение универсального, присущего обоим языкам, и национального, специфичного для каждого языка.

Материалом исследования являются фразеологический словарь русского языка А.И. Молоткова, фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Фёдорова, англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина, а также тексты Национального корпуса русского языка и British National Corpus.

В русском языке было выявлено 9 ФЕ, включающих лексему *почва*, в английском языке – 5 единиц с соотносимой лексемой *soil*.

Путем семантического анализа в обоих языках были определены семантические признаки, которые легли в основу фразеологического переноса. В русском языке было выявлено три таких признака, в английском также три.

Как показало исследование, одним из наиболее продуктивных семантических признаков в русском языке является признак *основание, фундамент*. Так, данный семантический признак лег в основу фразеологического переноса в четырех ФЕ: *благодатная, благоприятная, благодарная и т.п. почва* – "положительная, благоприятная обстановка для чего-либо" (Я полагаю, что в Африке для христианства очень благодатная почва. /В. Молчанов/; Более того, самая благоприятная почва для него была именно в России, где капитализм наступил почти катастрофически и застал нетронутое многообразие социальных миров и групп, не ослабивших, как на Западе, своей индивидуальной замкнутости в процессе постепенного наступления капитализма. /М. Бахтин/; Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди... ускорила его образование, но нисколько не сделала его заносчивым, признак доброй почвы. /И. Пущин/); *найти (общую, должную и т.п.) почву для чего-либо* (Ивановские, видя, что мы нашли общую почву для разговора – музыку, предложили нам сыграть в четыре руки. /А. Бородин/; Мой предшественник, очевидно, не нашел в разговорах с вами должной почвы. /С. Мстиславский/); *не имеет (никакой) почвы (под собой), лишено всякой почвы* (Человек он нервный, легко возбуждающийся, не имеющий под собою почвы. /А. Чехов/); *на политической, религиозной, психологической и т.п. почве, на почве чего-либо* – "из-за чего либо, по причине, вследствие" (Всё вырастающее на почве литературы так или иначе подвержено влияниям. /В. Аксенов/; На почве переживаний религиозного порядка у меня делалось отвращение ко всякой абсолютизации общественных явлений, которые относятся к средствам, а не к целям науки. /Н. Бердяев/; Значит, это не простое убийство, а убийство на политической почве, то есть террор /Ю. Домбровский/; Английский консерватизм произрастает на почве уважения традиций. Они не доверяют умственной акробатике, предпочитая твердо стоять ногами на почве здравого смысла. /В. Овчинников/; Семья его быстро разрушилась, отец заболевал тихим помешательством на религиозной почве, младший брат начинал пить. /М. Горький/)

Семантический признак *опора* является основой переноса в следующих ФЕ: *почувствовать, ощутить почву под ногами, под собой* – "об устойчивом, прочном положении, состоянии кого-, чего-л." (Когда один из подвластных султану пашей, имевший свое войско, прислал... четыре тысячи албанцев, Ушаков почувствовал почву под ногами. /С. Сергеев-Ценский/); *потерять под собой почву; почва ускользает, уходит из-под ног* – "о неустойчивом, шатком положении, состоянии кого-либо, чего-либо" (Конечно, всякий может увлекаться, всякий – неизбежная жертва ошибок, но когда почва уходит из-под ваших ног, когда все кругом начинает колебаться, человека спасает вера. /Д. Мамин-Сибиряк/; Тысячи вскружили ему голову... он потерял под собой почву и пошел по стопам отца. /А. Чехов/); *выбивать (вышибать) почву из-под ног* – "лишать кого-либо уверенности, поддержки, опоры в каком-либо деле, начинании и т.д." (Полей нет показательных, производство на месте стоит, – сказал другой, – нет кооперации. Из-под ног Канашева надо почву выбить ... /Н. Кочин/).

Семантический признак *источник роста, развития* лег в основу переноса в двух ФЕ: *подготовить, приготовить, расчистить, очистить почву для кого-либо, чего-либо* – "создать условия для кого-либо, чего-либо" (Она могла бы подготовить почву, предварительно поговорить с профессором Керном,

познакомить меня с ним и ввести в дом. /А. Беляев/; Прежде всего, надо расчистить почву, а потом уж и средства уврачевания определяются сами собой. /М. Салтыков-Щедрин/; **прощупать (нащупать) почву, зондировать почву** — "выяснить что-либо, уточнить, проверить" (Эти события совпали с приездом в Петербург французского президента Пуанкаре, явившегося нащупать почву для использования военных сил России в надвигавшейся тогда империалистической войне. /Ф. Самойлов/; «Зина, - говорилось дальше в письме, - поехала в Дубравник зондировать почву и посмотреть, нельзя ли устроить побег Бориса» /С. Степняк-Кравчинский/).

Семантические признаки лексемы *soil*, которые легли в основу фразеологического переноса в английском языке, следующие: *источник развития, место жительства, место работы*.

Семантический признак *место жительства*, являющийся наиболее продуктивным, нашел отражение в трех ФЕ: *one's native soil* — "родная земля, родина" (*His patriotism urged him to serve his country abroad while his reluctance to leave his native soil pressed him rather to remain in the beloved island, and collect purses, watches, and rings on the highroads at home.* /W. Scott/; *He was a patriot attached to his native soil...* /W. Irving/); *racy of the soil* — "сохранивший следы своего происхождения, характерный для определенной страны или народа" (*In America his Huckleberry Finn and his Tom Sawyer are what Robinson Crusoe and Tom Brown's School Days have been to us. They are racy of the soil. They are books to which it is impossible to place any period of termination.* /M. Twain/; *So off they started about Irish sports and shonnen games the like of lawn tennis and about hurley and putting the stone and racy of the soil and building up a nation once again and all to that.* /J. Joyce/); *English, German, etc soil* — "имеющий отношение к какой-либо стране" (*He had not been, for instance, half an hour on English soil before he perceived that he was dressed like a rustic, and he had immediately reformed his toilet with the most unerring tact.* /H. James/; *You could grow any mortal thing in Irish soil...* /J. Joyce/; *If her mother was a daughter of the Great Republic, it was to be supposed that the young girl was a flower of the American soil.* /H. James/).

Другие семантические признаки, которые легли в основу фразеологического переноса в английском языке следующие: *место работы a child of the soil* — "крестьянин, сын земли, дитя природы" (*Child of the soil! Well, we all are children of the soil. I wish she were so in the sense you mean; but let me now explain to you what I have never explained before, that her father is a descendant in the male line of one of the oldest Norman houses, like a good many others who lead obscure agricultural lives in our villages and are dubbed sons of the soil.* / Th. Hardy/); *источник развития virgin soil* — "новь, целина, девственная почва" (*There was nothing in the books about that lovely region; it had been neglected by the tourist, it was virgin soil for the literary pioneer.* /M. Twain/; *"You find virgin soil there, Cousin; put in your own ideas, – you won't find many to pull up."* /H. Stowe/).

Для оценки важности того или иного семантического признака мы использовали введенный Н.А. Портнихиной (Портнихина 2008, с.48) *индекс продуктивности семантического признака*, под которым понимается отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от семемы Д1 данной лексемы. Для рассмотренной лексемы *почва* в русском языке эти показатели следующие: *основание*,

*фундамент – 44.4%, опора – 33.3%, источник роста – 22.2%; для лексемы *soil*: место жительства – 60%, место работы – 20%, источник роста – 20%.*

Таким образом, проведенное исследование наглядно продемонстрировало, что восприятие **почвы** как элемента природного ландшафта у носителей русского и английского языков различны.

Литература

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд. – М., 1984.
2. Портнихина Н.А. Сравнительный анализ семантического развития лексем *rain* и дождь в русском и английском языках / Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж, 2008. – С. 48-53.
3. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М., 2008.
4. Фразеологический словарь русского языка /Под. ред. и с послесл. А.И. Молоткова. – 7-е изд., исправл. – М., 2006.

Н.А. Чернова

Выявление национально – специфических различий в подгруппах «Здания и помещения для жилья» русского и английского языков с помощью сопоставительно-параметрического метода

Сопоставительно-параметрический метод (Стернина 2009; Стернина, Стернин 2009; Стернина, Стернин 2010), примененный нами для изучения тематической группы лексики «Наименования зданий и помещений» в русском и английском языках, позволил с большой долей объективности выявить национально-специфические различия и степень их проявления через последовательное применение следующих количественных показателей:

Номинативная плотность (Карасик 2004, с.111) – количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс полисемантичности (Шишкина 2004, с.34) – отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной структурной единицы, к общему количеству ее лексем (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс однозначности лексем группы (Колтакова 2008, с.38) – отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в процентах)

Индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе (Колтакова 2008, с.38) – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 (терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с. 31-32), к общему количеству лексем данной структурной единицы (вычисляется в процентах)

Индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе (Колтакова 2008, с. 38) – отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (вычисляется в процентах)

Индекс принадлежности к исследуемой тематической группе (Шишкина 2004, с.34) – отношение общего количества развивающихся лексемами данной

подгруппы семем с семой тематической группы к общему количеству семем этой подгруппы (вычисляется в процентах)

Индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы (Чернова 2006, с.38) – отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в процентах)

Индекс семантической близости единиц группы (Чернова 2006, с.38) – отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс яркости подгруппы внутри тематической группы (Чернова 2006, с.38) – отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в процентах).

Покажем «работу» вышеперечисленных параметров на примере одной из наиболее многочисленных и сложных по структуре подгрупп данной группы, а именно подгруппы «Здания и помещения для жилья». Рассмотрение данной подгруппы представляется не только интересным, но и важным, поскольку жилье человека – одна из древнейших материальных и культурных ценностей, которая занимает в жизни человека особое место.

Проведенное исследование показало, что *номинативная плотность* подгруппы наименований зданий и помещений для жилья в английском языке составляет 206 лексических единиц, что почти в три раза превышает соответствующий показатель в русском языке – 69 лексических единиц. В обоих языках данные подгруппы подлежат дальнейшему делению, при этом структурная организация рассматриваемой подгруппы в английском языке более сложная, чем в русском (15 минигрупп и 18 микрогрупп и 10 минигрупп соответственно).

Исследование также показало, что средние *индексы полисемантичности* в рассматриваемых подгруппах русского и английского языков невелики и составляют соответственно 1,65 и 1,98.

В обеих структурных единицах отмечено преобладание однозначных лексем над многозначными. *Индексы однозначности лексем подгруппы* равны 59,42% в русском языке и 55,82% – в английском.

Абсолютное большинство лексем в обоих языках входит в исследуемые подгруппы по семеме Д1. В русском языке число таких лексем составляет 58 единиц, соответственно *индекс первичной денотативной отнесенности* равен 84,1%. В английском языке 152 лексемы включены в рассматриваемую подгруппу по семеме Д1, таким образом *индекс первичной денотативной отнесенности лексем* для данной подгруппы составляет 73,8%. Количество семем Д2, по которым лексемы входят в подгруппы сравниваемых языков, в русском языке равно 10, что соответствует *индексу вторичной денотативной отнесенности лексем к подгруппе* в 14,5%. Данный индекс английской подгруппы равен 26,7%, поскольку по семеме Д2 в рассматриваемую подгруппу входят 55 лексем.

Как показало проведенное исследование, *индекс принадлежности к исследуемой подгруппе лексики* в английском языке (76,41%) превышает *индекс принадлежности* в русском языке (71,05%). *Индекс же внутригрупповой*

структурно-семантической связности подгруппы в русском языке (13,04%) превышает аналогичный индекс в английском языке (8,25%) почти на 5%.

Исследование семантики единиц рассматриваемых лексических подгрупп сравниваемых языков показало наличие в их составе лексем, демонстрирующих синонимические отношения. В английском языке в рассматриваемой подгруппе выявлена структурная единица, целиком состоящая из синонимических рядов, каковой является минигруппа **Виды комнат**. В английском языке значительно выше, чем в русском, и общее количество лексем, демонстрирующих синонимические отношения (70 и 13 соответственно). В целом *индекс семантической близости единиц подгруппы* в английском языке (0,34) существенно превышает аналогичный индекс (0,19) в русском языке.

Как следует из разработанных С.В. Колтаковой шкал оценки степени проявления национальной специфики тематических групп (Колтакова 2008) и дополненной С.И. Деркач шкал оценки степени проявления национальной специфики тематических групп по параметрам, выраженным в абсолютных числах (Деркач 2010), национально-специфические различия могут быть охарактеризованы как **сверхгиперсущественные** (Деркач 2010, с.49), **гиперсущественные** (Деркач 2010, с.49), **существенные, заметные, видимые и несущественные** (Колтакова 2008).

Применение предложенных шкал оценки к подгруппе лексики **«Здания и помещения для жилья»** в русском и английском языках показало, что **существенные** национально-специфические различия выявлены по двум параметрам, выраженным в абсолютных числах, таким, как *номинативная плотность* – индекс относительной номинативной плотности составляет 2,98; и индекс относительной семантической близости единиц подгрупп (1,8). **Существенные** различия выявлены также по двум параметрам, выраженным в процентах, – индекс первичной денотативной отнесённости лексем к подгруппе – показатели данных индексов в русском и английском языках различаются на 10,3%; индекс вторичной денотативной отнесённости лексем к подгруппе – разница в показателях данных индексов равна 12,2%. **Заметные** расхождения отмечены по двум параметрам: индекс принадлежности к исследуемой подгруппе – разница между данными индексами английской и русской подгрупп составляет 5,36%; индекс яркости подгруппы внутри тематической группы – показатели данных индексов различаются почти на 10% (9,4%). **Видимые** различия выявлены по таким параметрам, как индекс однозначности лексем подгруппы – расхождения в показателях данных индексов равны 3,6%; индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы – расхождения в показателях данных индексов составляют 4,79%. Показатель относительного индекса полисемантичности для изучаемых подгрупп составил 1,2, что позволяет отнести национально-специфические различия по индексу полисемантичности также в разряд **видимых**. **Несущественных** расхождений между рассматриваемыми подгруппами не выявлено.

Таким образом, в результате исследования подгрупп **«Здания и помещения для жилья»** в русском и английском языках с использованием сопоставительно-параметрического метода выяснилось, что в сравниваемых подгруппах выявляются **существенные и заметные** национально-специфические различия. Этот факт позволяет сделать вывод, что данные подгруппы демонстрируют **ярко выраженную** национальную специфику, что обусловлено особенностями

языкового членения действительности носителями русского и английского языков.

Литература

1. Деркач С.И. Номинативная плотность тематической группы «Избирательный процесс» в русском и английском языках/ Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010 – С. 46-50.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
5. Стернина М.А. Параметрический метод сопоставительных исследований // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – № 14. – Одеса, 2009. – С. 16-19.
6. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 3-6.
7. Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития// Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж, 2010. – С. 3-9.
8. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
9. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Раздел 3. Сопоставительные исследования концептосфер

И.А. Барабушка

Языковая презентация пространства населенных пунктов в разных лингвокультурах

Проблемами изучения пространства и времени человеческая мысль занята уже давно. Многие древние мыслители и философы пытались осмыслить и объяснить эти немаловажные для человеческого бытия категории.

Многие из основных свойств пространства и времени комментируются в научных трудах и учебниках по философии, где указывается, что пространство есть форма координации существующих объектов и состояний материи. Пространственность заключается в том, что объекты расположены вне друг друга и находятся на определенном расстоянии друг от друга. Порядок существования этих объектов и разновидности их локализации образуют структуру пространства.

Исторически одна из первых ипостасей пространства, осознанная человеком – это географическое пространство. Первыми реалиями бытия, с которыми, наряду с предметами быта, сталкивался человек в своей повседневной жизни, были

участки окружающего его ландшафта, где он селился и которые постепенно узнавал и использовал, расширяя все более освоенные им территории (Николова 2005).

Не подлежит сомнению, что особенности наполнения и структурирования пространства каждым отдельным народом отражают его менталитет. Ученые неоднократно подчеркивали, что в основе познания мира человеком лежат именно пространственные восприятия и значения, на базе которых развилось в дальнейшем и осознание других типов связей и зависимостей предметов окружающей человека действительности. "Одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира - категоризация пространства" (Кубрякова 1997, с 22). Постепенное осмысление своего места в физическом мире, измерение и изучение различных параметров пространства, позволили человеку максимально адаптироваться к окружающей его среде и организовать свою биологическую и социальную жизнь.

Ю.С. Степанов отмечает особенности национально-культурного восприятия пространства: "обращение с пространством – определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns), по выражению американского исследователя Э.Т. Холла. Различия организации пространства этим не ограничиваются. В Японии пересечения улиц имеют названия, а сами улицы - нет. Араб на простой вопрос, как пройти, дает такие указания, что европейцу невозможно ими воспользоваться, пока он не постигнет всю арабскую систему указаний. Для немца из Пруссии вы «в комнате», если можете говорить и видеть кого-нибудь в комнате, хотя бы вы и стояли на пороге. Для американца вы «в комнате» только тогда, когда внутри целиком ваше тело и вы можете оторвать руку от дверного косяка. Колумбиец или мексиканец часто находят, что североамериканец, с которым они разговаривают, держится холодно и отчужденно только потому, что североамериканец не любит, чтобы до него дотрагивались и отступает назад как раз тогда, когда колумбиец считает, что он подошел достаточно близко, чтобы заговорить. Для американца удобным расстоянием при разговоре будет 75 см, но для мексиканца это слишком далеко" (Степанов 1971, с. 7).

Анализируя языковую концептуализацию категории пространства, лингвисты отмечают специфический характер восприятия и кодировки пространственных отношений в человеческом сознании и в языке. Представления о пространстве и времени являются важным фрагментом как научной, так и наивной картин мира, отражаемых каждым отдельным языком. Языковая презентация этих категорий базируется на весьма сложном их отражении в человеческом сознании, вбирающем в себя как наивно-бытовое их восприятие и толкование, так и некоторые строго научные методы, понятия и единицы, характерные для различных областей познания.

В данной статье рассматривается семантика лексем, обозначающих населенные пункты и их структурные единицы (такие как улица, площадь и др.), что позволяет выявить содержание вербализуемых ими пространственных концептов в русской и английской языковых картинах мира.

Русская система наименования населенных пунктов, так же, как и английская, характеризуется определенной градацией по количеству жителей и размеру

поселения (деревня, село, город и т.д.). Так бывает не везде: в некоторых других культурах, например, в арабском мире, существуют только деревни и крупные города. Большинство некочевых арабов считают себя жителями деревни, хотя их деревни имеют разное население: от нескольких семей до нескольких тысяч жителей (Hall 1993, с. 149).

В английском языке для вербализации «небольшого населенного пункта» используются такие лексемы, как *“hamlet”* (село), *“village”* (деревня), или *“town”* (небольшой город, городок).

Анализ показал, что русская система лексических единиц, использующихся для вербализации таких же населенных пунктов, строится на четком их разграничении по количеству жителей, поэтому в России есть хутора, поселки, поселки городского типа, деревни, села.

В Большом энциклопедическом словаре даны следующие дефиниции для сельских поселений:

- *Деревня* – в узком, исторически сложившемся в русском языке значении небольшое поселение (более мелкие носили название выселков, починков, хуторов, заимок и т.д.). В широком значении объем понятия «деревня» охватывает весь комплекс социальных, экономических, культурно-бытовых, природно-географических особенностей и условий жизни деревни как категории, отличной от города.

- *Село* – одно из древнейших названий поселений у славян. В Киевской Руси – княжеское загородное имение. Позже у русских – крупное крестьянское поселение с церковью.

Английские *“hamlet”* и *“village”* примерно соотносятся с русскими «село» и «деревня» (Hornby 1995):

- Hamlet n – group of houses in the country; small village, esp. one without a church

- Village n – place, smaller than a town, where there are houses and shops, and usually a church and school

Таким образом, в русском языке село – это крупное поселение с церковью (больше деревни), а в английском языке *“hamlet”*, которое на русский язык чаще всего переводится как «село», меньше *“village”* и, напротив, не имеет церкви. Мы считаем, что общепринятый перевод *“hamlet”* - «село» и *“village”* - «деревня» не совсем точен, т.к. даже этимологически «деревня», первоначально означавшая «место, очищенное от леса» (для земледелия), затем — «двор с участком земли», «деревянный дом, изба», ближе к *“hamlet”*, восходящему к староанглийскому *hám (home)* – «дом» и обозначающему маленькое поселение (аналог русскому «двор»), чем к слову *“village”*, произошедшему от античного *“villa”* – загородный дом, а в средние века обозначавшего замок богатого феодала, вокруг которого позже строились дома крестьян, лавки и обязательно церковь.

Что касается более крупных населенных пунктов, то в русском языке и большой населенный пункт с несколькими миллионами жителей, и маленький, где живет всего 200 тыс. человек, мы называем «город» (город Москва, город Воронеж, город Лиски и т. п.). Приведем определение *города* из Большого энциклопедического словаря:

- *Город* – населенный пункт, жители которого заняты, как правило, вне сельского хозяйства. Отнесение населенного пункта к категории «город»

оформляется в законодательном порядке; при этом критерий численности населения города различается. В России город должен иметь не менее 12 тыс. жителей и не менее 85% населения, занятого вне сельского хозяйства.

Город в английском языке может обозначаться двумя словами: *town* и *city*. Говоря о разнице между этими понятиями, можно сказать, что сейчас четкую границу между ними проследить сложно. В английском языке именование городского поселения зависит от его размера и административного статуса, т. е. всякий более или менее значительный город с местным самоуправлением может называться *city*. Заметим, что если речь идет о противопоставлении города деревне, то деревня обозначается не *village*, а *country* (сельская местность), и нет существенной семантической разницы между выражениями *to be out of town* и *to be in the country: I'd rather live in town than in the country* (Я бы лучше жил в городе, чем в сельской местности)

В русском языке понятие деревни как противопоставление городу может быть выражено несколькими лексемами, при этом фразы *быть за городом* и *быть в деревне* не являются синонимичными. Первое выражение обозначает пребывание за чертой города вообще, не обязательно в сельской местности. Второе выражение подразумевает нахождение в населенном пункте, именуемом *деревней*.

Ср: Я бы не смогла жить в деревне – только в городе. Кому нынче на селе легко живется? Почти все каникулы мы провели у бабушки в деревне. А поехали за город на пикник, а?

И.С. Бороздина, исследуя специфику вербализации категории пространства в русском и английском языках, указывает на то, что в английском языке и в большом, и в маленьком городе центр называется *downtown*, деловая часть его – *midtown*, а жилые кварталы – *uptown* (что также указывает на чисто номинальное обозначение городов *town* и *city*). Префиксы *down-*, *mid-* и *up-* свидетельствуют о структурированности и «многослойности» пространства города (Бороздина 2008). В русском же городе есть «центр», «окраина» и «пригород», но четко обозначить их границы достаточно сложно.

Специфика структурирования пространства также проявляется в употреблении пространственных предлогов. Так в русском языке мы встречаем выражение «*идти/гулять по городу*», что указывает на беспрепятственность перемещения, при этом акцент – на поверхности, используемой в качестве дороги. В английском «*walk through the town*» (*идти/гулять по городу*) предлог «*through*» имеет оттенок значения преодоления неких преград, препятствий (через, сквозь), т. е. город представляется заполненным пространством. В русском языке выражение «*идти через город*» тоже возможно, но оно обозначает перемещение с одного конца города на другой.

Для носителя русского языка нет разницы в зрительном восприятии «площади» и «улицы», с пространственной точки зрения он находится поверх них (*на площади, на улице*). В английском языке “square” воспринимается как открытое пространство, плоскость, а “street” – как совокупность зданий, т. е. пространство объемное, заполненное (*on the square, но in the street*).

Характерные отличия наблюдаются и в обозначении направления пути. Так, в русском языке выражения *идти вверх / вниз по улице* употребляются, когда имеет место явная разница в ландшафте, т. е. выбор выражения обусловлен особенностями рельефа. В Англии выражение *to go down/up the street*, означает

«идти по улице к началу/от начала нумерации домов» (в Англии дома нумеруются от центра города), при этом вовсе не обязательно подниматься на какую-либо возвышенность.

Таким образом, пространство и пространственные отношения структурируются каждым народом по-своему, с учетом присущих ему национально-культурных особенностей. Пространство однотипных населенных пунктов у разных этносов может иметь разную структуру и содержание, что, в свою очередь, создает неповторимую языковую картину мира.

Литература

1. Hall E.T. Space speaks // Landmarks of American Language and Linguistics. – Vol. 1. – Washington, D.C., 1993. – P. 147–156.
2. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – OUP, 1995.
3. Большой энциклопедический словарь. – <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/107150>
4. Бороздина И.С. Специфика обозначения географического пространства в русском и английском языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2(4). – <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=4>
5. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка. – СЛЯ, 1997. – т. 56, № 3. – С. 22 -31.
6. Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание // Балкан. Русистика = Balkan Rusistics: электрон. журн. – 2003. - №7. – <http://www.russian.slavica.org/article113>
7. Степанов Ю. С. Семиотика. – Москва, 1971

А.Л. Великанова

Концепт *ландшафт* в языковом сознании русских и французов

Концепт *ландшафт* относится к группе пространственно ориентированных концептов. Объективация данной понятийной сферы в языке позволяет раскрыть, каким образом осуществляется пространственное конструирование действительности в сознании того или иного этноса.

Нашей задачей было рассмотрение особенностей концептуализации пространственных отношений природных объектов на примере концепта *ландшафт* во французской и русской языковых картинах мира (ЯКМ).

Русское существительное *ландшафт* было заимствовано из немецкого языка. Лексема *Landschaft* в словарях интерпретируется как ‘часть поверхности Земли, покрытая растительностью и освоенная человеком’ (LGDF 1998, с. 606), а также как край, местность, пейзаж, вид (БНРС 2004, с. 549). Во французском языке нет конкретной лексикализации данного концепта, но в семантике лексем 1) *site* (m), 2) *paysage* (m), 3) *vue* (f) находят отражение различные аспекты этого понятия. ЛЕ *site* в словаре Petit Robert определяется как ‘configuration du lieu, du terrain où s’élève une ville, manière dont elle est située’ (PR 1992, p. 1820). В представленной дефиниции ландшафт рассматривается с точки зрения использования местности человеком. Лексемы *paysage* и *vue* являются сходными: для первого словарной definицией является - ‘partie d’un pays que la nature présente à un observateur’ (PR 1992, p. 1383), для второго - ‘étendue ce qu’on peut voir d’un lieu’ (PR 1992, p. 2120-21). Как видно из определений, понятие *paysage* отражает природный аспект, а *vue* - эстетический.

Отметим, что в лингвистических исследованиях при оперировании термином *ландшафтная лексика*, отдают предпочтение такой черте объекта исследования, как тип рельефа, поскольку одной из характеристик ландшафта является его вертикальная структура.

Концепт *ландшафт* в аспекте *вертикально ориентированное пространство* в русском и во французском языковом сознании структурно представлен микрополями *возвышенность* и *углубление*. Основными конституентами структуры рассматриваемого концепта являются информационные признаки *наличие выпуклых и вогнутых форм, принадлежность суше и дну океанов*, и признаки интерпретационного поля, такие как *форма существования, происхождение, инвариантные в русской и французской ЯКМ*.

Концепт *montagne* (f), 'гора', - один из наиболее коммуникативно релевантных концептов в обоих языках, формирующих часть пространственной картины мира, несмотря на отсутствие высоких гор во Франции и наличие таковых в России. Однако лексикализации и самих гор (Великанова, Моисеева 2010, с. 96), и различных параметров и свойств этого элемента рельефа более многочисленны во французском языке. Микроконцепт, вербализуемый в русском языке ЛЕ *вершина*, во французском репрезентируется словосочетанием *sommet d'une montagne*, а также многозначным существительным *cime* (f), обозначающим заострённую оконечность. Одним из важных классификационных признаков характеристики вершины выступает форма, по которой геологи выделяют округлую куполовидную вершину - '*dôme*' (m) (НФРС 2005, с. 338), пирамидальный пик - '*dent*' (m) (НФРС 2005, с.300). Округлую вершину так же, как и любую другую возвышенность с такой формой номинирует лексема *goupe* (f), обозначающая к тому же понятие 'гребень'.

На вершинах гор часто лежит снежная масса, образующая ледник, который обозначается следующими лексемами: *névé* (m), означающей саму снежную массу, *inlandsis* (m) – географический термин, актуализирующий представление о так называемой ледниковой шапке и дифференцируемый по семе *принадлежность к полярным регионам*.

Архисема *уклон земной поверхности* содержится в значении русской ЛЕ *склон* и соответствующей ей единице *pente*, но для французского языкового сознания значимыми являются характеристики по признаку *освещённость*, например, *ubac* - 'теневой склон' (НФРС 2005: с. 1092), *adret* (m) - 'солнечный склон' (НФРС 2005, с. 19) – единица, отражающая национальную специфику семантики, используемая только для обозначения склонов Пиренеев, *soulane* (f) - 'склон, обращённый к солнцу' (НФРС 2005, с. 996); специфичной также является ЛЕ *vire* (f), номинирующая узкий ступенчатый уступ в Альпах. Для характеристики формы горы во французском языке употребляются номинации, указывающие на угол уклона: *mur de talus* - 'откос' (НФРС 2005, с. 695), сему *скат* содержит в своей структуре ЛЕ *escarpe* (f), а крутой откос обозначается лексемой *escarpement* (m), сема *обрыв* реализуется лексемой *à-pic*.

Наличие с одной стороны крутых откосов и с другой – пологих склонов образует тип рельефа, называемый куэстовым – *relief monoclinal*. Склоны гор состоят из различных пород, что представляет интерес для геологии и находит своё отражение в соответствующей специальной лексике, как, например, *clapier* (m), термин, обозначающий нагромождение обломков у подножия склона. Понятие о возвышениях у подножия гор, называемых предгорьями,

вербализуется в языке единицей *avant-pays*. Ещё одной составляющей образа горы является её *подошва* - 'pied' (m), единица, являющаяся многозначной во французском языке, она актуализирует признак *отношение к земле*. Более конкретные элементы рассматриваемого объекта, как, например, *подошва ската*, репрезентируются в языке раздельнооформленными единицами - 'bas de pente'. Как видно из приведённых примеров, французские лексемы в данном случае являются эндемичными.

Концепт *углубление* и во французской, и в русской ЯКМ характеризуется меньшей коммуникативной релевантностью, т.к. он не обладает такими же связями со средой обитания человека, как концепт *возвышенность*. В языковом сознании этносов наличествуют синонимичные номинации абстрактного характера такие, как *впадина*, *провал* (геол.), *полость* (геол.), *enfonçure* (f), *cavité* (f), *enfoncement* (m), *excavation* (f), *creux* (m). Микроконцепты, объективирующие представления о более конкретных элементах ландшафта, более многочисленны во французской ЯКМ: русскому 'долина' соответствуют *val* (m), *vallon* (m), *vallée* (f), расположенные в таком порядке по признаку уменьшения глубины; французский язык располагает также специфической лексемой *valleuse* (f), которая обозначает небольшую висячую долину на западном побережье Франции.

Лексическое обозначение объекта, некогда представлявшего место человеческого обитания, *пещеры*, во французском языке находит два соответствия: *caverne* (f) и *grotte* (f). Для единиц *caverne* и *grotte* инвариантной является сема *полость, расположенная в склоне горы* и т.п., ЛЕ *grotte* конкретизируется также по семантическому компоненту *большой размер*.

Номинативному полю концепта *углубление* во французской ЯКМ принадлежит существительное *ravin* (m), реализуемое в русском языке раздельнооформленной единицей 'океанский глубоководный желоб', т.е. элемент земной коры, обладающий максимальной глубиной. Впадины океанов в географии принято называть крупнейшими отрицательными формами рельефа (Неклюкова 2002, с. 14). К таким формам относят также *abyss* (m), 'подводная впадина' и *abyssal* (f) как обозначение скопления крупных впадин. Отметим, что последняя единица является эндемичной. Архисему *большое углубление* включает в себя и лексическое значение существительного *anfractuosité* (f), лакунарное в русском языке.

Русское языковое сознание не так подробно классифицирует углубления, представленные впадинами дна океанов и морей, что может быть объяснено меньшей доступностью освоения акватории для России, поскольку наша страна омывается преимущественно холодными морями.

В отношении вертикально ориентированных типов ландшафта рельеф Франции характеризуется наличием средневысотных гор и низкогорий, в России же располагаются более высокие горные хребты, однако русское языковое сознание менее подробно классифицирует эти элементы ландшафта. Следует учесть, что данная особенность связана с наличием довольно масштабных равнинных территорий в России, тогда как территория Франции характеризуется меньшей площадью и более доступным освоением гор вследствие их небольшой высоты. В заключение отметим, что во французской ЯКМ высока доля этномаркированных и национально специфичных лексикализаций ландшафта.

Литература

1. LGDF – Langenscheidts Grobwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – М., 1998.
2. PR – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Robert. Р.: Le Robert, 1992.
3. БНРС – Большой немецко-русский словарь / Лепинг Е.И., Страхова Н.П., Филичева Н.И. и др. – М;: 2004.
4. Великанова А.Л., Моисеева С.А. Сопоставительное исследование концепта «возвышенность» во французском и русском языках // Сопоставительные исследования. – Воронеж, 2010. – С.94-98.
5. Неклюкова Н.А. Общая физическая география // География. – М., 2002. – С. 40-70.
6. НФРС – Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина, - 10-е изд. – М., 2005.

О.М. Воевудская

Свободная сочетаемость как способ выявления когнитивных признаков концепта (на примере свободной сочетаемости лексем «талант» и ‘talent’ в русском и английском языках)

Людей всегда привлекало и привлекает все необычное и экстраординарное. Наверное, поэтому в поле зрения ученых попало исследование природы такого явления, как талант.

Если обратиться к этимологии слова «талант», то мы увидим, что это слово происходит от меры веса «талант». В Новом Завете есть притча о трёх рабах, которым хозяин подарил монету под названием «талант». Один закопал свой талант в землю, второй разменял его, а третий приумножил. Отсюда и три выражения: закопал, разменял и умножил (развил) свой талант. Из Библии слово «талант» распространилось в переносном смысле: талант как дар Божий, возможность творить нечто новое.

Целью предлагаемой работы являлось выявление когнитивных признаков лексемы «талант» в двух неблизкородственных языках – русском и английском – путем анализа свободной сочетаемости ключевых лексем.

По данным Словаря сочетаемости слов русского языка под редакцией П.И.Денисова и В.В.Морковкина лексема «талант» может сочетаться с прилагательными:

- 1) *большой, великий, огромный, немалый* ~ - количественное определение таланта, его «размер»;
- 2) *неординарный, необыкновенный, потрясающий, удивительный, особый* ~ - описание таланта, выделяющего человека (его носителя) из массы других людей;
- 3) *разносторонний, многогранный* ~ - присутствие в человеке нескольких талантов или нескольких сторон проявления одного таланта;
- 4) *подлинный* ~ - обладая таким талантом, человек является по-настоящему одаренной личностью;
- 5) *художественный, поэтический, драматический, музыкальный* ~ - проявляющийся в определенной (чаще всего творческой) сфере деятельности.

К этому же смысловому ряду относятся и сочетания лексемы «талант» с существительными в родительном падеже: *~ художника, поэта, драматурга, музыканта, рассказчика, полководца, учителя, изобретателя* и т. д.

Подобная же смысловая нагрузка отмечается в сочетаниях лексемы «талант» в качестве дополнения с глаголами: *~ изобретать, шить, рисовать, общаться с людьми, воспитывать детей*, а также с существительными в дательном падеже с предлогом: *~ к шитью, воспитанию детей, изобретательству*.

Анализируя «левостороннюю» сочетаемость лексемы «талант» по модели: сущ. + «талант» в косвенном падеже, можно отметить следующие когнитивные признаки:

- 1) *развитие, формирование, становление* ~ - описание процесса совершенствования таланта в течение какого-либо периода времени;
- 2) *щедрость* ~ - обозначает специфику его проявления, сказывающуюся в его многогранности или обилии произведений, созданных талантливой личностью;
- 3) *ценитель* ~ - называет человека, поддерживающего носителя таланта материально (меценат) или же преклоняющегося перед ним (поклонник).

В сочетании с глаголами лексема «талант» чаще всего употребляется в одном из косвенных падежей: винительном - *развивать, иметь, проявить, раскрыть, продемонстрировать, показать*, творительном – *восхищаться, отличаться, обладать*.

В качестве подлежащего лексема «талант» может сочетаться с глаголом *расцвел*, обозначая полную реализацию данных от природы способностей. Противоположное значение реализуется в сочетании с глаголом *пропал*, что означает полную невозможность или неспособность к его реализации.

По данным Комбинаторного словаря английского языка М. Бенсона и др. лексема «talent» в английском языке может сочетаться с глаголами:

- 1) *demonstrate, display, reveal, show* ~ - проявлять, демонстрировать, т.е. совершать внешние действия, свидетельствующие о наличии у человека каких-либо неординарных способностей;
- 2) *develop, cultivate* ~ - развивать, культивировать, т.е. каким-то образом изменять в лучшую сторону; в русском языке данные глаголы чаще сочетаются с синонимичной лексемой «способности»;
- 3) *squander, waste* ~ - растратить понапрасну, т.е. потерять при неправильном его использовании или пренебрежении к нему.

Сочетания с прилагательными:

- 1) в английском языке, как и в русском, возможно описание величины таланта или степени его выявленности:
 - *mediocre* ~ - заурядный (талант); в русском языке такое сочетание не встречается, так как средними могут быть, например, способности, но не талант;
 - *outstanding, considerable, great, enormous* ~ - выдающийся, значительный, огромный, т.е. талант, проявившийся во всей своей полноте и силе;
- 2) характеристика по источнику происхождения: *natural, God-given, inborn* ~ – врожденный, т.е. данный человеку свыше от рождения. В русском языке данному сочетанию соответствует синонимическая лексема «дар».

Талант к какой-либо деятельности передается в английском языке сочетанием ‘talent + for + Noun / Infinitive:

She has a talent for painting (for cooking).

She has a talent to go so far.

Таким образом, через свободную сочетаемость в обоих языках можно выявить такие когнитивные признаки концепта «талант», как его масштабность; особенность, выделяющая человека из массы остальных людей; божественную природу и творческое начало таланта; склонность к определенным видам деятельности; привлекательность для окружающих; внешнее проявление таланта; многосторонность таланта; потребность делиться им с другими людьми; динамичность таланта, возможность к совершенствованию; пренебрежение к таланту и бездарная его потеря.

Литература

1. Словарь сочетаемости слов русского языка : Около 2500 словарных статей / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 3-е изд., испр. – М. , 2002..
2. Бенсон М. Комбинаторный словарь английского языка. – Спец. изд. – М., 1990.

В.Б. Гольдберг, Е.С. Кулькова

Лексические средства, описывающие событие *плач человека* (на материале английского и русского языков)⁷

Предметом исследования являются «глаголы плача» и образные глагольные сравнения, репрезентирующие событие *плач человека*. Эти номинативные средства приобретают особую значимость для передачи индивидуального, нового видения ситуаций данного типа. Покажем первое на материале английского языка, второе – на русском и английском материале.

Концепт ПЛАКАТЬ в обоих языках имеет высокую номинативную плотность (Карасик 2002, с. 133). Глаголы, репрезентирующие этот концепт, составляют категорию «плач человека», которую можно представить в виде глагольной концептуально-таксономической модели (Болдырев 2009).

Для того, чтобы построить глагольную концептуально-таксономическую модель, а также изучить входящие в ее состав элементы, нами был проведен анализ лексикографических источников и фрагментов дискурса, содержащих данные элементы. Модель английской категории «плач человека» включает следующие глаголы: *utter, cry, weep, sob, bawl, howl, wail, whine, mourn, grieve, lament, bewail, bemoan, yell, scream, shout, squall, shriek, yowl, blubber, boohoo, whimper, yammer, complain, snivel*. Глаголы будут располагаться на разных ярусах глагольной таксономии в зависимости от того, какие характеристики событийного концепта (большой или меньшей степени обобщенности) они отражают.

⁷ Научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, государственный контракт № 02.740.11.0596, проект «Исследование взаимодействия мыслительных и языковых структур».

Формирование глагольной таксономической модели осуществляется при помощи метода глагольно-таксономического анализа (Болдырев 2009, с. 51), базирующегося на основных положениях теории трехуровневой категоризации, которые были разработаны Э. Рош в рамках прототипического подхода. Согласно теории трехуровневой категоризации, психологически наиболее выделяются элементы базового уровня, т.к. именно он играет ведущую роль в концептуализации и категоризации объектов окружающей действительности. На базовом уровне выявляются единицы, способные выполнять роль прототипов в процессе языковой репрезентации знаний. Именно эти названия часто используются в словарных дефинициях при толковании значений отдельных слов (Болдырев 2009, с. 69). Исходя из сказанного, можно квалифицировать глагол *cry* как прототип в процессе языковой репрезентации знания о плаче человека.

Помимо базового уровня, условно подразделяемого в более поздних исследованиях на верхний и нижний подуровни (Болдырев 2009, с. 60), в модели выделяют суперординатный и субординатный уровни.

Английский глагол *cry*, ввиду того, что он является наиболее частотным и морфологически простым, занимает верхний подуровень базового уровня. Словарь дает следующее толкование: *cry* utter inarticulate sounds, esp. of lamentation, grief, or suffering, usually with tears; to weep; shed tears, with or without sound (Webster).

Наличие глагола *utter* в словарной дефиниции глагола *cry* свидетельствует о том, что *utter* обладает более абстрактным значением, ср.: *utter* give audible expression to (something) (Collins). Это обуславливает его отнесение к суперординатному уровню.

Нижний подуровень базового уровня является переходным от базового к субординатному уровню. На нем расположены глаголы *weep*, *sob*, *howl*, *whine*, *bawl*, *wail*, в дефинициях которых присутствует глагол *cry*, его производные или элементы его толкования, такие, как *weep*, *tears*:

weep to express grief, sorrow, or any overpowering emotion by shedding *tears* (Webster); ...as an expression of grief or unhappiness (Collins); *sob* *weep* with a convulsive catching of the breath (Webster); *bawl* to *cry* or wail lustily (Webster); to utter long loud *cries*, as from pain or frustration (Collins); *howl* to utter a loud, prolonged, mournful *cry*, as that of a dog or wolf; to utter a similar cry in distress, pain, rage, etc. (Webster); to make a *cry* of pain or sorrow (Collins); *wail* to utter a prolonged, inarticulate, mournful *cry*, usually high-pitched or clear-sounding, as in grief or suffering (Webster); *whine* to utter a low, usually nasal, complaining *cry* or sound, as from uneasiness, discontent, peevishness (Webster).

В отличие от глагола *cry*, представляющего событие *плач человека* в общем, гештальтном виде, глаголы этого подуровня конкретизируют глагол *cry*. Они профилируют определенные характеристики концепта ПЛАЧ ЧЕЛОВЕКА, акцентируя внимание на более частных признаках данного события. Назовем их и покажем фрагменты системных значений глаголов, в которых получают отражение эти характеристики.

1. Внешние характеристики плача:

1) слезы - *weep...* shedding tears (Webster); 2) звуковые характеристики плача: громкость – *bawl...* loud cries (Collins); *howl...* loud cry (Webster); высота – высокий звук (*wail...* high-pitched cry (Webster)), низкий звук (*whine...* low sound

(Webster)); шумный характер – *bawl* ... noisily (The Oxford Dictionary of English Language); назальность – *whine*... nasal sound (Webster); неразборчивость – *wail*... inarticulate cry (Webster); 3) временная характеристика: долгота – *bawl*... long... cries (Collins); *howl* ... prolonged cry (Webster); *wail*... prolonged cry (Webster); 4) сходство с явлениями природы: *howl*... as that of a dog or wolf (Webster).

2. Физиологическое состояние человека: затрудненное дыхание – *sob* ... with a convulsive catching of the breath (Webster).

3. Причина плача:

1) физическая боль: *howl* ... pain (Collins); 2) переживаемое отрицательное эмоциональное состояние: несчастье: *weep*... from unhappiness (Collins); разочарование: *bawl*... from...frustration (Collins); недовольство: *whine*... from discontent (Webster); печаль: *weep*... to express grief (Webster); *wail*... in grief (Webster); скорбь: *weep*... to mourn or lament (for something) (Collins); *howl*... mournful cry (Webster); страдание: *wail*... of misery (Collins); *howl*... in distress (Webster); горе: *howl*... of... sorrow (Collins); беспокойство, тревога: *whine*... from uneasiness (Webster); ярость, гнев: *howl*... in rage (Webster); раздражительность: *whine*... from peevishness (Webster).

Поскольку эти характеристики были закреплены в семантике глаголов данного подуровня, можно предположить, что именно они являются наиболее актуальными для человека признаками события *плач человека*.

Глаголы, расположенные на субординатном уровне – *moan, grieve, lament, bewail, bemoan, scream, shout, yell, squall, shriek, yowl, boohoo, whimper, yammer, complain, snivel, blubber* – трактуются посредством глаголов базового и суперординатного уровня или их производных, что наглядно демонстрирует связывающие их иерархические отношения: *blubber* to cry without restraint; make (the face) wet and swollen or disfigured by crying (Collins); *snivel* to utter (something) tearfully (Collins); *whimper* to cry, sob, or whine softly or intermittently (Collins); *yammer* to utter or whine in a complaining or peevish manner (Collins); *boohoo* to make a sound like the sound of loud childish crying (Longman Dictionary of Contemporary English); *yell* to utter in a loud or piercing way (Collins); to give a loud cry (The Oxford Dictionary of English Language); *scream* to utter or emit (a sharp piercing cry..), esp. as of fear, pain (Collins); *shout* to utter (something) in a loud cry (Collins); *squall* to utter a loud cry of pain or fear (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *shriek* to utter in a shrill screaming voice (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *yowl* to make a long loud cry, especially of pain or sadness (Longman Dictionary of Contemporary English).

Анализ семантической структуры глаголов субординатного уровня позволяет прийти к выводу, что в значении изучаемых глаголов заложены характеристики, уточняющие и конкретизирующие те характеристики событийного концепта ПЛАЧ ЧЕЛОВЕКА, которые профилируются семантикой глаголов вышестоящего уровня.

Глаголы *moan, grieve, lament, bewail, bemoan* могут быть объединены на основе того, что они передают характеристику *причина плача (смерть)*:

mourn to be sad, esp. because someone has died (The Oxford Dictionary of English Language); *grieve* to feel deep sorrow esp. at a person's death (The Oxford Dictionary of English Language); *lament* – to show, feel, express grief, great sorrow or regrets (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *bewail* – to mourn for

something (The Oxford Dictionary of English Language); *bemoan* - to grieve over (a loss, etc.); mourn (Collins);

Различительной характеристикой для этих глаголов будет *интенсивность испытываемой эмоции*,ср.: *mourn*... to be sad (The Oxford Dictionary of English Language); *bemoan* ... or disappointment (Longman Dictionary of Contemporary English); *bewail* ... sorrow (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *grieve*... deep sorrow (The Oxford Dictionary of English Language); *lament*... great sorrow (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English).

Глаголы *scream*, *shout*, *yell*, *squall*, *shriek*, *yowl*, *blubber*, *boohoo* объединены в подгруппу на основе параметра *характер выражения* (громкость):

yowl – to make a long loud cry, especially of pain or sadness (Longman Dictionary of Contemporary English); *scream* – to cry out loudly on a high note especially in fear, pain, great excitement, anger (Longman Dictionary of Contemporary English); *shout* – to make a loud sound with the voice (Longman Dictionary of Contemporary English); *scream* – to make a loud piercing sound (The Oxford Dictionary of English Language); *squall* – to utter a loud cry of pain or fear (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *yell* – to utter a loud sharp cry as of pain or excitement (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *shriek* – to scream shrilly (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *blubber* – to weep noisily (Longman Dictionary of Contemporary English); *boohoo* – to make a sound like the sound of loud childish crying (Longman Dictionary of Contemporary English).

В то же время, в значении каждого из глаголов заложена характеристика, дифференцирующая его от прочих элементов данного синонимического ряда:

- *характер звука*:

резкий: *yell*... sharp cry (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); детский, ребячливый: *boohoo*... childish crying (Longman Dictionary of Contemporary English); пронзительный: *scream*... piercing sound (The Oxford Dictionary of English Language); визгливый: *shriek*... shrill cry (The Oxford Dictionary of English Language); долгий: *yowl*... long cry (Longman Dictionary of Contemporary English); шумный: *squall*... cry (out) noisily (Longman Dictionary of Contemporary English); беспрестанный: *blubber*... without restraint (Collins); дикий: *shriek*... wild cry (Longman Dictionary of Contemporary English);

- *причина*:

боль: *scream*... cry of pain (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); грусть: *yowl*... of sadness (Longman Dictionary of Contemporary English); страх: *squall*... cry of fear (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); *shriek*... cry, resulting from fear (Longman Dictionary of Contemporary English); волнение: *yell*... excitement (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English); гнев: *scream*... cry... in anger (Longman Dictionary of Contemporary English).

Последнюю группу субординатного уровня глагольной таксономической модели категории «Плач человека» составляют глаголы *whimper*, *yammer*, *complain*, *snivel*, в значении которых наиболее выделенной является отражаемая концептуальная характеристика *сопутствующая эмоция* (недовольство). В семантике данных глаголов актуализирован признак *способ, манера выражения*:

тихо: *whimper*... softly (The Oxford Dictionary of English Language); капризно: *yammer*... in a peevish manner (Collins); печально: *snivel*... in a miserable way;

раздраженно, недовольно: *complain... in the way that expresses feeling of annoyance, dissatisfaction* (Longman Dictionary of Contemporary English).

Субординатный уровень расширяется за счет массива индивидуально-авторских образных сравнений. В образных сравнениях, позволяющих строить новый смысл, нагруженными являются глагол и опорный элемент, репрезентирующий когнитивную опору (Гольдберг 2009). Наиболее типична опора на знание о плачущем ребенке: *...я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал* (М.Ю. Лермонтов); *...Франсуа лежит на траве и рыдает, как дитя...* (А.И. Герцен); *...рыдает как ребенок, в конвульсиях* (Ф.М. Достоевский); *...горько, как ребенок, плакал...* (Г.А. Соломон (Исецкий)); *Сел на чемодан и, как обиженный ребенок, заплакал тихими, покорными слезами* (А.А. Яблоновский); *...during the years of his imprisonment spent much time sobbing in his cell as a desperately hurt child sobs; She did not weep silently like her mother in a web of hands and hair, but noisily, like a child, with great sobs and huge tears that splashed down on to the brown wool of her skirt...; ...he refused to try to understand how he came to be there and during the years of his imprisonment spent much time sobbing in his cell as a desperately hurt child sobs; He was also crying as a child cries when hurt, with the whole of itself* (примеры заимствованы из НКРЯ и BNC).

Попытка объяснить подобное явление продиктовала обращение к работам К.Г. Юнга, к его концепции коллективного бессознательного и понятию архетипа. Под архетипом К.Г. Юнг понимал универсальные архетипы, т.е. «образы, коллективные по своей природе, встречающиеся практически по всей земле» (Юнг: Психология и религия). Выяснилось, что среди прочих архетипов К. Юнг называет архетип младенца. Думается, в этом можно найти объяснение столь частой опоры на концепты МЛАДЕНЕЦ, ДИТЯ, BABY при осмысливании окружающего мира.

Проведенное исследование показало, что глагольная концептуально-таксономическая модель категории «Плач человека» в обоих языках отражает категоризацию знания о мире, стоящего за каждым из рассмотренных элементов.

Литература

1. BNC – British National Corpus. Режим доступа: URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
2. Collins – Collins COBUILD Learner's Dictionary. L.: HarperCollinsPublishers, 1996.
3. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: In 2 Vols. – Oxford University Press, 1982.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. – M., 1992. – В 2х т.
5. The Oxford Dictionary of English Language. – M., 2001.
6. Webster – Random House WEBSTER's Unabridged Electronic Dictionary. –1996.
7. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. – М., Тамбов, 2009. – С. 25-77.
8. Гольдберг В.Б. Информационный анализ как метод метакогниции // Когнитивные исследования языка. Вып. 5. Исследование познавательных процессов в языке. – М., Тамбов – 2009. – С. 106-112.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: URL: <http://ruscorpora.ru>.
11. Юнг К.Г. Психология и религия. Перевод А.М. Руткевича. Режим доступа: URL: www.koob.ru/jung/

В.М. Топорова

Методика сопоставительного описания концептуальных блоков языкового сознания

Семантические исследования свидетельствуют о наличии в языковом сознании разнообразных типов когнитивных связок лексем.

В данной статье мы обращаемся к описанию одного из распространенных видов когнитивных связок, представленных в оппозитивных парах лексем, которые именуют противополагаемые по определенному основанию признаки (*верх-низ, близко-далеко, быстро-медленно, легко-тяжело, светлый-темный, мягкий-твёрдый* и тому под.). Лексикализованные когнитивные связки такого рода связаны с характеристикой в обыденном сознании явлений различного рода на основе выделения их противоположных сторон.

Особенностью нашего аспекта рассмотрения является учет категориального признака, семантическое пространство которого охватывают оппозитивные пары лексем, ставящиеся в соответствие в русском и немецком языках. Категориальный признак, актуализируемый в таких связках, носит универсальный характер. Однако способы его лексической разработки и языковой презентации проявляют черты национально-языковой специфики, поскольку базируются на ярко выраженной образной презентации. Объектом сопоставительного описания в данной статье является когнитивная связка *много-мало*, актуализирующая категориальный признак «количество» на основе «распределенного» на семантические полюса восприятия категории количества.

Такое «распределенное» представление объекта/явления задает параметры сопоставительного анализа семантики анализируемых когнитивных связок лексем на категориальном уровне и позволяет выявить зоны семантического пересечения различных понятийных сфер, что представляет интерес в аспекте изучения процессов семантической интеграции в целом.

Особенностью оппозитивных пар русских и немецких лексем, связанных с семантической разработкой категории «количество» (много-мало и *viel-wenig*) является нежесткость семантики и относительный характер выражаемого лексемами значения, его зависимость от параметров предметной сферы, на которую оно проецируется. В задачу нашего исследования входит, наряду с выявлением специфических черт языковой объективации обыденного представления категории количества, установление лексикализованных когнитивных связок, соотносимых по количественному параметру с оппозитивной парой *много-мало*.

Когнитивная связка *много-мало* получает семантическую разработку и в русском, и в немецком языках в системе стандартизованных символически-числовых метафорических противопоставлений. Меру количественной оценки выражают при этом числовые, счетно-цифровые определения количества. *Миллион, тысяча, сто* означают «большое количество» = «много» (обычно как неопределенное множество): *Миллион дел; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Тысячу раз повторять; tausendmal* (=очень часто, тысячу раз); *Tausende und aber Tausende* (тысячи людей).

Характерным для обоих языков является обозначение малого количества посредством указания на сотую или тысячную часть чего-либо (das Tausendstel =

«тысячная доля»): *Von dem, was er sagt, ist nur ein Tausendstel wahr* = «В том, что он говорит, нет и сотой доли правды».

Показателем очень большого количества является невозможность пересчитать, «несчетность» множества: *Не счесть алмазов каменных в пещерах...* Аналогично в немецком языке *zahllos, unzählbar* = «бесчисленный, несметный».

Распространенным показателем малого количества в русской фразеологии являются лексемы «один», «два» и «три»: *Раз, два и обчелся. В двух шагах не видать. Заблудиться в трех соснах.* С другой стороны, символически-содержательная сторона числовых обозначений определяется стандартами предметно-смысловой сферы их употребления. Так, трехдневный срок для исполнения сложного задания выступает как достаточно малый, в то время как три дня езды, например, на поезде могут восприниматься как срок весьма длительный. Ориентированы на масштабы обыденной практики человека и немецкие выражения, маркированные числовой оценкой, типа *sich jmdn., etw. drei Schritte vom Leibe halten; jede Mark, jeden Pfennig zweimal/dreimal umdrehen*, в которых семантический вектор малого числа направлен в сторону оценочного параметра «много».

Следует также учитывать психологическую составляющую восприятия временной длительности, определяющую эффекты «сжатия», «растяжимости», «обратимости» времени и, соответственно, изменяющую семантическую доминанту лексикализованной счетно-цифровой оценки времени (три минуты ожидания могут длиться «вечно», а неделя за неделей в определенных условиях «летят»).

По признаку полюсного разведения семантики количества можно проследить связь когнитивной связки *много-мало* с такими связками, как *близко-далеко* и *быстро-медленно*, характеризующими степень пространственной (пространственно-временной) удаленности и скорости (длительности) пространственно-временного развертывания объектов. При этом в конкретных актах актуализации параметров *меры и величины*, в зависимости от характеризуемой предметно-смысловой сферы, наблюдается эффект соотносительной мены вектора количественной оценки в формате когнитивной связки *много-мало*. Так, если по отношению к семантической зоне скорости пространственного протекания события *быстро* может означать движение с большой скоростью (*много* км в час), а *медленно* – с малой скоростью (*мало* км в час), то, соответственно, в смысле временных затрат *быстро* (преодолеть дистанцию) актуализирует параметр *мало*, а *медленно – много*.

При обозначении временной длительности пути как своеобразной меры расстояния семантическая доминанта определяется также конкретными условиями перемещения (способом и средством). Соответственно, когнитивная связка *быстро-медленно* актуализируется в оппозитивных парах глаголов движения *лететь-ползти, бежать-идти*. Можно говорить об устоявшихся эталонах *быстро* или *медленно* движущихся объектов, выступающих в сравнительных конструкциях: *ползти как черепаха; лететь как ракета, как стрела; со скоростью света*.

Особого внимания заслуживает сопоставительная характеристика метафорических определений универсального нежесткого типа (часто в сопряжении с понятиями *меры и величины*), распределаемых по bipolarным

понятийным областям *много-мало* в двух языках. При этом выявляются системы образных эталонов, репрезентирующих параметры *много* и *мало*, проявляющие большое сходство по денотативным областям – эмпирическим источникам метафорического представления количества в обыденном языке. Так, большой объем (величина, мера) ассоциируется с водными пространствами (море, океан): *океан счастья, море слез, море света; ein Meer von Licht, in einem Meer von Blut ertränken*. Мизерная величина ассоциируется с размером капли (*капля в море, на капли жалости; wie ein Tropfen auf den/einen heißen Stein sein* (viel zu wenig sein)). С водной тематикой ассоциированы выражения *купаться в богатстве, в деньгах; im, in Geld schwimmen*. Большое (бесчисленное) количество чего-л. сравнивается с неисчислимыми массами песка на море (*Wie Sand am Meer (zahllos)*).

И в русском, и в немецком языковом сознании параметр *мало* ассоциирован с образом *зернышка, крупинки, пылинки, песчинки: ein Körnchen Sand, ein Körnchen Staub, ein Körnchen Wahrheit* (*крупица истины, доля правды*).

К сельскохозяйственной практике восходят образные основания бытовых определений многих понятий. Так, чрезмерное богатство, связанное с наличием больших денег, в немецком языке определяют такие сравнения, как *Geld wie Dreck, wie Heu, wie Mist haben*; специфику русского языка составляет выражение *денег куры не клюют*.

С актуализацией признака малого количества связан и в русской, и в немецкой фразеологии образ привычного домашнего животного – кошки: *кот наплакал; das trägt die Katze auf dem Schwanz fort/weg*.

Мерой количественной оценки могут выступать также такие характеристики, как «вес» (величина тяжести), «степень нагретости тела» (температура). Соответственно, в зону семантического пересечения с оппозитивной парой «много-мало» попадают такие оппозитивные пары, как «тяжело-легко» (тяжелый-легкий), «жарко-холодно» (горячий-холодный) и их градуальные варианты.

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы:

1. Когнитивная связка «много-мало» соотносима по способу выражения количественных параметров с оппозитивными парами лексем, содержащих семы разнополюсной количественной оценки мерных объектов.
2. В зоне прямой номинации противополагаемых признаков формируются устойчивые когнитивные связки, обладающие наибольшей обобщающей силой в обыденном сознании.
3. В зоне фразеологической номинации представлена совокупная семантическая оппозиция понятийных областей «много» и «мало» на ассоциативно-образной основе.
4. Сопоставление оппозитивных пар, соотносимых в двух языках по категориальному признаку, предполагает выявление общности и специфики денотатных сфер – источников метафорической репрезентации понятийных областей, представленных в когнитивной связке.

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области лингвокультурологии, дискурса и коммуникативного поведения

С.А. Беляевская

Лингвокультурные особенности суеверий в американском и русском сознании

В данной статье мы рассматриваем лингвокультурные особенности суеверий в американском и русском сознании.

Суеверия, верования и обряды пришли из далекого прошлого, когда наши предки сталкивались с загадочным, неведомым окружающим миром, пытались его познать и освоить. Именно вера в сверхъестественное лежит в основе возникновения большинства суеверий.

Под термином «суеверие» понимается связанный с религией предрассудок, заключающийся в том, что многое из происходящего в делах и жизни людей находится под влиянием различных сверхъестественных сил. Само слово «суеверие» означает «напрасная вера» («сue» или «всue» означает «напрасно»).

В данной статье мы проанализируем особенности ряда русских и американских суеверий, связанных с животными, погодой, числами и деньгами.

Рассмотрим суеверия, где упоминаются животные. Одним из самых ярких примеров являются суеверия, где упоминается кошка, чаще всего чёрная.

Как в американской, так и в русской лингвокультуре кошки выполняют предсказательную функцию. Согласно русским фольклорным источникам, кошка предугадывает появление гостей. «Кошка моет лапы – быть гостям» (Забылин 2003, с. 270). На Руси верили, что «первой в дом должна зайти кошка», ей поручается обследовать новое место (Грушко, Медведев 1995, с. 226).

В американской культуре считается, что кошки прекрасно разбираются в людях и предсказывают удачное или неудачное замужество. Существует такая примета – если девушка не уверена, стоит ли ей принять предложение руки и сердца, она доверяет решение кошке. Она берет три волоска из кошачьего хвоста, и кладет их в пакетике под порог. Если на утро они приняли форму буквы "Y" (начальная буква слова "yes", то есть "да), то предложение принимается, а если волоски сложились в букву "N" ("no" - "нет"), то поклонник получает отказ.

Значимость цвета кошки зафиксирована в обеих лингвокультурах, но их ценностные характеристики различны.

В России чёрная кошка считается «ведьминским отродьем» и прислужником нечистой силы. (Даль 1994, с. 92) Встреча с черным котом на дороге в России сулит беду. В отличие от русских, американцы верят, что черный кот может приносить счастье и удачу, особенно если он бродячий. Американская народная мудрость XIX века учит: If a black cat comes to your door, it brings good fortune to the household. – Если черный кот пришел к вашей двери, он приносит удачу дому.

В обеих лингвокультурах существует большое количество суеверий, связанных с птицей. В американских суевериях среди птиц главным пророком, предвещающим неприятности, как отдельному человеку, так и сообществу в целом считается Ворон. Американские индейцы называют его “A Harbinger of death” (вестник смерти). Ср.: If the raven flies above a chimney and shouts, in the house someone is sick and will not recover any more” (Если ворон летает над дымовой трубой и кричит, то в доме кто-то болен и больному уже не поправиться).

Символизм ворона в русской традиции носит двойственный характер. Как пожиратель отбросов, ворон считался нечистой птицей и ассоциируется со смертью. “Если ворон сядет на купол или колокольню храма, в той церкви будет отпеваться покойник» (Забылин 2003, с. 267).

В русской традиции ворона также считают веющей птицей: Старый ворон мимо не каркнет.

В обеих лингвокультурах птица, залетевшая в окно – признак скорой смерти. (Даль 1994, с. 100)

С очень давних времен людям свойственно было приписывать тем или иным числам магические свойства. В фольклоре русского народа мы часто сталкиваемся с *числом три*: три испытания, три сына, три брата, три попытки, «в тридевять земель, в тридевятом царстве». Три - сакральное число.

Отношение к *числу 13* («чертова дюжина») всегда было особым: оно считалось либо несчастливым, либо, наоборот, приносящим удачу. В русской лингвокультуре большинство людей относится к этому числу с предубеждением.

В американской культурной традиции отношение к цифре 13 неоднозначно. Во многих гостиницах США, например, не существует ни 13-го этажа, ни 13-го номера. Однако существует и другое отношение к числу 13. Для американцев оно скорее счастливое, чем несчастливое. Оно содержится во многих американских символах. Орел на гербе США держит в одной лапе оливковую ветвь, на которой насчитывается 13 листьев и 13 оливок, в другой — пучок из 13 стрел (Americana 1996, с. 29). Эти повторения числа 13 символизируют тот факт, что при возникновении Соединенных Штатов Америки страна состояла из тринадцати штатов. Таким образом, сама история США распорядилась так, что число 13 стало для американцев символическим.

Перейдём к последнему типу суеверий, в которых упоминаются деньги. Американцы по традиции относятся к деньгам более серьёзно, чем русские. В этом отчетливо проявляется особенность протестантской этики – экономия превыше всего. Если счастливой монетой у русских считается неразменный пятак, то у американцев – первый заработанный доллар. Русские долго не могли признать деньги как абстрактное понятие, не обеспеченное ни мехом, ни драгоценными металлами, поэтому в народе оставалось настороженное и даже пренебрежительное отношение к ним. Деньги часто ассоциировались с нечистой силой. Отсюда и можно объяснить появление большого количества суеверий, связанных с деньгами.

Американцы редко одолживают деньги друг у друга, поэтому в американской культурной традиции наблюдается не так много суеверий, связанных с этим процессом, как у русских. В русской лингвокультуре в большинстве суеверий, связанных с деньгами, обращается внимание на время суток. Вечер почитается

как граница света и тьмы, когда нечистая сила близко. Вечером не стоит ни пересчитывать деньги, ни производить расчеты, ни даже прибираться. «Нельзя отдавать деньги под вечер – водиться не будут». (Грушко, Медведев 1995, с. 124)

Таким образом, рассмотрев ряд русских и американских суеверий, мы выяснили, что в обеих лингвокультурах суеверия в основном выполняют прогностическую и предсказательную функции – пророчат человеку радость или горе, удовольствия и заботы, долгую или короткую жизнь, счастье или несчастье. Значения суеверий неоднородны и вариативны, что в основном обусловлено историческими и социально-культурными изменениями общества. Большое количество американских и русских суеверий совпадают, но их интерпретация не всегда одинакова, а иногда и противоположна.

Литература

1. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. – Нижний Новгород, 1995.
2. Даляр В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. СПб., 1994.
3. Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды. - М., 2003.
4. Americana: English-Russian Encyclopedic Dictionary/ Под ред. и общ. рук. д-ра филолог. наук Г. В. Чернова. — Смоленск, 1996.

Т.В. Дробышева

Сопоставление образа персонажа в оригинале и переводах по параметру коммуникативно-прагматического соответствия

В современной лингвистике текста на первый план выдвигаются вопросы коммуникативно-прагматического плана. Вследствие этого неотъемлемой частью анализа содержательной структуры художественного произведения является коммуникативно-прагматическое содержание художественного образа, представляющее собой особого рода отображенную в сознании адресата совокупность существенных признаков художественного образа, выражаемых в тексте языковыми средствами, реализующими коммуникативно-прагматические намерение автора на создание того или иного коммуникативно-прагматического эффекта.

Материалом для данного исследования послужил роман Ф.С.Фицджеральда «Великий Гэтсби» и два варианта его перевода на русский язык А – в переводе Е.Калашниковой, Б – в переводе Н.Лаврова. В фокусе внимания находились способы воплощения оценки образа главного героя Джая Гэтсби другими персонажами романа. В работе анализируются оценочные, эмотивные и экспрессивные коннотации используемых автором и переводчиками лексем в качестве маркеров, позволяющих сопоставить один и тот же образ в оригинале и переводах.

Для создания образа Гэтсби рассказчик (Ник Каррауэй) называет его ‘персонажем в чалме’ в следующем отрывке: *they evoked no image except that of a turbaned ‘character’ leaking sawdust at every pore... .* Используя метафорическое атрибутивное словосочетание *a turbaned ‘character’* как экспрессивное средство, автор эксплицирует ироничность, подчеркивая нелепость, некоторую сказочную

неправдоподобность главного героя. В переводе А (*Весь этот обветшалый лексикон вызывал у меня представление не о живом человеке, а о тряпичной кукле в тюрбане, ...*) данная метафора конкретизирует (сужает) понятие ‘персонаж’ и вводит даже более экспрессивное и уничижительное *тряпичная кукла*. Автор перевода Б позволяет себе еще больше отступить от формы оригинала, ср.: *Перед моими глазами вставал сказочный персонаж из книжки для детей младшего возраста: соломенное пугало ...!* Он еще больше усиливает ироничность и экспрессию высказывания за счет развернутого образного сравнения, которое также конкретизирует семантику слова ‘персонаж’. Переводчик Б интерпретирует лексему ‘персонаж’ метафорически (*соломенное пугало* в переводе возникает из дальнейшего контекста). Значение атрибута *turbaned*, однако, интерпретируется в макроконтексте в предыдущем предложении и реализуется посредством эмфатической конструкции с местоименным прилагательным и указательным местоимением *все эти тюрбаны*, внося дополнительную ироничность и, следовательно, экспрессию в образ.

Впечатление сказочной неправдоподобности и загадочности в происхождении состояния Гэтсби создается Фицджеральдом и передается авторами переводов в следующем отрывке, несущем в себе элемент гиперболизации, а отсюда и иронии: *...I saw him opening a chest of rubies* Ср.: перевод А *...представился он сам, склонившийся над ларцом, полным рубинов, ...* / перевод Б *...значит, действительно набирал он полные пригоршни рубинов, склонившись над сундуками с сокровищами, ...* В переводе А при помощи дифференциации *chest* (сундук) трансформируется в *ларец*, то есть ‘небольшой ящик с крышкой для хранения драгоценностей, каких-либо мелких ценных предметов; шкатулка’. Тогда как *chest* – это ‘большая прочная коробка, в которой хранят предметы или перевозят личные вещи’. Данная трансформация предполагает снижение степени гиперболизации, с другой стороны, переводчик А частично компенсирует данное снижение степени за счет употребления препозитивного атрибута *полным рубинов*, что обозначает – наполненный доверху. Переводчик Б в этом случае, напротив, увеличивает степень гиперболизации и ироничности за счет множественного числа существительного *сундуками и пригоршни* и за счет использования приема генерализации значения, где конкретное понятие *рубины* становится общим – *сокровища*.

Образ главного персонажа произведения постоянно окутывается некой загадочностью, в результате чего он наделяется отрицательными качествами в глазах посторонних людей. Гэтсби предстает перед читателем оригинального текста как *a common swindler* (простой мошенник), что означает: обычновенный, ничем не отличающийся от всех, не выдающийся мошенник (человек, который обманывает людей с целью получения чего-то ценного, особенно денег). Оба слова – и атрибут, и существительное имеют выраженную неодобрительную оценку и семантику уничижения за счет значения определения. В переводе А в данном случае используется структурно эквивалентное определительное словосочетание – *обыкновенный жулик*, в котором уничижение усиливается за счет семантики существительного жулик: ‘вор, занимающийся мелкими кражами’; и за счет контекстуального значения слова *обыкновенный*, который в данном случае синонимичен слову ‘заурядный’. Автор текста Б при интерпретации этого словосочетания трансформирует значение оригинального

атрибута *scottop*, привнося дополнительное значение посредством прилагательного разговорного стиля *отпетый*, то есть ‘неисправимый, безнадежный’, которое так же, как и в оригинале, актуализирует неодобрительную оценку, однако степень уничижения в этом случае ослабевает. Существительное же *swindler* в данном примере переводится эквивалентно – *мошенник*.

Персонаж Том Бьюкенен характеризует личность главного героя в следующей фразе: *They meet all kinds of crazy fish*. Оценка героя здесь осуществляется посредством стилистически сниженного атрибутивного словосочетания с чрезвычайно яркой экспрессивной семантикой *crazy fish* (букв.: сумасшедшая рыба), где метафорическое употребление существительного *fish* основано на экспликации негативно-пренебрежительного оценочного значения. Эпитет же *crazy* выступает в данном контексте как интенсификатор, эксплицирующий не столько первоначальное денотативное значение ‘странный, неразумный, психически больной’, сколько экспрессивно-эмоциональное значение осуждения и уничижения, выступая здесь как бранное слово. В переводах происходит следующие преобразования, ср.: перевод **А** – *женщины ... якшаются со всякими сомнительными личностями* / перевод **Б** – *приличные женщины ... знакомятся со всякими сомнительными типами*. Переводчики **А** и **Б** для передачи значения данного определения прибегают к прилагательному *сомнительный*, являющемуся контекстуальным эквивалентом в связи со своим денотативным значением, включающим негативный эмоционально-оценочный компонент – ‘вызывающий сомнение, подозрение, опасение, не внушающий доверие’. При переводе существительного *fish* у обоих авторов метафора утрачивается из-за отсутствия в русском языковом сознании ассоциаций между понятиями ‘рыба’ и ‘некохорый человек’. Автор текста **А** в данном случае прибегает к приему генерализации значения и использует *сомнительная личность* (то есть лицо) с нейтральной оценочной семантикой и нейтральной стилистической маркированностью. С другой стороны, для компенсации утраченной доли экспрессивности переводчик **А** в дальнейшем контексте интерпретирует широко употребительный глагол *meet* (знакомиться, встречаться) как экспрессивно и оценочно окрашенный глагол с семантикой неодобрения разговорного стиля *якшаться* (то есть общаться, водить компанию). Переводчик **Б** применяет эквивалент с семантикой пренебрежения и разговорной стилистической окраской *tip*, что значит – ‘человек обычно странных или отрицательных качеств или свойств’. Он также усиливает негативную оценку за счет добавления атрибута *приличные*, которое обозначает ‘благовоспитанные, порядочные’.

Прошлое Гэтсби представляется Мейером Вулфширом в оригинале как ‘ничто, сточная канава’ в следующем отрывке: *I raised him up out of nothing, right out of the gutter*. Существительное *the gutter* представляет собой часто употребляемую в английской культуре метафору, позволяющую сравнить низкие слои общества со сточной канавой. За счет этого средства выразительности и отрицательного местоимения эксплицируется уничижительная семантика. Переводчик **А** передает вышеуказанную фразу следующим образом: *Я вытащил его из грязи, из ничтожества*. Автор перевода **А** семантически эквивалентно передает отрицательное местоимение *nothing* как *ничтожество* и сохраняет метафорический перенос, применяя метафорическую

дифференциацию, где *the gutter* (сточные канавы) заменяется на перекрещивающееся с выше упомянутым понятием *грязь* (...*вытащил его из грязи*), однако значение и коммуникативно-прагматический эффект оригинала сохраняются, то есть в этом случае можно говорить об использовании контекстуального варианта. В переводе **Б** автор сохраняет оригинальную метафору, ср.: *сточные ямы* (*Я вытащил его за уши. С самого дна, из сточных ям, да-с*). Для усиления уничижения героя при передаче его глаголом *raise* (то есть поднимать, вытаскивать) переводчик применяет экспрессивно окрашенное устойчивое выражение русского языка разговорного стиля, являющееся результатом приема конкретизации значения – *вытащить за уши*, которое означает: всеми силами помогать тому, кто сам не стремится или не способен к какой-либо деятельности. Это выражение добавляет уничижительную оценку и увеличивает воздействующую силу текста перевода **Б**.

При раскрытии образа Гэтсби персонажи романа постоянно подчеркивают его богатство: *That's where all his money comes from*. Посредством сочетания детерминанта *all* (весь), указывающего на полное количество чего-то, в данном случае денег *money*, автором имплицируется значение большого количества денег. Переводчик **A** использует прием конкретизации и интенсификации значения, где местоименное числительное *столько*, обозначающее в этом контексте ‘такое большое количество, так много’ эксплицирует имплицируемое в оригинале значение, ср.: *Вот откуда у него столько денег*. Степень усиления в переводе **Б** еще выше, чем в **A**, за счет приема гиперболы, ср.: ...*поэтому у него такая уйма денег*. Здесь автор перевода прибегает к сочетанию *такая уйма*, где функциональное значение местоименного прилагательного (выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки) плюс значение существительного разговорного льшую□стиля (большое количество, множество чего-либо) придают высказыванию бо экспрессивность.

Таким образом, исходя из сопоставления образа персонажа в оригинале и переводах по параметру коммуникативно-прагматического соответствия, заключающегося в использовании экспрессивного и эмоционально-оценочного компонентов в значении лексических единиц, употребленных другими персонажами романа в отношении Гэтсби и характеризующих главного героя, можно заключить, что в переводе **A** герой в 2,3 раза чаще характеризуется негативно, чем в оригинале, а в переводе **Б** – в 2,8 раза. Эмотивный компонент в проанализированных фрагментах в оригинале и переводах **A** и **Б** присутствует равнозначное число раз, в то время как в плане выразительности три текста значительно различаются, так, экспрессивный компонент в переводе **A** встречается в 1,25 раза чаще, чем в оригинале, тогда как в переводе **Б** – в 2 раза чаще.

Литература

1. Fitzgerald F. S. *The Great Gatsby*. — Penguin Books, 1994.
2. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби [пер. с англ. Н. Лаврова] // Великий Гэтсби : романы. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – С. 7-208.
3. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби // Великий Гэтсби. Ночь нежна [пер. с англ. Е. Калашниковой]. – М., 2003. – С. 7-150.

Культурная обусловленность письменного фатического общения

Фатическая коммуникация играет важную роль в процессах внутри- и межкультурного общения, однако данный феномен часто остается за границами интересов ученых-лингвистов. Термин «фатика» как одно из свойств языка был впервые введен в оборот антропологом Б. Малиновским, изучавшим поведение меланезийских племен восточной Новой Гвинеи. В процессе наблюдений он заметил важную особенность в поведении членов племени – во избежание пауз в общении, они прибегали к помощи различных ритуальных фраз (сплетням, вопросам о здоровье, замечаниям о погоде или о других столь же явных вещах), которые не были обусловлены контекстом ситуации. На основании данного наблюдения, Б. Малиновский ввел в лингвистический оборот понятие о новой функции языка – фатической, которая, по его мнению, нацелена на установление и поддержание речевого контакта с собеседником, на регулирование взаимоотношений и на удовлетворение потребности коммуникантов в общении (Malinowski 1994).

В своих работах многие лингвисты противопоставляют термины «фатика» и «информация», проводя границу между «неинформационным» и «информационным» общением. По мысли Т. Винокур, фатическое общение является по преимуществу особенностью разговорно-бытовой сферы коммуникации, играя важную роль в поддержании или разрывании контактов на бытовом уровне (Винокур 1993). Однако фатика имеет место не только в быту, нередко к ней прибегают и на более высоком уровне – например, политики, используя лозунги, и рассуждая о том, что всем давно известно, что также относится к фатической функции языка.

Н. Формановская относит фатику к сфере этикетного общения, считая, что ее основной задачей является поддержание речевого контакта при помощи контактоустанавливающих и контактоподдерживающих единиц, представленных этикетными и ритуальными формулами (Формановская 2002, 2007).

Несмотря на правомерность данных подходов к фатике, важно отметить важность этой, на первый взгляд, незначительной функции языка. Без элементов фатического «неинформационного» общения не может состояться ни один другой вид общения, в том числе информативное. Внедрение фатических элементов в ситуацию общения любого типа, например, этикетных формул приветствия, необходимо для установления контакта. Ритуальные формулы поздравления и пожелания обуславливают поддержание контакта, а формулы прощания выполняют контакторазмыкающую функцию. Наличие данных элементов помогает задать определенный тон беседы, настроиться на коммуникацию или дать сигнал о завершении беседы. Фатические формулы помогают коммуникантам осуществить свои коммуникативные цели, определяя тем самым успешность коммуникации в целом.

Фатические стратегии общения, необходимые для осуществления успешной коммуникации, зачастую обусловлены особенностями той или иной лингвокультуры. Еще Б. Малиновский отметил тот факт, что фатика проявляется во всех языках, но по-разному: стратегии установления, поддержания и

размыкания контакта в культуре племен Новой Гвинеи существенно отличаются от фатических стратегий, принятых у носителей английского языка.

Культурная обусловленность фатического общения объясняется тем, что культура формирует среду, в которой формируются человеческие состояния, определяются отношения и поступки, а также вырабатываются ценностные ориентиры. В рамках этой системы координат каждая отдельная личность социализируется в пору ее взросления, в этой среде вырабатываются коммуникативные приемы межличностного взаимодействия и способы их реализации. Во взрослой жизни люди придерживаются выработанных культурных и коммуникативных навыков и передают их новым поколениям, транслируя и закрепляя таким образом культурные особенности в сознании носителей данной культуры. Выработанные и закрепленные модели поведения и коммуникации, традиции и ритуалы играют важнейшую роль в обеспечении единства отдельно взятой лингвокультуры. Всё это в полной мере относится к фатическому общению.

Модели коммуникативного взаимодействия, в том числе фатического, сформированные под воздействием культурных традиций, формируют устойчивые речевые и речеповеденческие образцы для повторяющихся ситуаций, становясь ритуальными конвенциями, знание о которых разделяется всеми носителями определенной культурной общности, когда каждый культурный ритуал закреплен за типовой ситуацией и обеспечивает устойчивость культурных норм и конвенций в языке.

Культурная обусловленность коммуникативного поведения представителей различных культур, закрепленность коммуникативных стратегий и правил осуществления коммуникации в их сознании позволяет сделать вывод о том, что каждый текст, созданный носителями разных культур, будет иметь специфические особенности, обусловленные различиями исторически сформировавшихся правил и конвенций организации текста.

Изучение различных форматов фатической коммуникации позволяет выявить и проанализировать данные культурно специфичные черты, объяснить форматы общения носителям других лингвокультур и исправить возможные ошибки в ситуациях межкультурного общения.

Особенности устного фатического общения рассматриваются в большом количестве научных работ. В то же время, несмотря на то, что письменное фатическое общение играет столь же значимую роль, как и устная фатическая коммуникация, письменное фатическое общение остается за рамками исследования ученых. Помимо того, что письменное фатическое общение обладает большим количеством свойств устной коммуникации, оно характеризуется специфическими прагмалингвистическими чертами и имеет ряд культурных особенностей.

Проследить культурно обусловленные различия в письменном фатическом общении возможно на примере формализованной коммуникативной ситуации одного из видов фатического общения – написания поздравительной открытки, где успех коммуникации зависит от успешного осуществления принятого в рамках отдельной лингвокультуры ритуала, знание особенностей которого позволяет успешно реализовать данную интеракцию.

Написание поздравительной открытки представляет собой особый социальный ритуал, направленный на поддержание гармоничного баланса

взаимоотношений между адресантом и адресатом открытки. Открытки используются носителями разных культур по разным поводам, и некоторые из них могут быть культурно специфичными, принятыми только в рамках отдельной лингвокультуры. Однако существуют и другие, универсальные поводы для написания открыток, которые не зависят от культурной принадлежности создателя фатического текста, например, поздравление ко дню рождения. Написание фатического текста по любому поводу характеризуется стандартным набором контекстных условий, которые определяют правила дискурсивного взаимодействия в данной культуре.

В условиях создания открытки по сходным поводам актуализируются очень похожие коммуникативные контексты с аналогичными условиями и целями общения (написание поздравления к определенному празднику, например, Новому году или Рождеству, которые есть в разных культурах). В то же время представители разных лингвокультур в аналогичных ситуациях могут следовать различным интерактивным сценариям под влиянием культурно специфических моделей коммуникативного взаимодействия, хранящихся в их сознании.

Различия коммуникативных сценариев создания фатического текста можно проследить на примере особенностей создания поздравительной открытки в британской и русской лингвокультурах. Как было отмечено выше, коммуникативные контексты создания данного вида фатического текста схожи в этих языковых культурах, но pragmalingвистические параметры соответствующей ситуации общения различны. Эти различия, на наш взгляд, можно объяснить культурно обусловленными особенностями, складывавшимися в каждой лингвокультуре на протяжении столетий и закрепленными в сознании ее носителей.

Так, в британской культуре открытка к Рождеству, содержащая также поздравление с наступающим Новым годом, является характерным элементом праздника, в котором ей отводится одно из центральных мест. Выполняя фатическую коммуникативную функцию, она используется в том числе и для украшения дома. Перед праздниками в магазинах появляются в продаже даже специальные держатели для открыток (card holders) в форме символов Рождества и Нового года – елочек, звезд и т.п. Открытки, которые каждая семья получает к празднику, крепят на держатели и прикрепляют на стену или устанавливают на стол. Также продаются специальные нити (strings) и прищепки (pegs), которые предназначены для того, чтобы открытки прикреплялись, например, к мишуре над камином и становились неотъемлемым атрибутом рождественского украшения дома. Все это свидетельствует о том, что в британской культуре рождественская поздравительная открытка стала ритуальным атрибутом данного праздника, являясь не только средством коммуникации, но и выполняя дополнительную практическую и эстетическую функцию.

Помимо данной особенности, можно отметить еще одну специфичную черту, отражающую социальную значимость обмена поздравительными открытками в британской культуре: в магазинах там продаются специальные блокноты (Christmas card address books), в которых, помимо имени и адреса адресатов открытки, предусмотрены две графы, в первой из которых отмечают тех, кому открытки были отправлены, а во второй отмечают, получил ли отправитель открытки поздравление в ответ.

В связи с тем, что рождественские открытки принято отправлять большому

количеству адресатов, в Великобритании их принято продавать не только поштучно, но и упаковками (multipack cards) по 5, 10 или 20 штук.

В русской лингвокультуре, напротив, не принято придавать такого значения поздравительной открытке. Открытки редко используются для украшения дома, потому в России нет привычных для Великобритании приспособлений для демонстрации полученных в ходе праздников открыток. Коммерциализация данного элемента праздника проявляется лишь в большом количестве поздравительных открыток с готовыми пожеланиями, однако открытки не продаются упаковками. Возможно, это вызвано тем, что представители русской культуры сравнительно редко отсылают открытки своим друзьям и близким, предпочитая другие способы поздравления, а отсылая открытки, ограничиваются небольшим количеством адресатов.

Данные особенности, на наш взгляд, обуславливают специфические фатические стратегии и особенности создания письменных фатических текстов в рамках британской и русской лингвокультур. Например, праздничные пожелания в британских открытках, как правило, ограничены одной фразой и обычно не имеют дальнейшего распространения, при этом использование графических элементов минимально, так как излишняя многословность поздравления и эмоциональность не считаются неотъемлемой частью данного события (*Have a quiet Christmas and all the very best for the New Year 2008*).

Напротив, в русской речевой культуре конвенции поздравления с праздником Нового года требуют от поздравляющего выражения особого отношения к адресату, поэтому при написании поздравительной открытки носители русского языка обычно стараются создать уникальный, персонализированный эмфатический текст с длинным поздравлением (от трех и больше пожеланий), направленный непосредственно на получателя открытки (*От всего сердца желаю тебе здоровья, жизненного благополучия, покоя, радости в семье и всего самого наилучшего!*). Эмфатичность пожелания усиливается большим количеством восклицательных знаков, необходимых для выражения положительных эмоций отправителя по отношению к адресату открытки.

Данная тенденция также прослеживается в готовых текстах, созданных профессионалами, которые можно найти в открытках. Данные фабричные тексты создаются с учетом культурной специфики фатических стратегий каждой лингвокультуры. Так, готовые тексты в открытках британской лингвокультуры, как правило, представляют собой единичную фразу (например, *Merry Christmas and Happy New Year*), в то время как в открытках русской лингвокультуры профессиональные авторы обычно создают чрезвычайно эмфатичные поздравления в стихах, например:

*С Новым годом!
Славный будет праздник –
Год спешит к нам новый!
В доме – свет и радость,
Аромат еловый.
Слышен смех звенящий,
Шутки, тосты, песни...
Пусть приходит счастье
С новым годом вместе!*

Таким образом, несмотря на то, что социопрагматические параметры ситуации в двух культурах практически идентичны, стратегии осуществления соответствующих коммуникативных действий существенно различаются, так как культурно-прагматическая ценность факторов, релевантных в контексте создания письменного фатического текста, разнится. Прагмалингвистические параметры ситуации оказывают существенное влияние на выбор стратегий фатического общения, моделируя коммуникативную ситуацию и обуславливая правила взаимодействия в ней. Владение знаниями о культурно обусловленной специфике письменного фатического текста позволяет создавать адекватные поздравительные открытки в условиях межкультурного общения, избегая воспроизведения фатических стратегий и следования конвенциям родной лингвокультуры.

Литература

1. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages // Language and Society in Social Practice: A Reader. – Open University. – Short Run Press Ltd., 1994. – Р. 1-10
2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.
3. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007.
4. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002.

М.М. Исупова

Когнитивная модель делового письма-извинения в русском и английском языках

Речевая ситуация, в которой возникает необходимость **письма-извинения**, характеризуется наличием следующих стабильных компонентов: адресата, адресанта и объема информации, которая в данной речевой ситуации либо не является новой для коммуникантов, либо является «обновленной» для адресата, при этом задачей письма-извинения не является ее актуализация. Письмо-извинение возникает как следствие восстановления определенных институциональных отношений и является вежливым подтверждением восстановления этих отношений с намерением поддерживать коммуникацию в дальнейшем. Письмо-извинение также может заранее сообщать о возможности нарушения таких институциональных отношений, в этом случае оно является предупреждением и одновременно подтверждением будущего восстановления отношений. Необходимо отметить, что определенный объем информации в письме является неактуализированным. Под неактуализированным объемом информации в письме-извинении подразумевается ситуативно обусловленная информация, которая может быть:

- 1) заранее известной как адресанту, так и адресату, то есть служить ответом на письмо-жалобу. Так, например, в письме-извинении по поводу ошибки в поставке оборудования объемом информации является количество и ассортимент товара, которые были оговорены адресатом и адресантом заранее в контракте или другом виде документа. Важным в данной ситуации

является признание адресантом своей ошибки и стремление к ее исправлению, что должно повлечь за собой восстановление институциональных отношений между коммуникантами;

2) заранее неизвестной адресату, то есть служить источником неприятной информации. Нужно оговорить, что речь здесь идет о сообщении такой информации, которая не является новой для адресата, ибо коммерческая переписка ведется в рамках определенной договоренной информации, но которая может привести к негативной реакции со стороны адресата. Так, например, в письме-извинении по поводу вынужденной задержки отправки товара объемом информации являются сроки поставки, оговоренные заранее. Существенным в данной ситуации является предупреждение адресата о нарушении сроков поставки, стремление адресата к смягчению ситуации и подтверждение восстановления институциональных отношений между адресантом и адресатом, которые могут быть следствием несоблюдения сроков поставки.

Считаем, что к письму-извинению можно отнести следующие типы писем: *письмо-ответ на жалобу* и *письмо-сообщение неприятной/негативной информации*.

Анализ содержания **писем-ответов на жалобу** с целью установления устойчивых и переменных компонентов показал, что типичными грамматическими конструкциями данного вида писем являются:

1) конструкции в страдательном залоге, что придает сообщению более официальный характер: сказуемое в страдательном залоге – *your order is being dealt with* (ваши заказом сейчас занимаются), *your order will be sent* (ваши заказ будет отправлен), *the machine will be collected* (машину заберут), *a replacement machine will be sent* (машину заменят и вышлют); *страдательный причастный оборот – trouble caused to you* (неприятности, причиненные вам), *instead of 7 ordered* (вместо семи заказанных);

2) употребление грамматических времен Present Perfect и Present Continuous, что подчеркивает важность для адресата совершенного (Present Perfect) или совершающегося (Present Continuous) действия в настоящий момент: *you have had some problems* (у вас возникли проблемы), *we have arranged* (мы организовали), *we might have caused* (мы могли вам причинить); *the order is being dealt with* (заказом занимаются), *we are paying ... the expenses* (мы оплачиваем все расходы).

С точки зрения лексического оформления характерно сравнительно малое количество терминов и клишированных словосочетаний делового английского языка, лексика приближена к повседневной: *it goes without saying* (разумеется), *slip through* (здесь: ошибки случаются).

Информативность писем передается следующими ключевыми словами: *sorry* (сожалеть, к сожалению) – *we are sorry to hear* (к сожалению, мы узнали); *apologize* (извиняться) – *we must apologize* (мы должны извиниться), *with apologize* (с извинениями), *accept ... apologize* (примите извинения); *regret* (сожалеть) – *we greatly regret* (мы очень сожалеем). Следует отметить употребление в письмах выражений извинения дважды: в начале и в конце письма. Повторное извинение может имплицировать желание адресанта в дальнейшем избежать подобных ошибок, высказывая тем самым его намерение поддерживать коммуникацию в дальнейшем.

Анализ **писем-сообщений неприятной информации** показал, что устойчивыми грамматическими и синтаксическими компонентами таких писем являются:

- 1) страдательные конструкции: сказуемое в страдательном залоге – *we are told* (нам сообщили), *which (delivery) was caused* (которая (задержка) была вызвана), *delivery is being held up* (доставка задерживается); страдательный причастный оборот – *inconveniences caused* (причиненные неудобства);
- 2) употребление грамматических времен Present Perfect, что подчеркивает важность для покупателя совершившегося события в данный момент: *strike ... has caused delays* (забастовка послужила причиной задержки), *it (inconvenience) has not been too serious* (оно (неудобство) не было слишком серьезным); и Present Continuous: *delivery is being held up* (доставкой занимаются), *we are doing our utmost* (мы делаем все возможное), *we are making ... arrangements* (мы принимаем меры), что подчеркивает важность для покупателя совершающегося события, и, в частности, показывает, что выполнением заказа поставщик занимается в данный момент, тем самым выделяя для себя приоритет дел покупателя;
- 3) модальный глагол *have to*, передающий вынужденность совершения действия: *have to advise* (вынуждены сообщить).

Устойчивыми лексическими компонентами являются:

- 1) терминология делового английского языка: *delivery* (доставка), *despatch* (погрузка), *execute order* (выполнять заказ), *delay* (задержка), *shipment* (доставка). Причем термины употребляются, как правило, в информационной части письма;
- 2) трафаретные обращения и заключительные фразы.

Информативность данного типа письма передается такими ключевыми словами и фразами как: *sorry* (сожалеть), *inform* (сообщать), *advise* (сообщать), *apologize* (извиняться): *we are sorry to inform* (к сожалению, сообщаем), *we are very sorry ... to have to advise* (к большому сожалению, вынуждены вам сообщить), *we apologize for* (извините нас за), *accept our apologies* (примите наши извинения). Причем по сравнению с письмами-ответами на жалобы, письма, сообщающие неприятную информацию, содержат усиливающие лексические компоненты: *very sorry indeed* (действительно очень сожалеем), грамматические: *sorry to have to inform* (сожалеем, что вынуждены сообщить) и синтаксические, выраженные осложнением предложения, передающего повторное извинение в конце письма, за счет однородных членов: *we apologize for the inconvenience and hope that* (мы сожалеем о причиненных неудобствах и надеемся, что ...), *we apologize for this unfortunate delay and are doing our utmost ...* (мы приносим извинения за задержку и делаем все возможное...).

Лексико-грамматический, синтаксический и композиционный анализ текстового материала писем-ответов на жалобы и писем, сообщающих неприятную информацию, выявляет устойчивые, типичные отношения между компонентами, функции которых могут изменяться в зависимости от: 1) степени желания адресанта побудить адресата к восстановлению институциональных отношений; 2) сложности разрешения возникшей ситуации; 3) зависимости разрешения ситуации от внешних (например, форс-мажорные обстоятельства)

или внутренних обстоятельств (например, недоставка товара, плохое качество товара).

Это диктует особые требования к письму-извинению: оно должно быть изложено с соблюдением этических норм делового английского языка, норм вежливости, присущих английскому языку, должно выражать стремление адресанта изменить ситуацию с целью восстановления нарушенных институциональных отношений путем вербального воздействия на адресата. Это находит выражение в стандартном композиционном построении письма и лексико-грамматических средствах языка:

- 1) ключевых словах и фразах, позволяющих определить цель письма: *sorry* (*сожалеть*), *apologize* (*извиняться*), *regret* (*сожалеть*), *inform* (*информировать*), *advise* (*сообщать*);
- 2) страдательных конструкциях и употреблении модального глагола *have to*, подчеркивающего вынужденность совершения действия;
- 3) минимальном использовании клишированных выражений (только в обращении и заключительных фразах);
- 4) использовании времен *Present Perfect* и *Present Continuous* для подчеркивания значимости для адресата совершенного и совершающегося адресантом в данный момент действия;
- 5) стремлении адресанта использовать нейтральный разговорный язык для объяснения ситуации.

Речевая ситуация, в которой возникает необходимость русского **письма-извинения**, компоненты и цель письма аналогичны речевой ситуации, требующей написания англоязычного письма-извинения, компонентам и цели последнего. Мы считаем, что коммуникативные процессы, репрезентированные в русских и англоязычных письмах-извинениях совпадают. Об объеме информации, передаваемой в письме-извинении, также подробно написано выше.

Как и англоязычное **письмо-ответ на жалобу**, русское **письмо-ответ на жалобу** является результатом восстановления неких нарушенных институциональных отношений и является подтверждением восстановления этих отношений.

Цель письма-ответа на жалобу – восстановление нарушенных институциональных отношений – передается следующими ключевой фразой: *приносим извинения*.

Проанализированные письма написаны в рамках русского официально-делового стиля официально, однозначно, стандартно, что выражается в:

- а) преимущественном употреблении определенно-личных предложений, где отсутствует подлежащее, выраженное местоимением *мы*;
- б) употреблении сложных словосочетаний с несколькими зависимыми компонентами, являющимися в основном существительными в родительном падеже: *получение Вашего письма ... относительно недостачи двух компонентов слесарно-монтажного инструмента, извинения за задержку поставки шиномонтажного стенда*;
- в) употреблении страдательных конструкций: *партии, отгруженной нами...*, *комплекты будут переправлены, стенд будет доставлен*;

- г) употреблении таких отглагольных существительных как *получение, недосмотр, поставка, задержка*;
- д) использовании сложноподчиненных предложений, причастных оборотов, которые конкретизируют ситуацию;
- е) упоминании конкретных дат, названий и номеров официальных документов;
- ж) употреблении терминов делового языка, например, *партия, недостача, экспедитор*.

Встречаются письма, написанные, с одной стороны, в рамках русского официально-делового стиля, они официальны, однозначны, стандартны, о чем свидетельствуют:

- а) страдательные конструкции: *заказанная Вами партия отправлена; товар, отправленный Вам по ошибке*;
- б) конкретные указания дат;
- в) отглагольные существительные: *получение, погрузка*;
- г) терминология делового языка: *товар, упаковщик, артикул, партия, погрузка*;
- д) клишированные словосочетания: *причиненные неудобства, плодотворное сотрудничество*.

С другой стороны, в этих письмах приносится повторное извинение и выражается надежда на дальнейшее сотрудничество (а это одна из целей англоязычного письма-ответа на жалобу). Кроме того, прослеживается стремление адресанта к снижению официальности письма, что свойственно английскому деловому письму. Это достигается за счет:

- а) увеличения числа полносоставных предложений;
- б) употребления глаголов в сослагательном наклонении в следующих словосочетаниях: *мы бы были бы признательны, Вы бы организовали*;
- в) употребления оценочных прилагательных: *досадная оплошность, искренние извинения*, превосходной степени прилагательного *самый искренний*;
- г) введения дополнительных вежливых структур: *благодарим, еще раз примите извинения, надеемся на сотрудничество*.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что встречаются два типа русских писем-ответов на жалобы: первый тип – письма, не выходящие за рамки русского официально-делового стиля; второй тип – письма, написанные в рамках русского официально-делового стиля, но с элементами, характерными для английского письма в целом и письма-ответа на жалобу в частности. К таким элементам относятся: 1) стремление к смягчению официальности письма; 2) вежливые структуры; 3) расширение цели письма – не только восстановить нарушенные отношения, но и высказать намерение поддерживать коммуникацию.

Вышесказанное позволяет говорить о влиянии когнитивных структур английского письма-ответа на жалобу на русское письмо-ответ на жалобу.

Что касается такого вида письма-извинения, как *письмо-неприятное известие*, которое заранее сообщает о возможности нарушения институциональных отношений и является предупреждением об этом нарушении и одновременно подтверждением будущего восстановления отношений, то следует сказать о том, что в советские времена таких писем не существовало, так как не было принято сообщать, например, о задержке

выполнения заказа или о задержке оплаты. Свидетельством отсутствия таких писем в деловой переписке того времени являются различные справочники, пособия по документоведению и письмовники, в которых мы не нашли примеров писем данного вида.

В современной коммерческой переписке письма-неприятные известия встречаются сравнительно редко, что говорит о том, что ситуация, которая требует написания такого вида письма, разрешается, видимо, в личном общении или телефонном разговоре.

Цель письма – предупредить о задержке выполнения заказа и подтвердить выполнение заказа в будущем – передается следующими ключевыми фразами: *мы очень сожалеем, к нашему глубокому сожалению, приходится сообщать, мы вынуждены сообщить*. Письма, сообщающие неприятные известия, безусловно, относятся к письмам, написанным в рамках официально-делового стиля русского языка, на что указывают:

а) терминология делового языка: *задержка, договор, поставщик, партия товара, склад* и клишированные словосочетания: *отсрочить выполнение заказа, выполнять точно и в срок, трудности носят временный характер, сроки исполнения заказа, ставить под угрозу срыва*;

б) отглагольные существительные: *задержка, выполнение, закрытие, неурегулирование, понимание, исполнение*;

в) сложные словосочетания с несколькими зависимыми компонентами: *под угрозу срыва сроки исполнения Вашего заказа, из-за неурегулирования таможенных проблем, задержка в выполнении Вашего заказа*;

г) конкретные названия документов;

д) вежливые фразы: *приносим извинение за причиненные неудобства, надеемся на понимание с Вашей стороны, к нашему глубокому сожалению, еще раз приносим свои извинения, мы хотим Вас уверить, с уважением...* К этим типичным вежливым фразам добавляются вежливые фразы, не типичные для русского делового письма: *с нетерпением ждем ответа (ср. We are looking forward to your reply), с наилучшими пожеланиями (ср. Best regards)*. То есть можно сделать вывод о влиянии английских вежливых структур деловых писем на русские.

Кроме того, письма, сообщающие неприятную информацию, содержат усиливающие лексические компоненты (как и английские письма этого типа): *очень сожалеем, усиленно занимаемся, все меры, неожиданно объявил, к глубокому сожалению, приходится сообщать, мы вынуждены сообщить, вынуждают отсрочить*.

В письмах отмечено повторное принесение извинений, что также характерно для английских деловых писем этого типа.

Также необходимо отметить преимущественное употребление полносоставных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, особенно в абзацах, объясняющих причину возникновения ситуации и подтверждающих ее разрешение в будущем. Это снижает официальность письма, что является типичным для английского коммерческого письма.

Анализ текстового материала коммерческих писем позволил сделать вывод о том, что:

1) встречаются два типа русских писем-ответов на жалобы:

а) первый тип – письма, не выходящие за рамки русского официально-делового стиля;

б) второй тип – письма, написанные в рамках русского официально-делового стиля, но с элементами, характерными для английского письма в целом и письма-ответа на жалобу в частности. К таким элементам относятся:

- стремление к смягчению официальности письма;
- вежливые структуры;
- расширение цели письма – не только восстановить нарушенные отношения, но и высказать намерение поддерживать коммуникацию.

2) отсутствие в русской деловой переписке такого вида коммерческого письма, которое сообщает адресату о неприятном для последнего известии, привело к заимствованию англоязычной когнитивной структуры письма-неприятного известия и способов ее репрезентации в таких языковых средствах, как

- усиливающие лексические компоненты,
- большое количество вежливых структур,
- преимущественное использование полносоставных сложных предложений.

Е. Н. Куралесина

Сопоставительный анализ развития языковых законодательств Франции и Квебека

Возникновение языкового законодательства Франции в 70-х гг. XX в. явилось результатом практической необходимости защиты французского языка в сферах, где он подвергался различного рода атакам со стороны английского языка. Тенденция к замене французского языка английским в коммерческой, трудовой и рекламной сферах, а также чрезмерное использование англоязычных терминов, обусловили необходимость принятия первого французского закона о языке в 1975 г. Толчком к началу проведения законодательной политики в отношении французского языка стал общий курс внутренней политики управления языком, начатый Ш. де Голлем и продолженный Ж. Помпиду.

Дальнейшие дискуссии в отношении языкового законодательства разворачивались, в зависимости от политических взглядов инициаторов, вокруг расширения, либо сужения правового поля обозначенного выше закона о языке 1975 г. Закон о языке 1994 г. и принятые позднее документы сопроводительного характера продолжили начатую в 70-х гг. XX в. политику создания практически ориентированных документов, затрагивающих сферы, где позиции французского языка находились в той или иной степени под угрозой.

Возникновение квебекского языкового законодательства в конце 60-х гг. XX в. также имело в своей основе причины практического свойства: ущемление прав носителей французского языка в трудовой, образовательной сферах, в сфере предоставления услуг и ряде других. В основе диспозиции французского языка по отношению к английскому лежал социальный конфликт между франкоязычной и англоязычной частями квебекского общества.

Частным случаем этого противостояния явилась ситуация в Сен-Леонаре в 1968 г., сложившаяся в отношении выбора языка обучения для детей иммигрантов. Острая необходимость решения социального конфликта в Сен-

Леонаре послужила толчком для создания первого языкового законодательного документа Квебека – «Закона о пропаганде французского языка». Тот факт, что данный закон включил не только статьи в отношении языка образования, что позволяло юридически урегулировать возникший конфликт, но и положения в отношении использования французского языка в трудовой сфере, свидетельствует о готовности со стороны властей законодательно регулировать использование французского языка на территории провинции.

«Закон о пропаганде французского языка» не был, таким образом, запланированным документом, а был принят под влиянием сложившихся обстоятельств. Однако уже в 1968 г. социальная обстановка в Квебеке побудила власти к созданию специальной комиссии по изучению сложившейся языковой ситуации, по результатам работы которой в 1974 г. был принят «Закон об официальном языке». Принятие данного закона – результат запланированной политики в отношении французского языка. В целом, данный закон имеет практически ориентированный характер и представляет собой логическое продолжение «Закона о пропаганде французского языка». Вместе с тем, принципиально новым явилось включение в текст статусных положений, определяющих французский язык как единственный официальный в провинции, язык административной сферы, сферы услуг, деловой коммуникации и образования. Дальнейшее статусное упрочнение позиций французского языка в Квебеке нашло выражение в принятии в 1977 г. «Хартии французского языка». Правовое поле данного документа включило все возможные сферы функционирования французского языка как единственного официального языка Квебека.

Таким образом, развитие квебекского языкового законодательства проходило от разработки документов сугубо практического свойства к принятию закона статусно-практической направленности, охватывающего все случаи употребления языка, подлежащие регламентации.

Разработка «Закона о пропаганде французского языка» и последующих законодательных документов стала возможна только после прихода к власти лидеров франкоязычной части квебекского общества, что создало благоприятные социально-политические предпосылки для возникновения языкового законодательства в Квебеке.

Характеризуя языковые законы Квебека и Франции, мы упоминали о практической ориентированности данных документов. Необходимо, однако, отметить, что речь идет о практической направленности разного рода. Используя прилагательное «практический» в отношении документов французского языкового законодательства, мы подразумеваем тот факт, что правовое поле французских законов о языке ограничивается сферами, где позиции французского языка находятся под угрозой. Характеристика «практически ориентированный» в контексте квебекского языкового законодательства означает детальное описание конкретных случаев употребления французского языка в той или иной сфере.

Рассмотрим, как проходило развитие языковых законодательств Квебека и Франции после принятия «Хартии французского языка» и «Закона об использовании французского языка от 4 августа 1994 г.».

Совершенствование языкового законодательства Квебека осуществлялось путем внесения в текст «Хартии французского языка» поправок двух типов:

«изменений» и «дополнений». Поправки, внесенные в 1988 и частично в 1993 годах, относятся к категории «изменений» и обусловлены юридическими несоответствиями положениям «Квебекской хартии свобод» и Конституции Канады. Поправки более позднего периода представляют собой дополнения текста закона новыми статьями.

После принятия «Закона об использовании французского языка от 4 августа 1994 г.» развитие языкового законодательства Франции проходило по пути создания пояснительных и детализирующих документов, внесших существенные дополнения в текст 1994 г. Недостаточно детализированный характер закона 1994 г., регламентирующего статус французского языка в отдельных сферах, обусловил необходимость внесения пояснений различного рода с учетом реальной практики.

В целом, говоря о развитии языковых законодательств Франции и Квебека после принятия «Закона об использовании французского языка от 4 августа 1994 г.» и «Хартии французского языка» в рамках сопоставления, необходимо отметить, что законотворческая деятельность в Квебеке в данный период представляет собой работу по совершенствованию текста закона с изначально широким правовым полем. Во Франции развитие законодательного аспекта языковой политики проходит путем создания документов пояснительного и детализирующего характера как приложений к изначально фрагментарному закону о языке.

Новейшей тенденцией языкового законодательства Франции в XXI в. стало включение положений о языке в иммиграционное законодательство («Закон об иммиграции и интеграции от 24 июля 2006 г.», «Закон о контроле иммиграционных потоков, интеграции и предоставлении убежища от 20 ноября 2007 г.»). Требование знания языка на определенном уровне позволяет на современном этапе осуществлять избирательную иммиграционную политику.

Избирательная иммиграционная политика, в основе которой лежит владение французским языком, проводилась в Квебеке, начиная с 80-х гг. XX в. Документальной базой для проведения такого рода политики являлись иммиграционные программы, составленные в соответствии с федерально-провинциальным соглашением 1978 г. На федеральном уровне избирательная иммиграционная политика на основе владения официальными языками регламентирована положениями «Закона об иммиграции и статусе беженцев от 1 ноября 2001 г.».

Необходимо отметить, что разработка поправок к тексту «Хартии французского языка» ведется и по сей день, в то время как последний документ сопроводительного характера к французскому закону о языке 1994 г. был принят в 2001 г. («Циркулярное письмо от 20 сентября 2001 г.»).

В рамках сопоставительного анализа языковых законодательств Франции и Квебека в качестве первого квебекского закона о языке мы рассматриваем «Закон об официальном языке» 1974 г., поскольку «Закон о пропаганде французского языка» 1969 г. не являлся запланированным документом и представлял собой вынужденную реакцию властей на сложившуюся ситуации в образовательной сфере. Во французском языковом законодательстве закону 1974 г. соответствует «Закон об использовании французского языка от 31 декабря 1975 г.». Таким образом, можно считать, что запланированные законодательные политики в отношении языка во Франции и Квебеке начались

одновременно. Более поздние документы языкового законодательства, принятые в каждой из стран, сохраняют юридическую силу по настоящее время. В Квебеке временной промежуток между принятием «Закона об официальном языке» и «Хартии французского языка» составляет три года в сравнении с девятнадцатью годами разрыва между «Законом об использовании французского языка от 31 декабря 1975 г.» и «Законом об использовании французского языка от 4 августа 1994 г.». После «Закона об использовании французского языка от 4 августа 1994 г.» и «Хартии французского языка» 1977 г. в каждой из стран проводилась работа по совершенствованию базового текста: велись разработка сопроводительного пакета документов и внесение поправок соответственно. С 2001 г. языковые положения вошли в канадский федеральный закон об иммиграции. Первый документ аналогичного характера появился во Франции в 2006 г. («Закон об иммиграции и интеграции от 24 июля 2006 г.»).

Таким образом, при одновременном начале законодательных периодов в отношении языка в каждом из рассматриваемых случаев, законодательная политика Квебека развивается более динамично. Динамизм квебекского языкового законодательства включает в себя два компонента. Квебекская законотворческая система демонстрирует значительно более короткие сроки работы над текстом нового закона в сравнении с французской, получая в качестве конечного результата многоаспектный закон, не требующий разработки сопроводительного пакета документов. Кроме того, Канада и, как следствие, Квебек раньше вступают в этап иммиграционно-языкового законодательства. При аналогии в развитии языковых законодательств Франции и Квебека, Франция вступает в соответствующие этапы позднее, повторяя схему развития квебекского языкового законодательства в исторически более пролонгированные сроки.

Ю. В. Лопарева

Прототипы белого цвета в испанской, итальянской и русской лингвокультурах

В настоящее время изучению фразеологических единиц уделяется много внимания, поскольку именно в них наиболее ярко проявляются особенности мировосприятия этноса. Важное место среди фразеологических единиц по богатству заключённой в них национально-культурной информации занимают устойчивые сравнения, поскольку сравнение как способ описания окружающего мира является неотъемлемой характеристикой познавательной деятельности человека. Как отмечают ученые, «сравнение – не только способ познания мира, но и способ закрепления результатов этого познания в культуре» (Мазурова 2006, с. 10). Устойчивые сравнения служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно – ее оценивания в образах-эталонах, «имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к культуре, обычаям и традициям» (Телия 1996, с. 241).

Интерес к сопоставительному исследованию устойчивых сравнений с компонентом цвета обусловлен разными причинами. Во-первых, тем, что цветоименования обладают способностью «ярко и образно отражать характерные черты мировосприятия народа, влияние культурологических, мифосимволических, социально-исторических и других факторов на

образование производных смыслов» (Гатауллина 2005, с. 7). Во-вторых, тем, что их изучение дает возможность выявить прототипы цвета в разных лингвокультурах.

В словарях при определении семантики того или иного цвета, как правило, уже называются прототипы данного цвета (например, белый – цвета снега, синий – цвета неба, красный – цвета крови и т.д.). Эти прототипы обычно совпадают во многих лингвокультурах. Однако в составе устойчивых сравнений список прототипов значительно расширяется и зависит от особенностей жизнедеятельности того или иного языкового коллектива. Образ, который лежит в основе сравнения, должен быть ярким, общепонятным и зримым. Именно поэтому, как отмечают исследователи, ядро сравнений обычно составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека (подробнее см. Телия 1996).

С целью выявления того, насколько универсальными и этноспецифичными могут быть эталоны цвета в разных лингвокультурах, мы сопоставили испанские, итальянские и русские фразеологические единицы компаративного типа с компонентом «белый», извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей.

Совпадения в трех языках проявляются в том, что в качестве эталона цвета выбираются предметы, принадлежащие к одному и тому же классу реалий. В частности, среди эталонов белого цвета в испанском, итальянском и русском языках можно выделить следующие семантические категории: «флора», «фауна», «материалы, вещества», «продукты питания, ингредиенты», «артефакты», «природные явления», «абстрактные понятия», «люди». Принципиально важным является то, что состав этих категорий в анализируемых языках может значительно различаться. Так, в составе наиболее обширной для трех языков группы «артефакты» выделяется лишь один общий эталон белого цвета: *el papel* (испанский), *la carta* (итальянский), бумага (русский). Общим для испанского и итальянского языков является *la camisa* и *la camicia* (рубашка). Для испанского же и русского языков характерно сравнение со стеной: *la pared* и *стена* соответственно. Русский и итальянский в свою очередь имеют в качестве общего эталона сравнения единицу *платок* и *un fazzoletto*. В русском языке встречаются также специфичные именно для данной культуры слова: *полотно*, *полотенце*, *скатерть*, *лен*. В итальянском языке эта группа наиболее многочисленна и, помимо уже названных общих эталонов, включает в себя следующие: *una candela* (свеча), *un lenzuolo* (простыня), *un panno / un panno lavato* (ткань / постиранная ткань), *una spugna* (губка), *un cencio di bucato / lavato* (тряпка / постиранная тряпка).

Категория «вещества, материалы» также широко представлена во всех трех лингвокультурах. Наряду с общим эталоном сравнения для трех языков: *el mármol*, *un marmo*, *мрамор*, существуют также эталоны, совпадающие только в двух культурах. Это *la cal* и *известъ* для испанского и русского языков и *la cera* и *воск* для итальянского и русского языков соответственно. В рамках этой категории в испанском языке также выделяется специфический эталон *el yeso* (гипс), в русском же языке отмечен другой состав, а именно: *глина, мел*.

Категория «продукты питания, ингредиенты» полностью совпадает в испанском и итальянском языках и представлена одной единицей: *la leche* и *il latte* (молоко) соответственно. Этalon *молоко* присутствует в рамках данной

категории и в русском языке. Однако в последнем эта категория более обширна и включает в себя также такие прототипы, как *мука, сметана, репа*.

Полностью совпадает в трех лингвокультурах только категория «природные явления», представленная эталонами *la nieve, la neve* и *снег*. Данный факт можно объяснить тем, что снег – основной прототип, который используется при наименовании белого цвета в разных лингвокультурах. Следует, однако, отметить, что в итальянской культуре также существует дополненный вариант данного эталона: *la neve intatta* (нетронутый снег). Такое уточнение отсутствует в остальных двух языках.

Важно подчеркнуть, что различия наблюдаются не только в составе общих категорий, но и в наличии или отсутствии определённых семантических групп в том или ином языке. Так, группа «флора» представлена только в испанском и итальянском языках. В испанском языке она включает в себя следующие единицы: *el nardo* (белоус), *la azucena* (лилия), *el jazmín* (жасмин). В итальянском языке эта группа представлена лишь одним эталоном: *un giglio* (лилия), который является общим для итальянского и испанского языков.

Категория «абстрактные понятия» выявлена только в испанском и русском языках. В испанском языке в её составе выделяются такие эталоны сравнения, как *la verdad* (правда) и *la virtud* (добродетель). В русском языке также наблюдается наличие абстрактных (*смерть, тень*) и даже мистических, связанных с потусторонним миром (*привидение*) эталонов.

Только в испанском языке присутствуют сравнения с одушевленными лицами, а именно с представительницами женского пола: *las novias* (невесты), *las monjas* (монахини), *las vírgenes* (девственницы).

В итальянском языке отмечается наличие категории «фауна», представленной одной единицей: *un verme* (червь).

Проведенный анализ показывает, что наличие тех или иных прототипов цвета в конкретной лингвокультуре зависит непосредственно от традиций и быта представителей того или иного этноса. В испанском, итальянском и русском языках наблюдается совпадение четырех из восьми категорий – это «артефакты», «материалы, вещества», «продукты питания, ингредиенты», «природные явления». Однако сам факт наличия одной и той же категории эталонов цвета вовсе не означает полного совпадения её элементов и, соответственно, их значимости в сравниваемых лингвокультурах. Так, в категории «артефакты» в итальянском языке выделяются восемь элементов, в русском языке – семь, а в испанском – только три.

Как правило, в качестве прототипа цвета используются самые разнообразные предметы. Однако в испанском языке, в отличие от русского и итальянского, отмечаются сравнения не только с предметами, но и с одушевленными объектами, а именно с женщинами, обладающими определенными моральными принципами или служащими церкви. Следует отметить, что сравнения такого типа отражают особенности менталитета испанцев, их почитание Девы Марии, особенности религиозного воспитания, в котором важным качеством являются целомудрие девушки, её непорочность и чистота.

Таким образом, сопоставительный анализ даже столь небольшого фрагмента языковой картины мира подтверждает точку зрения о том, что сравнения являются ценнейшим источником выявления национально-культурной специфики и образного мышления этноса.

Литература

1. Гатауллина Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира (на материале фразеологизмов, английского, немецкого, французского, русского и татарского языков) : автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2005.
2. Мазурова В.В. Сравнительные фразеологические единицы с компонентом-наименованием цвета в английском языке (на материале британского варианта английского языка) // Материалы XXXV Международной филологической конференции 13-18 марта 2006 г. Вып. 2 : Лексикология и лексикография (Романо-германский цикл). – СПб., 2006. – С. 9-13.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Список использованных словарей

1. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологич. единиц / Э.И. Левинтова, Е.М. Вольф, Н.А. Мовшович, И.А. Будницкая; Под ред. Э.И. Левинтовой. – М. : Рус. яз., 1985.
2. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) : ок. 1500 единиц. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001.
3. Черданцева Т. З. Итальянско-русский фразеологический словарь = Dizionario fraseologico italiano-russo : около 23000 фразеологических единиц / Т.З. Черданцева, Я.И. Рецкер, Г.Ф. Зорько ; ред. Я.И. Рецкер. – М.: Русский язык, 1982 .

А.О. Стеблецова

Институциональное общение в формате Workplace Discourse: к вопросу о сопоставлении деловых коммуникативных культур

Исследования особенностей институционального дискурса в различных сферах профессиональной деятельности приобретают все большую актуальность в лингвистических и междисциплинарных исследованиях дискурса. Особый интерес представляют исследования институциональных типов дискурса в сопоставительном аспекте. В рамках изучения делового дискурса, являющегося видом институционального, мы обратились к проблеме выявления и сопоставления дискурсивных событий, жанров и текстов, относящихся к особому типу делового дискурса, отражающего коммуникативное взаимодействие на работе или Workplace Discourse. Однако коммуникация на работе – понятие достаточно широкое, включающее в себя разнообразные формы общения в процессе профессиональной деятельности внутри предприятия, организации, компаний или офиса. Представляется целесообразным выделить и определить тот тип делового дискурса, содержание которого составляет *организация оперативно-коммуникативной деятельности на рабочем месте для решения текущих вопросов*. Предлагаем назвать данный тип дискурсом *оперативного взаимодействия*.

Актуальность исследования дискурса оперативного взаимодействия (далее дискурс ОВ) во многом обусловлена спецификой объекта. Дискурс ОВ является универсальным типом делового дискурса. Его универсальность заключается, на наш взгляд, в существовании данного типа в любой организации, компании,

учреждении любой сферы профессиональной деятельности, а также в различных лингвокультурах. Ведь рутинная коммуникативно-дискурсивная деятельность с участием руководителя и подчиненных, в ходе которой решаются некие общие задачи, осуществляется в любой организации в независимости от профессиональной сферы.

В качестве предмета анализа мы избрали письменный модус дискурса как менее изученный (по сравнению с устным модусом). Устная коммуникация уже довольно давно и плодотворно исследуется, например, в рамках конверсационного анализа (СА). Исследование письменного модуса дискурса ставит перед ученым собственные задачи, среди которых проблема выделения дискурсивного события, отграничение одного дискурсивного события от другого, проблема корреляции типа текста и дискурсивного события. Вместе с тем, исследования письменного дискурса дают ценный лингвистический или этнолингвистический материал. По мнению М. Сэвилл-Тройке «обращение к письменным источникам дает исследователю коммуникации важные сведения о коммуникативной практике в языковом сообществе» (Saville-Troike 2003, с. 128). Поэтому в нашем исследовании дискурса ОВ методологическим подходом является текстово-документальный: ядром любого события письменного модуса дискурса является текст, который создается с определенными целями, для решения конкретных дискурсивных задач и адресуется определенному дискурсивному сообществу. Материалом анализа стали тексты внутренней коммуникации американского, британского и российского вузов, содержащие вопросы организационно-оперативного характера.

Предварительные данные сопоставления англоязычного и русскоязычного дискурсов ОВ в *социокультурном и исторически-идеологическом аспекте* свидетельствуют об определенных различиях.

Так, в дискурсивной практике *англоязычной* коммуникативной культуры письменный модус всегда занимал значительное место. Это объяснялось исторически сложившимися традициями деловой коммуникации, приверженностью представителей англоязычных культур к письменной фиксации коммуникативных действий, а также факторами пространственной удаленности коммуникантов друг от друга (типичной ситуацией для британского или американского вуза, в частности, является расположение административного центра и учебных или исследовательских центров в разных помещениях, часто на значительном удалении друг от друга). Эти социокультурные и пространственные факторы во многом определяли приоритетные позиции письменного модуса дискурса ОВ. Однако с конца XX века традиционные формы и инструменты письменной деловой коммуникации, такие как традиционное деловое письмо, факс, телекс, стали сдавать свои позиции и отходить на второй план. Их место заняли электронные письма. Таким образом, в англоязычной деловой культуре коммуникация на рабочем месте (Workplace Interaction) вообще и дискурс ОВ в частности, существует преимущественно в письменном модусе в виде обмена электронными письмами. Естественно, такой способ организации коммуникативного взаимодействия оказывает огромное влияние на характер коммуникации, дискурсивный стиль внутри организации, отношения внутри дискурсивного сообщества.

В русскоязычной деловой культуре коммуникация внутри предприятия, организации, учреждения традиционно носила преимущественно вербальный

характер. Приверженность устному модусу дискурса ОВ отражена в устойчивом выражении *обсудить вопрос*, которое в русском языковом сознании означает некую проблемную ситуацию, для решения которой необходим разговор (устное коммуникативное взаимодействие) заинтересованных сторон. Также в русской деловой коммуникативной культуре вербальная коммуникация оценивалась как более эффективная (быстрая, результативная) по сравнению с письменной. *Вам надо поговорить с ...* - распространенная формула-совет, подразумевающая, что для успешного решения оперативного вопроса лучшей стратегией будет личный разговор. Письменный модус дискурса являлся необходимым только с точки зрения документирования дискурсивных событий.

Предварительные данные сопоставления участников англоязычного и русскоязычного дискурсов ОВ (*дискурсивное сообщество*), их целей, ситуативно-ролевые статусов и т. д. свидетельствуют о наличии многих сходств.

Так, ключевыми участниками дискурса ОВ в обеих коммуникативных культурах являются руководители и подчиненные. Направление интеракции может быть вертикальным и горизонтальным. Под вертикальным мы понимаем интерактивное взаимодействие между не равными по социально-профессиональному статусу коммуникантами (руководитель – подчиненный); под горизонтальным – интеракция между равными по статусу коммуникантами (между руководителями подразделений или между сотрудниками подразделения). В ходе дискурса в рамках дискурсивных событий коммуниканты любого статуса выступают в роли адресантов (авторов текста) или адресатов. Основными целевыми установками являются:

- а) изменение представлений адресата о предметной ситуации (например, информирование о проблеме);
- б) изменение предметной ситуации (решение проблемы).

Анализ любого типа дискурса предусматривает выявление и описание дискурсивных событий (далее ДС) как наиболее релевантных единиц описания дискурса. При анализе дискурса ОВ мы сталкивается с определенными трудностями их выделения. На наш взгляд, дискурсивные события могут быть стандартизованными и ритуализированными, и нестандартизованными, то есть требующими спонтанной реакции. К ритуализированным событиям дискурса ОВ в вузе относятся плановые нормативные собрания, заседания, совещания, например, заседание кафедры, ученый совет, ректорское совещание, заседаний комиссии т.д. Спонтанные дискурсивные события – акты незапланированного характера, связанные с решением какого-либо вопроса или имеющие место как реакция на какую-то проблему или информацию (внесение изменений в расписание, замена заболевшего преподавателя, хозяйствственные вопросы и т.д.) Именно такие спонтанные ДС и манифестируют дискурс ОВ как коммуникацию на рабочем месте с целью решения оперативных вопросов. И именно они в силу своей спонтанности и многообразия представляют определенную сложность в плане выделения и наименования отдельных дискурсивных событий: содержание ДС зависит от темы вопроса, диапазон которых может варьироваться от сроков сессии и рождественского балла до представления нового сотрудника или закупки оборудования.

Тексты дискурса ОВ являются наиболее объективной базой сопоставительного анализа, особенно при исследовании письменного модуса

дискурса. Какие же тексты реализуют англоязычный и русскоязычные дискурсы ОВ?

В англоязычной деловой коммуникации письменный модус дискурса ОВ репрезентируют тексты электронных сообщений (email) или тексты memo (сокр. от memorandum) – тексты деловой переписки, обеспечивающие оперативное взаимодействие как по вертикали, так и по горизонтали. Адресатами данных текстов являются сотрудники подразделений (кафедр, факультетов, учебных или научных центров), а авторами – руководители этих подразделений или сотрудники, в зависимости от предмета сообщения. Предварительный анализ дискурса оперативного взаимодействия (ОВ) в англоязычной деловой коммуникации показывает что, электронный канал коммуникации доминирует в письменном модусе дискурса. Причем, если учесть, что письменный модус дискурса ОВ, в свою очередь, доминирует над устным, то электронный канал коммуникации можно назвать главенствующим в англоязычном дискурсе ОВ.

В русскоязычной деловой коммуникации тексты докладных и служебных записок, а также приказы, распоряжения и информационные письма являются наиболее распространенными текстами, репрезентирующими письменный модус дискурса ОВ. Докладные и служебные записи составляют большую часть рутинной офисной документации и обеспечивают коммуникацию подразделений организации по вертикали (между руководителем и подчиненными) и по горизонтали (между руководителями или сотрудниками структурных подразделений).

В таблице ниже представлены некоторые предварительные данные сопоставления англоязычного и русскоязычного дискурсов ОВ в сфере высшего образования.

Параметры сопоставления	Дискурс ОВ	
	Англоязычный	Русскоязычный
модус	Доминирование письменного модуса	Сочетание устного и письменного модусов дискурса, в котором устный модус доминирует в аспекте решения оперативных вопросов, а письменный – в аспекте фиксации/оформления/ \ документирования решений.
форма	Доминирование электронной формы интеракции	Сочетание электронной и традиционной (бумажной) форм интеракции
обратная связь	Дискурс диалогичен: Инициативный ход (текст) дискурса предполагает аналогичный по форме реактивный ход (текст).	Дискурс монологичен: Инициативный ход (текст) дискурса не обязательно предполагает аналогичный по форме реактивный ход (текст). Обратная связь может осуществляться посредством неверbalного действия.
количество адресатов	Дискурс полилогичен: Один и тот же текст направляется неограниченному числу адресатов.	Дискурс полилогичен при направлении интеракции «сверху вниз»: приказ руководителя адресован всем нескольким или всем сотрудникам

		Дискурс монологичен при направлении интеракции «снизу вверх»: докладная записка адресуется только руководителю
направление интеракции	Направление интеракции в дискурсе может быть как по вертикали, так и по горизонтали	Направление интеракции в дискурсе может быть как по вертикали, так и по горизонтали
корреляция между типом текста и участником дискурса	Выбор типа текста не зависит от направления интеракции и статуса участников дискурса	Выбор типа текста зависит от направления интеракции и статуса участников дискурса.
типы текста	Основными типами текстов (документами внутренней коммуникации) являются электронные сообщения (emails, memos)	Интеракция «по вертикали»: 1) направление сверху вниз (от руководителя к подчиненным) – приказ, распоряжение, информационное письмо 2) направление снизу вверх (от подчиненного руководителю) – докладная записка, служебная записка, заявление, ходатайство Интеракция «по горизонтали» (между руководителями равными по статусу) – служебные записки
корреляция между типом текста и его коммуникативно-прагматической функцией	Универсальность типа текста (emails, memos) предполагает возможность их использования в широком диапазоне коммуникативно-прагматических функций и тем	Специфичность типа текста определяет избирательность их использования в сочетании с определенными целевыми установками и коммуникативно-прагматическими функциями

В заключение отметим, что данная статья представляет собой попытку определения и моделирования дискурса оперативного взаимодействия, а также описание начального этапа его исследования на материале текстов англоязычной и русскоязычной деловых культур. Траектория дальнейшего исследования предполагает сопоставительное описание дискурсивных жанров и лингвистический анализ текстов дискурса, а также их последовательное межкультурное сопоставление.

Литература

1. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: an Introduction. – 3rd ed. – Oxford: Blacjwell Publishing, 2003.

Т.Н. Филиппова

Самооценка личности и ее выражение в русском и испанском языках

С древнейших времен человеку свойственен интерес к окружающему его миру, стремление определить свое место в нем. В процессе своей жизнедеятельности, взаимодействия с природой мы оцениваем предметы, события, обстоятельства, отвечаем определенной эмоциональной реакцией на происходящее вокруг нас и с нами.

Оценка, являясь неотъемлемой частью физической и психической природы человека, влияет на его мышление, деятельность, отношение к окружающему миру и к себе. На нее оказывают влияние жизненный опыт, знания, представления, национально-культурные ценности и стереотипы, эмоциональное состояние оценивающего, ситуация, в которой производится оценка. Оценка – это такое определение объекта, при котором выявляется его положительное (отрицательное) значение для субъекта, при условии, что объект способен удовлетворять потребности субъекта (Ивин 2001, с.12).

В языковой картине мира оценочный фрагмент может быть выражен богатейшей палитрой средств, включающей как элементы, меньшие, чем слово, так и группы слов, и целые высказывания. Напр.:

Собачка – собачонка, gitano – gitanillo

Мальчик – умница, acontecimiento – desgracia (вторые слова в парах содержат сему оценки).

Кармен приехала, я так рада!; Rodrigo ha dado calabazas en el examen y ahora está triste.

Обязательность выражения мнения говорящего в оценочном высказывании характеризует оценку как «суперсубъективную функцию языка» (Маркелова 1994, с.13). При этом оценочный смысл высказывания может определяться контекстом. Контекстуальная же обусловленность оценки способствует формированию предубеждений, препятствующих вынесению объективного суждения о событиях, ситуациях или самом себе.

Особенностью самооценки является совпадение субъекта и объекта оценки. Оценивая себя, человек отражает свое мнение о своих же личностных, профессиональных качествах, позиционирует себя в окружающем мире. Самооценка помогает раскрыть способности, предпочтения личности, показать индивидуальность, характер. Это нравственная оценка личностью своих собственных поступков, моральных качеств, убеждений, мотивов, одно из проявлений нравственного самосознания личности. «Самооценка – ценность, которая приписывается индивидом себе или отдельным своим качествам. В качестве основного критерия оценивания выступает система личностных смыслов индивида. Главные функции, которые выполняются самооценкой, – регулярная, на основе которой происходит решение задач личностного выбора, и защитная, обеспечивающая относительную стабильность и независимость личности. Значительную роль в формировании самооценки играют оценки окружающих личности и достижений индивида» (Словари и энциклопедии on-line/ Психологический словарь – http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/1_614).

Самооценка личности – это составляющая представлений человека о себе, своем существовании, своем отношении к предметам и явлениям окружающей действительности, что так или иначе запечатлено в языковой картине мира.

В самооценочном высказывании, представляя определенную оценочную интерпретацию сведений о себе, своих действиях, состояниях, намерениях, человек выбирает соответствующие языковые средства, позволяющие представить информацию о себе под определенным углом зрения и повлиять на восприятие своей личности.

Самооценка является неотъемлемой частью структуры личности. На ней сказываются сложившиеся в обществе гендерно обусловленные поведенческие стереотипы, в частности, мужчины приписывают себе преимущество в научной и деловой сферах, женщины – в сфере взаимодействия с окружающими. Идеологические, социокультурные стереотипы «навязывают» нам тот или иной тип поведения. В соответствии с полоролевыми стереотипами высокий результат, достигнутый мужчинами, чаще всего объясняется его способностями, а точно такой же результат, достигнутый женщиной – ее старанием, случайной удачей или другими нестабильными причинами (Ильин 2006, с.47).

Гендерные отношения определенным образом фиксируются в языке и влияют на процесс языковой социализации личности. К особенностям вербального поведения женщин и мужчин можно отнести, в частности, тот факт, что мужская речь отличается терминологичностью, точностью номинаций, намеренным огрублением, женская – гиперболизированной экспрессивностью, более частым использованием междометий, аргументами-примерами из личной жизни своей и ближайшего окружения. Женщинам более свойственна положительная оценка, мужчинам – отрицательная. Оценочная лексика у женщин эмоционально окрашена, у мужчин – стилистически нейтральна (Земская, Китайгородская, Розанова 1993, с.130).

Мужчинам более свойственно акцентировать внимание на профессиональной деятельности, карьере, общественной жизни, что связано с влиянием социальных стереотипов. Реже мы сталкиваемся с оценкой мужчиной своей личной жизни, семьи, что может быть связано еще и с ценностными ориентирами. В женских же самооценочных высказываниях прослеживается значительный перевес в сторону семьи, детей, отношений с близкими, что также связано со сложившимся в обществе стереотипом: женщина – мать, хранительница домашнего очага.

Особенности языковой интерпретации самооценки личности мы рассмотрели на примере самооценочных высказываний в испанском и русском языках с учетом гендерного фактора.

Наиболее характерными, как показал практический материал, являются высказывания, в которых отражена самооценка признания в профессиональной сфере, причем подобные примеры отмечаются в основном в речи мужчин. При этом как в испанском, так и в русском языке, отмечаются аналогичные структуры: *nacer alguien/nacer para hacer algo* – родиться для ч-л.

Sí. Nací artista, lo cual no significa que luego no haya tenido que trabajármelo fuertemente.(GQEspaña 01.2009)

Nací para jugar.(GQEspaña 01.2009)

Я был рожден для сцены. (Арбат Престиж 03.2007)

Если человек оценивает свое эмоциональное состояние, внутренний мир, независимо от гендерной принадлежности, как в испанском, так и в русском языках, широко используются глагольные конструкции: *sentirse/ чувствовать себя*.

В испанском языке отличается частотностью употребления конструкция *sentirse +adj.* с глаголом *sentirse* в форме 1 лица ед.числа.

Me siento segura en mi vida personal... (Men's Health España 01.2009)

Cada una (victoria) la compartí con diferentes compañeros y significaron cosas diferentes, pero en todas ellas me sentí grande... (GQ España 01.2009)

Так же употребительной в данном случае оказалась конструкция *estar +adj.*

Pero ahora estoy muy contenta. (Glamour España 08.2007)

Tengo más energía y estoy orgulloso de mí. (In Touch España 24.09.2008)

В русском языке отмечается употребление аналогичной конструкции с глаголом *чувствовать*:

Чувствую себя счастливым, полным сил. (Арбат Престиж 03.2007)

Я чувствую себя самой счастливой женщиной на свете, мои мечты осуществляются. (Glamour Россия 03.2007)

Кроме того, оценка эмоциональности, темперамента в испанском языке может выражаться посредством использования конструкции *ponerse tan +adj.*, в которой наречие *tan* отражает избыточность, чрезмерность в проявлении определенного признака.

Me pongo tan emocional, que nadie puede soportarme más de 10 minutos (Cosmopolitan España 09.2007)

В русском языке для оценки своего эмоционального состояния предпочтение отдается глаголам (плакать, переживать), существительным (оптимист, прилагательным (агрессивный, ревнивый, терпимый), несущим в себе определенную оценочную семантику.

Ну, могу и поплакать, я же живой человек. (Cosmopolitan Россия 07.2007)

Я много переживаю. (Cosmopolitan Россия 05.2006)

Я стараюсь быть терпимее. (Cosmopolitan Россия 04.2007)

Но я не агрессивный. (Cosmopolitan Россия 04.2007)

Помимо оценки своих деловых качеств и своего эмоционального мира, человеку свойственно оценивать свои личностные качества, свой внешний облик.

В испанском языке при описании внешности широко используются адъективные конструкции *ser + adj.:*

Soy sexy y disfruto siéndolo. (In Touch España 24.09.2008)

Siempre he sido feíto. (Marie Claire España 08.2007)

В конструкциях, состоящих из глагола *tener* + существительное и характеризующее признак прилагательное, именно последнее несет в себе оценочное значение.

...tenía un cuerpo y corazón saludables... (Cosmopolitan España 09.2007)

Tengo un aspecto atlético, me encanta ir al gimnasio. (Men's Health España 01.2009)

Носителем оценочного значения в самооценочном высказывании может быть и глагол с положительной или отрицательной коннотацией, как, например: *odiar, gustar, amar, despreciar* и др.

Odio esto de mi cuerpo! (Cosmopolitan España 09.2007)

Tengo una nariz chata que me gusta tanto! (Glamour España 08.2007)

Что касается русского языка, здесь трудно говорить об универсальных конструкциях, используемых для передачи оценки человеком своей внешности. Это может быть и сочетание глагола и наречия – носителя субъективной модальности (выглядеть молодо), и существительное (красота), или прилагательное (ухоженная, миловидный). Самооценка может быть выражена всем высказыванием в целом, и в этом случае можно говорить об имплицитном самооценочном высказывании. Приведем некоторые примеры.

Я еще молодо выгляжу. (Marie Claire España 04.2007)

К счастью сейчас, когда я повсюду вижу свои изображения, я не особенно беспокоюсь о том, как выгляжу. (Marie Claire España 04.2007)

Я миловидный, небольшого роста паренек. (Cosmopolitan Россия 04.2007)

Моя природная красота помогает мне оставаться женственной. Я очень слежу за собой, невероятно ухоженная девушка. (Glamour Россия 04.2006)

У меня ведь морда простая, русская, я из Рязани, все думают, что я такой разудалый, наверное, не очень умный. (Cosmopolitan Россия 04.2007)

Что касается самооценки личностных качеств, испанский язык предпочитает лексико-грамматические средства, к примеру, адъективные конструкции *ser+adj.* Это более свойственно для женских самооценочных высказываний.

Estoy gorda, pero no soy perezosa, insegura, desagradable... (Cosmopolitan España 09.2007)

Мужчины предпочитают конструкцию, состоящую из глагола *ser+существительное, сопровождаемое определением:*

Pero soy ciudadano del mundo... (GQ España 01.2009)

...soy un romántico empedernido... (Glamour España 08.2007)

Стилистически маркированные высказывания с наречиями-интенсификаторами *тиу, demasiado*, усиливающими значение прилагательного, более характерны для женской речи:

Yo soy tuy buena pero... una vez robé. (Ragazza 08.2007)

Soy demasiado tímida para ello. (Glamour España 08.2007)

В русском языке в аналогичных случаях используется наречие-интенсификатор **очень**:

Я очень вспыльчивая. (Marie Claire Россия 04.2007)

Я очень откровенна с друзьями, близкими, родными. (Marie Claire Россия 04.2007).

Как показал эмпирический материал, при самооценке своих личностных качеств испанцы чаще прибегают к использованию стилистически маркированных фигур, таких как парцелляция, градация, метафора, ирония:

No soy celosa. Un poco. Lo normal. (GQ España 01.2009)

Ya ves, soy un volcán... (GQ España 01.2009)

De la tele me gustan más los programas de corazón. Lo tengo que confesar: soy una marujona. (GQ España 01.2009)

Говоря об экспрессивной маркированности самооценочных высказываний, следует отметить диминутивные суффиксы, представленные в эмпирическом материале испанской лингвокультуры:

Siempre he sido el payasete. (GQ España 01.2009)

Soy un gitanillo de apenas 163 cm, bueno, de 168 cm con la cresta. ... (GQ España 01.2009)

В русском языке из многообразия способов вербализации самооценки выделим конструкцию *Я+прилагательное/существительное*:

Я по природе уверенная в себе женщина, меня никто не учил быть такой.
(Cosmopolitan Россия 04.2007)

Я несдержанна.(Marie Claire Россия 04.2007)

Я не романтик, я циничный, прагматичный и несентиментальный.
(Cosmopolitan Россия 04.2007)

Стоит также обратить внимание на употребление глаголов, характеризующих качества человека, как на одну из характерных особенностей, свойственных русской лингвокультуре. Подобные высказывания, согласно примерам, более свойственны женщинам.

Я не боюсь рисковать. (Marie Claire Россия 12.2006)

Я умею быть мальчишкой-подростком и при этом оставаться женщиной.
(Glamour Россия 04.2006)

Как показывает анализ практического материала, арсенал средств вербализации самооценки личности достаточно разнообразен и включает в себя единицы разных уровней языка. На выбор оказывают влияние различные факторы, среди которых немалое значение имеет гендерная принадлежность. Несмотря на то, что в русском и испанском языках фонд средств, используемых человеком для оценки своей личности, имеет немало общего, можно отметить и определенные различия. К примеру, испанскую лингвокультуру характеризует более широкий диапазон используемых глагольных конструкций и экспрессивных стилистических фигур, отличительной чертой русской лингвокультуры можно считать склонность к имплицитному способу выражения самооценки, а также выбору глаголов, семантика которых несет в себе положительное или отрицательное коннотативное значение.

Литература

1. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С. 90-136.
2. Ивин А.А. Логика: Учебник для гуманитар. фак. – М., 2001.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины – СПб., 2006.
4. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник МГУ. – Сер.9. Филология. – 1994. – №4. – С.12-18
5. Словари и энциклопедии on-line / Психологический словарь – <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/1> 614

Н.В. Шеминова

Этнокультурная специфика топонимических названий-оиконимов России, Испании и Китая

Топонимическая номинация никогда не является случайной. В ней по большей части выражается или какая-нибудь характерная черта местности, ее растительного или животного мира, или намек на происхождение этноса, ее населяющего, или на какое-либо особое историческое обстоятельство, связанное с данным местом. Именно поэтому при сопоставлении топонимической номенклатуры мы вправе говорить о ее этнокультурной специфике.

С развитием топонимики как науки появились работы лингвистического характера, которые касаются различных аспектов её изучения: этимологии, словообразования, исторической и этнолингвистической интерпретации. В зависимости от направления исследования топонимических наименований, возникали их различные классификации, например, структурно-словообразовательные и семантические классификации, которые в данной публикации нас будут интересовать в первую очередь. Такой способ топонимической номинации раскрывает механизм формирования топонима с учётом соотношения между названием и мотивирующей реалией, поскольку «соотнесённость с предметом, как правило, определяет “лицо” имени и прочие его характеристики» (Суперанская 1973, с. 160).

В центре внимания нашего исследования находятся 21 топоним-ойконим, обозначающие республики Российской Федерации (РФ), 23 топонима, называющих провинции Китайской Народной Республики (КНР) и 17 топонимов, определяющих Автономные Сообщества (АС) Испании.

Проведенная классификация позволила выделить следующие группы:

1 группа – топонимы, обозначающие особенности географической среды (местоположения объекта, почвы определенной местности, формы объекта и т.п.), сюда же мы относим и топонимы, фиксирующие особенности флоры (фитотопонимы) и фауны (зоотопонимы) данной местности;

2 группа – топонимы, содержащие название племен, проживавших на определенной территории (этнонимы);

3 группа – топонимы, связанные с деятельностью человека;

4 группа – топонимы, содержащие имена государственных, общественных деятелей (антротопонимы);

5 группа – топонимы, отражающие духовную культуру (агиотопонимы) и духовную жизнь человека (чувства, ощущения, этические и эстетические понятия);

6 группа – топонимы, отражающие исторические события;

7 группа – прочие названия.

Наибольшее число топонимических названий, относящихся к первой группе, мы находим в китайской топонимике (из 22 топонимов 16 фиксируют физико-географические особенности ландшафта территорий, на которых они располагаются). Все китайские географические названия образуются путем сочетания значимых компонентов. Они состоят из определений и определяемых слов, первые выражены прилагательными, а вторые – именами существительными. Например, название провинции Гуйчжоу состоит из двух формантов: «гуй» - «дорогой, богатый», «чжоу» - «населенный пункт». Присутствие топоформантов в составе китайских географических названий имеет большое научно-познавательное и практическое значение. Они указывают на принадлежность к географическим объектам, характеризуют их, дают первичную информацию. Укажем некоторые из них: в названиях крупных рек присутствует формант «-цзян», означающий «река», для обозначения средних и мелких рек употребляется формант «-хэ» - «речка», для обозначения озер, лагун, водоемов китайцы употребляли форманты «-ху» и «-по» (озеро, лагуна) и т.д.

Этнокультурной особенностью китайской топонимической номенклатуры является заметное присутствие в ней названий территорий и населенных пунктов, содержащих указание на стороны горизонта. Так, из 16 уже

выделенных нами ойконимов, указывающих на физико-географическую характеристику объекта, 12 в своем названии содержат компонент, обозначающий часть света. Структурно они строятся одинаково: на первом месте иероглиф, обозначающий географический объект, за ним иероглиф с формантом, указывающим на одну из сторон горизонта («нань» – юг; «бэй» – север; «дунь» – восток; «си» – запад). Например, ойконим Хэбэй означает: «хэ» – «река», а иероглиф «бэй» – север; название провинции Хэнань: «хэ» – «река», «нань» – «юг»; топоним Шаньдунь состоит из формантов «шань» – «гора» и «дунь» – «восток», а Шаньси, соответственно: из формантов «шань» – «гора» и «си» – «запад»; ойконим Хайнань (островная провинция) в переводе означает «расположенная в южном море» («хай» – «море»), а провинция Цзянси находится на западе от правобережья реки Янцзыцзян, и получила своё название путем сложения иероглифа «цзян» (означает «река»), и иероглифа «си» («запад»), т.е. «находящаяся на западе от большой реки».

Названия четырех китайских провинций произошли от слияния названий крупнейших городов, расположенных на их территориях, например, провинция Аньхой получила своё название от слияния названия городов Аньцинфу и Хойчжоуфу, провинция Фуцзянь – Фучжоу и Цзянъчжоу, Ганьсу – Ганьчжоу и Сучжоу, провинция Цзянсу получила своё название от слияния названия городов Цзяннин и Сучжоу.

Особая история связана с возникновением топонима Сычуань. При династии Сун на территории современной провинции Сычуань существовало 4 района, которые назывались Ичжоу, Личжоу, Цычжоу, Куйчжоу, в совокупности эти районы называли «Чуанься сылу», сокращенно «Сычуань», где иероглиф «сы» означает «четыре», иероглиф «чuanь» - «крупный район».

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что в китайской топонимической номенклатуре происхождение 70% ойконимов связано с географическими особенностями и пространственным расположением территорий, 17% наименований произошли от слияния начальных иероглифов – формантов названий крупнейших городов этих провинций. Один ойконим (название провинции Ляонин) может быть причислен к пятой группе классификации, а именно, к топонимам, отражающим духовную культуру (агиотопонимы) и духовную жизнь человека, так как в переводе означает «желающая мира».

Для испанской лингвокультуры ландшафт местности и ее расположение также имеют огромное значение при номинации народами заселяемых ими территорий.

Для коренных жителей полуострова и для переселенцев особую роль для выживания играла земля, а точнее ее плодородие, а также наличие источников воды. Поэтому многие районы заселения оценивались и определялись именно с этой точки зрения. Так, название испанской провинции Ла Манча восходит к арабскому «mantxa» («сухая земля»), что как нельзя лучше отражает не только характер данной местности, но и климат, абсолютно непригодный для ведения сельскохозяйственных работ. По одной из версий ойконим «Мадрид» связан с его арабским происхождением – слово «machra» («водный источник»). При добавлении частицы «it» («обилие») мы получим слово «macher-it», обозначающее «источник полных вод». Это название, данное городу арабами, связано с водными богатствами подземных пластов города, щедро питавшими

как сам город, так и близлежащие окрестности. После отвоевания города христианами, его название получило кастильское звучание и произносилось в средние века как «*Magerit*», превратившись впоследствии в «*Madrid*». Всего испанский ученый-филолог Рамон Менендес Пидаль обнаруживает в различных исторических документах XI-XIII вв. более 20 вариантов написания названия испанской столицы *Madrid*: *Magerit*, *Magderit*, *Mayedrit*, *Magerido* и др.

Название Астурия связано с географическим положением княжества Астурийского: «*asta*» – скала, а «*iga*» – вода. Арагон получил свое название от крупнейшей реки Арагон. В свою очередь этимология гидронима «арагон» определяется как «далняя земля». Этимология топонима «Наварра» могла восходить к слову «*naba*» доримского происхождения, смысл которого «плоская земля, окруженная горами». По одной из версий название автономного сообщества Эстремадура происходит от латинского слова «*Extrema Dorii*», которое означает «территория, расположенная в южной части бассейна реки Дуэро». Однако сегодня пользуется гораздо более широким признанием утверждение и том, что слово «Эстремадура» было использовано во времена Реконкисты, когда эти земли называли «*extremos*», что значит «крайние».

С особенностями фауны, населяющей территорию одного из островов архипелага, по словам древнеримского учёного Плиния Старшего, связано появление топонима Канарские острова (буквальное значение «собачьи острова» от лат. *canis* — собака). По словам учёного, на одном из этих островов водились большие свирепые собаки.

В целом к первой группе топонимов относятся 7 наименований (из 17), что составляет 41% от общего числа.

Следует заметить, что испанская топонимическая номенклатура более разнообразна, нежели китайская. В ней присутствует и топоним, содержащий антропоним – имя «*Madina Mursiya*» – эмира Аль-Андалус Рахмана II (современная провинция и одноименное автономное сообщество Мурсия), и топонимы, связанные с деятельностью человека. К данной группе следует отнести такие названия как Балеары. Это название переводится как «острова пращников» т.е. воинов, ведущих дальний бой с помощью пращи, примитивного оружия пастухов. В карфагенском войске пращниками были выходцы с островов, которые карфагеняне стали называть Балеарскими («*ba' lé*» означает «ремесло», «занятие», а «*yaroh*» - «бросать камни»). Римляне стали использовать пращников с Балеарских островов начиная со 2-ой Пунической войны (218-201 до н.э.), сначала в качестве наемников, а затем как союзников (Словарь античности 1989, с. 455).

Примером возникновения топонима, связанного с деятельностью человека, можно считать название города Леона, которое восходит к латинскому названию *Legio Septima Gemina* – это поселение изначально являлось местом расквартирования одного из римских легионов. К эпохе римских завоевательных походов относится и название другого города, а именно, Валенсии. Оно происходит от латинского прилагательного «*valens, valentis*», что значит «здоровый, крепкий». Дело в том, что данный населенный пункт никогда не был римской крепостью, но славился как некий курорт, на котором проходили лечение и оздоровительные курсы ветераны римских военных походов.

Среди топонимических номинаций Автономных Сообществ есть и топонимы-

этнонимы, т.е. топонимы, содержащие название племен, проживавших на определенной территории (всего таких топонимов 5). Анализ данной группы позволяет проследить пути миграций пришлых племен и расселения исконных народов полуострова. Было установлено, что многие области были названы именем племен, проживавших в них, независимо от того, как долго эти народы находились на данной территории. В тех случаях, когда в основе топонима лежит этноним, мы ограничивались данным фактом и не устанавливали первичное значение термина. В испанской топонимике к данной группе следует отнести такие топонимы, как Кантабрия по имени племени кантабров и Страна Басков по имени племени ваконов или басков, одного из древних реликтовых народов Европы. Первые дошедшие до нас упоминания об этом народе относятся к I в. до н.э. По всей видимости, в древности *ваконы* (баски) преимущественно расселялись к северу от р. Эбро (современная территория трех провинций Автономного сообщества: Гипускоа, Алавы и Бискайи, а также Автономного сообщества Наварра) (Волкова, Дементьев 2006, с. 577). Северо-западное побережье Испании с древности было заселено кельтскими племенами, которых римляне называли *галлами*. Именно поэтому эти земли стали именоваться Галисией.

Интересно отметить, что карта хранит воспоминания не только древних народов, населявших Пиренейский полуостров, но и пришлых, которые пришли на эту землю с целью ее завоевания. С V по VIII века территория Современной Испании подверглась нашествию варваров. Самыми известными среди ранних варваров были готы, которые после падения Римской империи разделились на две группы: остготы (восточные готы) и вестготы (западные готы). Последние вторглись на территорию бывшей римской провинции через Пиренейские горы и оккупировали восточное побережье Испании, расселившись по территории, которую стали называть Готолония (современная Каталония).

Через Испанию прошло еще одно германское племя, вандалы. Их поведение сделало слово «вандал» нарицательным: так называют всех, кто производит бессмысленные разрушения. Из Испании они проследовали в Северную Африку. Область, через которую они прошли, до сих пор известна как Андалусия (пропал лишь первый звук «в»).

Этнокультурной особенностью формирования русской номенклатуры ойконимов является то, что она на 95% (20 топонимов из 21) состоит из топонимов-этнонимов. Название большинства республик Российской Федерации, как крупных политico-административных объектов, восходит к самоназванию народов их населяющих – например, Калмыкия. Название республики происходит от самоназвания народа: калмыки называют себя *хальмг* (что значит «оставшиеся»). Или название республики Хакасия происходит от самоназвания народа, так как их соседи, китайцы, называли кыргызов "хягас"; от этого слова и произошло название народа – хакасы. Республика Марий Эл получила свое название по названию народности мари, населявшей эту территорию и т.д.

В связи с тем, что при назывании крупных административных объектов предпочтение стало отдаваться этническим самоназваниям народов, в них проживающих, изменилась орфография написания некоторых из них, либо старое, более укоренившееся в русском языке название, было заменено на новое, либо параллельно используются оба варианта. Приведем некоторые примеры:

- Республика Саха (Якутия) получила новое название по самоназванию якутов *saxa*;

- Республика Северная Осетия – Алания. Осетины являются прямыми потомками *алан*, отсюда и название республики. Грузины называли алан *овсы*, а данное название народа произошло в свою очередь от самоназвания алан – *асы*;

- Республика Тыва, Тува. Название республики происходит от *тыва* – этнического самоназвания коренных жителей тувинцев, а Тува – более известный вариант этого названия в русском языке, поэтому допустимо употребление обоих вариантов.

- Республика Башкортостан. Этноним башкир как самоназвание народа фонетически соответствует более сложному сочетанию *bašqurt* ~ *bašqurt* (в башкирской орфографии башкорт; последняя форма принята как основное самоназвание башкир).

Происхождение только одного русского топонима-ойконим, Республика Алтай, связывают с тюркско-монгольским словом «алтын», обозначающим «золото», «золотой», что дает нам основание причислить данное наименование к группе топонимов, связанных с деятельностью человека, а именно с добычей золота.

В заключении следует отметить, что в результате семантического и этимологического анализов установлено, что в названиях географических объектов находят отражения самые разные реалии жизнедеятельности этноса: различные ремесла и прочие сферы деятельности населения, место расселения племен и целых народов, особенности флоры и фауны, природные особенности ландшафта. В ходе исследования фактического материала выявлены случаи, когда название географических объектов происходило от других топонимов, либо от слияния двух или нескольких топонимов с целью обозначения более обширной территории.

Этнокультурная специфика рассматриваемых топонимов каждого региона состоит в следующем:

Среди китайских топонимов, называющих территории провинций, наибольшее число топонимов – это двухкомпонентные образования, содержащие информацию о сторонах горизонта и объектах ландшафта. Данный факт в первую очередь говорит об ориентированности на природу всего мировосприятия китайцев.

Среди русских топонимов подавляющее большинство (95%) связано с самоназваниями народов, исконно населяющих данные территории.

В испанской топонимике названия провинций более разнообразны по своему происхождению и по той этнокультурной информации, которую они сообщают последующим поколениям. Это может быть связано с тем, что через Испанию прошло большое количество волн завоеваний, и каждый новый народ приносил на ее землю свою культуру, язык, обычаи, традиции, свой образ мышления и видения мира, что не могло не отразиться, в том числе и на форме обозначения испанцами своих мест обитания.

Литература

1. Волкова Г.И., Дементьев А.В. Учебный испано-русский лингвострановедческий словарь – справочник. Учеб. пособие. – М., 2006.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.
3. Словарь античности: Пер. с нем. / В.И. Кузищев (отв. ред.) и др. – М., 1989

Н.М. Шишкина

Лексические и грамматические особенности научно-технических текстов русского и английского языков

Характерными особенностями научно-технического стиля являются его информативность, логичность, точность и объективность. Отдельные тексты данного стиля обладают указанными свойствами в большей или меньшей степени, однако во всех научно-технических текстах обнаруживается преимущественное использование языковых средств, способствующих удовлетворению потребностей данной сферы общения.

В области лексики это, прежде всего, использование научно-технической терминологии и специальной лексики. В качестве терминов могут использоваться как слова, употребляемые исключительно в рамках данного стиля, так и специальные значения общенародных слов. Например, такие лексические единицы английского языка, как *BIOS, byte, desktop, hard disk, hard drive, macro, motherboard, operating system, software* и др., широко употребляемые в области информационных технологий, трудно встретить за пределами научно-технических материалов. В то же время в данной области в качестве терминов могут использоваться и слова, которые имеют хорошо всем известные общеупотребительные значения, например: *bit, browse, crash, density, icon, list, memory, menu, mouse, save, window, wizard* и др.

В значительной степени взаимопониманию специалистов способствует и широкое употребление так называемой специальной обще технической лексики, включающей в себя всевозможные производные от терминов, а также слова, используемые при описании связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами, их свойств и особенностей, и целый ряд общенародных слов, употребляемых, однако, в строго определенных сочетаниях и тем самым специализированных, например, (в области телекоммуникаций – *power distribution system (PDS) design* – проектирование *системы разводки питания*, *the basic principles of bypass or decoupling capacitors* – основные положения о *развязывающих конденсаторах*; в компьютерных технологиях – *configuration file* – *конфигурационный файл*, *peer-to-peer protocols* – *пиринговые (одноранговые) протоколы*, *wildcard character* – *подстановочный символ*; в физике – *the voltage is applied* – напряжение *подается*, *the magnetic field is set up* – магнитное поле *создается* и др.). Такая лексика не всегда фиксируется в терминологических словарях, но она не в меньшей степени характерна для научно-технического стиля, чем термины.

Английские научно-технические материалы обнаруживают также и целый ряд грамматических особенностей.

Стремление к указанию на реальные объекты приводит к преобладанию именных структур в научно-техническом стиле английского языка, к характерной для него номинативности. Так как функция реального описания действия передается имени, сказуемое в предложении становится лишь общим обозначением процессуальности, своего рода «оператором» при имени. В английских научно-технических текстах отмечается широкое использование таких глаголов-операторов, как *effect, assure, perform, obtain, provide, give, involve, entail, imply, result in, lead to, to be ascribed to, to be attributed to, etc.*, значение и перевод которых всецело зависит от существительных, несущих

основную смысловую нагрузку в предложении. Например, *By using multiple neurons simultaneously, the brain can perform its functions* (работать, функционировать) *much faster than the fastest computers in existence today*. *Inspired by the mechanism for learning in biological neurons, artificial neurons and artificial neural networks can perform arithmetic functions* (считать, выполнять вычисления), *with cells corresponding to neurons.... However, neural networks are far too simple to serve as realistic brain models on the cell level, but they might serve as very good models for the essential information processing tasks that organisms perform* (выполняют) (Yeung 2010, с. 5)

Стремление к номинативности приводит также к замене наречий предложно-именными сочетаниями. Так, *accurately* становится *with accuracy, very easily – with the greatest ease* или *the easy way, etc.* Упорно сопротивляются этой тенденции лишь усилительные наречия, которые выступают в английских научно-технических текстах в качестве основного модально-экспрессивного средства. Таковы наречия: *clearly, completely, considerably, efficiently, essentially, fairly, greatly, significantly, markedly, materially, perfectly, positively, reasonably, uniquely, etc.*: *The message contains an address which uniquely identifies the slave for which it is intended. Since parasitic inductance for capacitors in a given package is essentially fixed, the inductance curve remains fixed. By comparison, a quantum computer could efficiently solve this problem using Shor's algorithm to find its factors. Several physical implementations which approximate two-level systems to various degrees were successfully realized.*

Разумеется, номинативный характер научно-технического стиля не означает, что в рассматриваемых текстах в английском языке полностью отсутствуют полнозначные глаголы в личных формах. Исследования показали, что в данном стиле отмечается преобладание пассивных форм и форм простого настоящего времени, что, несомненно, связано с основными характеристиками и целями научного изложения. Например: *In the context of neural networks, learning is defined as a process by which the free parameters of a neural network are adapted through a continuous process of stimulation by the environment. The type of learning is determined by the manner in which the parameter changes take place. The above definition implies that (1) the network is stimulated by the environment; (2) the network changes as a result of stimulation; and (3) the network responds to the environment in a new way after the occurrence of change.* Особое внимание заслуживает широко распространенное в специальных текстах использование переходных глаголов в непереходной форме с пассивным значением: *The steel forges well.*

В английских научно-технических текстах также наблюдается широкое использование простых двусоставных предложений с составным сказуемым, состоящим из глагола-связки и именной части (предикатива): *The network is two or more computers connected together. A Local Area Network (LAN) is a network in which the computers are connected directly... Computers are an essential feature of most instrumentation systems...* В качестве предикатива часто выступает прилагательное: *Commercial packages are readily available to support PC/workstation-based instrumentation systems. The nonrandom fractals' essential failing is that they are not symmetric enough. A first failing, stated in the vocabularies of different sciences, is that it is inconceivable for a nonrandom fractal to be translationally invariant... The software component of any computerized*

instrumentation system can form a significant percentage of its total cost. This is especially true of on-off systems...

Краткости и компактности изложения способствует широкое использование эллиптических конструкций. Неправильное понимание этих конструкций приводит к нелепым ошибкам в переводе, например, сочетания *a liquid rocket, a web server, a web application* – это эллиптические формы сочетаний *a liquid-fuelled rocket, a web-based server, a web-based application*.

Указанная тенденция находит отражение и в ряде других грамматических особенностей. Для научно-технического стиля характерна, например, замена определительных придаточных предложений прилагательными в постпозиции (особенно с суффиксами *-ible, -able, -ive* и др.): *different notions of controllability available in the literature; the set of problems solvable with a polynomial-time algorithm; problems difficult with ordinary equipment; concepts are represented as a collection of the simplest elements available; surface-mount chip capacitors are the smallest capacitors available, etc.* Та же цель может достигаться и использованием в функции определения форм инфинитива: *the properties to be expected; promising cooperative and cognitive strategies to be applied within and across the layers of wireless networks; the product to be cooled, etc.*

Для научно-технического стиля в английском языке характерно широкое употребление множественного числа вещественных существительных (*fats, oils, steels, wools, etc.*), множественного числа в названиях инструментов (*clippers, jointers, compasses, etc.*), распространность атрибутивных сочетаний со словами *type, design, pattern, grade, etc.* Наблюдается также повышенное использование причинно-следственных союзов и логических связок типа *since, therefore, it follows that, so, thus, it implies, involves, leads to, results in, etc.* Например: *Each stand-alone instrument and add-on card requires a piece of code called a device driver so that the operating system can access the hardware resources of the card and the instrument. Therefore, the development of device drivers requires an intimate knowledge of both the hardware and the operating system.*

Отметим, что некоторые особенности научно-технического стиля, отмеченные нами в английском языке, наблюдаются и в научно-технических материалах на русском языке. Прежде всего, это относится к информативности текстов, а, следовательно, к высокой частотности употребления специальной общетехнической лексики, терминов и их определений. В русском языке, как и в английском, в качестве терминов используются и слова, употребляемые исключительно в рамках научно-технического стиля (*домен, интерпретатор, компилятор, конфигурация, хакер* и др.) и специальные значения общенародных слов (*память, программа, сеть, язык* и др.). При этом заметим, что строгость в употреблении терминов и привычных формулировок, в целом, более свойственна русскому научно-техническому стилю, чем английскому.

Следует также заметить, что хотя в обоих языках для научно-технического стиля характерна объективно-описательная манера изложения, лишенная эмоциональности, в английских научных текстах, как нами уже было отмечено, все же встречается использование эмоциональных эпитетов, риторических вопросов, образных выражений и тому подобных стилистических приемов. Такие нарушения стилистического единства текста не свойственны научно-техническим материалам в русском языке.

Что же касается таких характеристик научно-технического стиля, как логичность и последовательность, то и в данном случае наблюдается небольшое различие. Так, в английском языке логические связи между отдельными высказываниями часто обнаруживаются лишь в самом их содержании и иногда особо не выражаются, тогда как в русском языке почти всегда используются специальные слова и вводные обороты, указывающие на тот или иной тип связи. Например: «*Замечания. 2. Данное определение тоже носит общий характер, т.е., как и выше, под разностной схемой (12), (13), подразумевается не только разностная схема (14), (15), а в качестве дифференциальной задачи (7), (8) может фигурировать не только задача (1), (2). Кроме того, сеточная норма $\| \cdot \|_h$, используемая в формуле (28), может быть определена и другим способом, нежели в соответствии с (3). Однако следует иметь в виду, что наличие сходимости в смысле (28) при измельчении сетки зависит от свойств решения и исходной задачи.....*

» (Волков 2007, с. 209)

Отметим также, что если для научно-технических материалов английского языка, как уже указывалось выше, характерно преобладание простых предложений, то это явление не свойственно соответствующему стилю в русском языке, где сложные предложения преобладают.

В научно-техническом стиле русского языка широко используются обособленные члены предложения, особенно причастные и деепричастные обороты типа: *данная видеоплата, относящаяся к категории «энтузиаст»; сенсорные клавиши, отвечающие за наиболее частые операции при работе с мультимедиаконтентом; новые модели серверов, построенные на Xeon 5500; погрешность, возникающая за счет округлений, называемая вычислительной погрешностью, по крайней мере в несколько раз меньше погрешности метода; сопоставляя, с одной стороны, дифференциальное уравнение (1), а с другой стороны, разностные уравнения (8) и (10), видим...; используя соотношения (2.3), учитывая при этом (2.2), выводим...; подставляя (1.4) в уравнения (2.1), получаем...; решая систему (4) при выбранных краевых условиях, находим....*

Для обозначения как временных, так и постоянных признаков предметов в русских научно-технических текстах часто употребляются краткие прилагательные, например: *Музыкальная сцена несколько сужена по горизонтали и по вертикали, но в целом это не слишком заметно; Они оснащены функцией автоматической регулировки напряжения (AVR), для обеспечения номинальных выходных параметров при существенных отклонениях характеристик электрической сети, без перехода на автономный режим работы. Разумеется, все сказанное справедливо и для новой модели RS1100.*

Можно указать также на широкое использование отвлеченных существительных, особенно среднего рода (*движение, отношение, измерение, явление, состояние, свойство, множество* и др.), цепочки из нескольких существительных в родительном падеже (к численному методу, кроме требования достижения заданной точности; с целью уменьшения влияния погрешностей округления у приближенных чисел и и др.), глаголов на -ся (анодные кривые смещаются; в литературе рассматривается концепция; следствием чего является слабая изученность и др.) и так называемого “авторского мы” (*Рассматриваемая нами система имеет сложную структуру*

ограничений; Таким образом, полученные нами экспериментальные данные...; Мы исходим из предположения.... и т.п.).

В научно-технических материалах русского языка также следует выделить распространенность номинативных рамочных конструкций с таким порядком слов, при котором группа слов, поясняющая причастие или прилагательное, выступает вместе с ним в роли препозитивного определения, например: *предварительно измельченную до размера частиц 1-2 мм точную навеску сырья; выделяемые в процессе ядерного распада частицы и т.п.*

Таким образом, сопоставительный анализ показал, что, несмотря на то, что и в английском и в русском языках для научно-технического стиля характерны такие особенности, как информативность, логичность, точность и объективность, одна и та же особенность научно-технического стиля, присущая обоим языкам, проявляется с неодинаковой очевидностью и может быть выражена разными языковыми средствами.

Литература

1. Yeung D.S. et al. Sensitivity Analysis for Neural Networks, Natural Computing Series. – Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010.
2. Волков Е.А. Численные методы: Учебное пособие. 4-е изд., стер. – СПб., 2007.

М.О. Якушкина

Особенности академического общения в российском и американском вузе

В последнее время активно развивается научное сотрудничество России и США, возрастают количество обменных программ для учащихся школ, увеличивается количество преподавателей и студентов, посещающих зарубежные вузы. В этой связи все большую актуальность приобретает изучение и описание особенностей академического общения в этих странах.

В настоящее время в связи со вступлением России в Болонский процесс форма организации образовательного процесса в американских и российских вузах приобрела большее количество сходных черт, основными из которых являются: двухуровневое обучение – бакалавриат и магистратура, а также введение кредитной системы.

Тем не менее, всё же существуют различия в форме проведения занятий. В российском вузе по-прежнему преобладает лекционная форма обучения, в то время как в американском вузе образование построено на принципе интерактивности и самостоятельности студентов в учебной деятельности как при подготовке к занятиям, так и во время них.

«Форма лекций, где преподаватель диктует материал студентам на протяжении всего занятия, используется всё меньше и меньше. Это переросло в форму лекции-дискуссии, где преподаватель часто прерывает свое выступление для вопросов и комментариев студентов. Часто преподаватели обозначают тему для дискуссии на занятии, а саму лекцию сводят до минимума» (Университеты США и Великобритании 1991, с. 11).

В этом и проявляется преобладание интерактивного, диалогического характера учебного процесса. По ходу занятия преподаватели стимулируют студентов вопросами, привлекают их к осмыслению излагаемого, высказыванию

своей точки зрения, обсуждению материала. Поощряется активность студентов во время занятий, их вопросы и комментарии. В свою очередь студенты заинтересованы в участии в таких занятиях-дискуссиях. Именно студенты самостоятельно выбирают определенные курсы, которые, как им кажется, наиболее подходят для их будущей профессии, поэтому мотивация для подготовки и активной работы на занятиях достаточно велика.

Роль преподавателя зачастую сводится к координированию и направлению деятельности студентов для стимулирования самостоятельности учащихся. Поэтому многие американские профессора разделяют мнение, что их задача не в том, чтобы учить студента, а в том, чтобы научить его учиться.

Доступ в классы и некоторые лаборатории американского вуза открыт все 24 часа, и каждый день студент имеет возможность видеть в университете преподавателя, получить у него консультацию, переписываться с ним по электронной почте.

У американских студентов всячески приветствуется инициативность и стремление к самообразованию. Именно наличие мотивации, нацеленность на получение высоких баллов дисциплинирует студентов в посещении занятий. В университете дисциплинирующая функция образования упраздняется, она перекладывается на плечи самих студентов, примером чего является отсутствие системы звонков в вузах.

Рассматривая отношения преподавателя и студента, можно выделить достаточно высокую степень неформальности в общении.

Во время занятия преподаватель пытается сократить дистанцию со студентами, передвигаясь по аудитории, между рядами студентов. Для создания более неформальной атмосферы на занятии преподаватель может вести занятие, даже сидя на столе.

На неформальность общения во время учебного процесса влияет внешний вид как студентов, так и преподавателей. Жесткого регламента одежды не существует. Преподаватели могут ходить как в костюме, так и в шортах и кроссовках.

Общение студентов с преподавателями не ограничивается рамками занятий. Во-первых, у каждого преподавателя есть специально отведенные часы для консультаций, когда студент может прийти и задать интересующие его вопросы. Часы для консультаций есть и в американском, и в российском вузе, то необычной является традиция, когда американский преподаватель может встретиться со студентом за ланчем, обедом, предложить совместный проект.

В университете проводятся официальные праздники, вечеринки и конкурсы, в которых участвуют студенты и преподаватели, что тоже свидетельствует о стремлении сделать отношения между преподавателями и студентами более дружескими.

В российском вузе сохраняется академичность общения преподавателя со студентами. Во-первых, как правило, преподаватель читает лекцию, стоя за кафедрой и сохраняя дистанцию со студентами. Во-вторых, в большинстве случаев, общение между преподавателем и студентами ограничивается занятиями и отведенными для консультаций часами.

Неформальные, а порой и дружеские отношения студентов и преподавателей в США не влияют на объективность оценки обучающихся. В программе курса указаны основные требования преподавателя, которым необходимо следовать.

Также указаны обязательные для сдачи преподавателю работы, которые будут оценены и повлияют на финальную оценку по данной дисциплине. Отклонения от установленных требований (не в срок сданная работа, отсутствие домашнего задания, опоздания, пропуски занятий без уважительных причин) могут наказываться вычитанием баллов из общей оценки.

В общении студентов в американском вузе ярко выражен индивидуализм, который является одной из основных ценностей американского национального характера. Одним из факторов, влияющих на развитие индивидуализма у американских студентов, является отсутствие четко сформированных учебных групп, как это принято в российской высшей школе. Каждый студент, выбирая себе учебные дисциплины, работает по собственной программе. В результате студенты практически не общаются друг с другом во время занятий. Таким образом, отношения между студентами приятельские, достаточно поверхностные.

В российском вузе, напротив, преобладает дух коллективизма, т.к. студенты, как и учащиеся школы, на протяжении всего учебного процесса учатся вместе в четко определенных группах. Вследствие этого в коллективе устанавливаются прочные связи, и учащиеся стремятся помочь и подсказать друг другу, как на обычном занятии, так и во время тестов и зачетных работ.

В американском вузе во время тестов и экзаменов не принято подсказывать друг другу, также во время устных ответов не принято отвечать за другого человека. Каждый должен рассчитывать на свои знания и силы и самостоятельно справляться с трудностями.

Списывание – редкий случай в американских аудиториях. В английском языке для этого явления принято довольно жесткое слово «cheating». Поскольку списывание есть нарушение нравственной нормы, то студенту, уличенному в списывании, грозит не только исключение из вуза, но и презрение товарищей. Система обучения в вузе построена так, чтобы те, кто действительно учатся, не были бы случайно обойдены теми, кому удается списывать. В университете культивируется дух честной конкурентной борьбы, что развивает в студентах чувство ответственности, а также стимулирует конкурентоспособность, которая является одной из базовых американских ценностей.

С другой стороны, наравне с индивидуализмом, важным качеством, которое формируется в университете, является умение работать в команде («teamwork»), т.к. будущим специалистам, безусловно, предстоит работать в коллективе. Большую часть заданий для студентов составляют групповые проекты. Это является отличительной чертой американского университета. Студенты объединяются в группы и совместно исследуют какую-либо проблему. По результатам исследования, как правило, пишется работа и готовится презентация. Такая совместная работа над проектами сближает студентов, формирует дух сотрудничества.

При выполнении групповых проектов американские студенты придают большое значение принципу равенства. Каждый должен быть уверен, что вносит равнозначенный вклад в работу.

В отличие от российских студентов, которые в большинстве случаев учатся и живут в одном и том же городе, жизнь в общежитии – явление более распространенное в США, т.к. большая часть студентов учатся в вузах, расположенных далеко от дома. Так, в университете Нотр Дам штата Индиана,

80% студентов живут на кампусе (<http://nd.edu/~orlh/housing/undergraduate/general/facts.html>).

Общежитие является мощным социализирующим фактором для студентов. Это место, где они проходят настоящую «школу жизни», где происходит их психологическое и социальное становление, а главное – происходит формирование основных моделей коммуникации друг с другом.

В своей статье о жизни студентов в общежитиях Г. Блиминг говорит о том, что проживание в общежитиях фокусирует время и энергию студентов на университете, увеличивает время неформального общения студентов между собой и предлагает многочисленные возможности для изучения ценностей, стилей жизни и интересов друг друга (<http://www.answers.com/topic/college-and-university-residence-halls>).

Более того, общежитие рассматривается как средство для успешного образовательного процесса. Сравнивая студентов, живущих дома, и студентов, живущих в общежитиях, можно отметить, что последние больше взаимодействуют с преподавательским составом, участвуют в большем количестве мероприятий университета, показывают больше стремления к учебе, более удовлетворены университетом и быстрее развиваются психологически (<http://www.housing.wisc.edu/>).

Специфическую модель поведения, отличную, например, от российских университетов, имеет такой социальный институт в рамках университетского образования, как братство (fraternity, sorority).

Fraternity – это общественная организация, ассоциация, объединяющая студентов по различным признакам: пол, национальность, религия, мировоззрения, академические цели. Это масштабные организации, имеющие длинную историю существования. В частности, Фи Бета Каппа, одна из подобных организаций, существует с 1776 года, Каппа Альфа – с 1825 года, первое афро-американское братство Альфа Фи Альфа возникло в 1906 году (<http://www.alpha-phi-alpha.com/>, www.pbk.org/, www.kappaalphaorder.org/).

Это структурированные организации с собственными уставами, длительными традициями. Сегодня насчитывается 69 мужских и 26 женских основных братств, которые проводят ежегодные съезды и конференции (the North-American Interfraternity Conference, The National Pan-Hellenic Council).

В качестве основной идеи их деятельности можно привести девизы основных американских братств. «Братство. Лидерство. Учение. Помощь» (<http://www.kappasigma.org/>), «Мастерство – это наша цель» (www.kappaalphaorder.org/), «Развивает лидерство, поощряет братство и академическое совершенствование, предоставляет помощь обществу» (<http://www.alpha-phi-alpha.com/>).

Среди целей, которые декларируют братства – «стимулировать амбиции членов братства, поощрить самые высокие проявления и черты человека, помочь обществу в его попытках достичь более высокого социального, экономического и интеллектуального развития» (<http://www.alpha-phi-alpha.com/>).

Наряду с деятельностью, направленной на внутренние цели братств – социализацию своих членов, интеграцию их в университетское сообщество, а в дальнейшем и в американское общество, большую роль братства играют в жизни сообщества. Это даже отмечено в уставах их организаций. Так, в частности, в кодексе братства Каппа Сигма зафиксировано «Помощь другим – это часть

членства в Каппа Сигма. Братья проводят тысячи часов, помогая сообществу и выручая тысячи долларов на нужды сообщества каждый год. Каппа Сигма во многом направлена на изменение жизни окружающих» (<http://www.kappasigma.org/>).

Участие в таких организациях формирует у студентов стремление к лидерству, инициативность, воспитывает взаимное сотрудничество, понимание важности благотворительности и волонтерства, т.е. все те качества, которые понадобятся им в дальнейшем, и что, безусловно, можно отнести к базовым ценностям американского общества.

В российских вузах институту братств можно сопоставить многочисленные студенческие общества, клубы по интересам, студенческие активы и профсоюзы. Это также дает возможность студентам больше общаться между собой, участвовать в жизни университета и решении различных важных вопросов, касающихся обучения и внеучебной деятельности, принимать непосредственное участие в жизни сообщества.

Итак, несмотря на значительное сближение в организации учебного процесса в американских и российских вузах, академическое общение, базируясь и развиваясь в русле основных ценностей и черт национального характера, имеет определенные различия, наиболее ярко проявляющиеся в особенностях общения преподавателя со студентами, общениях студентов между собой как во время занятий, так и во внеурочное время, их коммуникации в условиях общежития, членстве в братствах и различных студенческих организациях.

Литература

1. Университеты США и Великобритании. – Казань, 1991.

О.А. Ярцева

Речевые ситуации «поздравление»/«пожелание» в русском, немецком и испанском языках

Изучение живой устной речи – одна из наиболее актуальных проблем современной лингвистики, интерес к которой на протяжении нескольких последних десятилетий всё возрастает.

Речевое общение носит социальный характер и предполагает как обмен информацией, так и воздействие на партнера по коммуникации, в связи с чем коммуникация включает в себя два аспекта – процесс передачи актуальной информации и процесс речевого взаимодействия. Целью этого общения является установление и поддержание межличностного контакта. Анализируемые нами единицы речевого поведения составляют этикетные речевые ситуации, к которым обычно относят поздравление, приветствие, пожелание и т.д. Нашей задачей является отражение специфики национального речевого поведения в данных ситуациях общения. Мы рассматриваем такие речевые акты как пожелание и поздравление в русском, немецком и испанском языках, целью которых является выражение эмоционального состояния говорящего и его стремление произвести эмоциональное воздействие на слушающего.

Так, например, формулы пожелания традиционно связаны с ситуацией прощания. Они используются как высказывания при завершении контакта и выполняют функцию выражения доброжелательности (доброжелательного отношения к собеседнику). Наиболее общим пожеланием при прощании являются: *Удачи! Счастливо! Всего хорошего! Всего доброго!; Viel Glück! Viel Spaß! Alles Gute!; Que te/le vaya bien! Adios y que te vaya bien!*

Общий речевой акт пожелание делится на более частные акты, которые соответствуют определённым ситуациям. Так, перед сном люди желают друг другу хорошего сна: *Доброй ночи! Спокойной ночи!; Gute Nacht! Schlaf gut! Schöne Träume! Süße Träume! Träum süß!; Buenas noches! Que descansas!* В ситуации болезни одного из коммуникантов ему желают здоровья: *Выздоровливайте! Скорейшего выздоровления! Не болейте!; Gute Besserung! Werde bald gesund!; Que te mejores! Que se mejore!* В ситуациях пожелания адресату успеха и везения в предстоящих делах используются следующие формулы: *Удачи! Успеха! Счастливо!; Viel Glück! Viel Erfolg! Viel Spaß!; Que tenga(-s) suerte! Suerte! Buenasuerte! Que te(le) vaya bien!*

Поздравление – это акт социального этикета. Данное речевое действие устанавливает атмосферу доброжелательности и конвенциально является проявлением симпатии говорящего к собеседнику. Речевой акт «поздравление» можно разделить на два основных типа «поздравление – похвала» и «поздравление – пожелание». Целью первого типа этого речевого высказывания является высокая оценка достоинств говорящего. Поздравление может быть сформулировано в качестве прямых номинаций: *Поздравляю! От всей души поздравляю! Сердечно поздравляю! Mou поздравления!; Ich gratuliere! Herzlichen Glückwunsch! Felicidades! Enhorabuena!*

В качестве поздравления – похвалы в разговорной речи русских, немцев и испанцев также могут использоваться косвенные высказывания. Это эмоционально-оценочные высказывания, которые содержат положительную оценку действий собеседника со стороны говорящего: *Отлично! Замечательно! Молодец! Очень хорошо!; Gut gemacht!, Toll gemacht! Super! Spitze!; Muy bien hecho! Me gusta mucho lo que has hecho!*

Речевой акт «поздравление» состоит из большого количества частных речевых актов поздравления, которые реализуются в конкретных ситуациях общения в соответствии с культурной традицией. В каждой из рассматриваемых нами культур принято поздравлять по случаю определенных событий. Поздравляя друг друга с каким-либо праздником, мы используем определённый набор формул и рефлексов-реакций. Коммуникативной ситуации «поздравление» в день рождения соответствует ограниченный набор вербальных формул: *Поздравляю! С днём рождения!; Herzlichen Glückwunsch zum Geburtstag! Alles Gute zum Geburtstag! Alles Gute, liebes Geburtstagskind! Felicidades! Muchas Felicidades! Feliz cumpleanos! Por muchos anos!, Que tengas un feliz dia de tu cumpleanos!* Ответные рефлексы на эти формулы: *Спасибо! Большое спасибо за поздравление!; Vielen Dank/ Dankeschön! Danke für die Glückwünsche!; Gracias! Muchos Gracias!*

В ситуации «поздравление с Рождеством» используются речевые формулы *Счастливого Рождества! С Рождеством!; Frohe Weihnachten! Ein frohes und glückliches Weihnachtsfest! Feliz Navidad! Que tenga(-s) feliz Navidad! Felicidades!* Ответная формула благодарности включает рефлексы: *Спасибо! Спасибо и Вам!;*

Danke! Vielen Dank!; Gracias, igualmente! В пасхальные дни люди желают друг другу Христос Воскрес! (ответная реакция на поздравление – Воистину Воскрес!), *Frohe Ostern! Frohes Fest!; Felices Pascuas!* При поздравлении с Новым Годом принято говорить *С наступающим Новым Годом! С Новым Годом, с новым счастьем! С наступающим праздником!; Ein gutes Neues! Ein glückliches neues Jahr! Frohes neues Jahr! Frohes Neues! Guten Rutsch ins neue Jahr!; Feliz Año nuevo!*

Отметим, что один и тот же речевой стереотип может выражать как одобрительную, так и неодобрительную эмоциональную реакцию говорящего. В качестве примера в рассматриваемых нами языках приведем формулу благодарности: *Спасибо! Danke! Gracias!* Данная формула в определённых контекстах может также восприниматься как выражение неодобрения. *Скажи спасибо и на этом! Herzlichen Wunsch zum Geburtstag! Nun bist du ein Jahr älter geworden. – Na, Vielen Dank, dass du mich daran erinnerst! Toma esto y gracias!*

При сопоставительном анализе речевых высказываний, содержащих пожелания с положительной и отрицательной маркировками, мы определили некоторые универсальные признаки экспрессивных средств в звучащей речи русских, немцев и испанцев. В качестве универсальных признаков мы выделяем следующие: 1) в добрых пожеланиях в русской, немецкой и испанской речи положительные эмоции выражаются восходящим тоном голоса 2) отрицательные эмоции во всех трех языках выражены только нисходящим тоном голоса.

Раздел 5. Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

О.В. Гох

Фонетические средства выражения эмоций в английском и русском Интернет-языках

Интернет-язык формируется коммуникативными ситуациями, существующими в виртуальном пространстве. Будучи по форме существования письменной речью, фактически он близок к разговорной речи, поскольку обладает всеми ее основными признаками: непринужденностью, непосредственностью и неподготовленностью общения, преобладанием диалога над монологом, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочными реакциями, неполноструктурной оформленностью синтаксического, фонетического и морфологического уровней, прерывистостью и логической непоследовательностью высказываний.

В данной статье осуществляется попытка проанализировать и сравнить фонетические средства выражения эмоций в русском и английском Интернет-языках. В качестве материала исследования используются высказывания пользователей следующих Интернет-ресурсов: <http://teenslang.su/content/&sstr=C>, <http://denofangels.com/forums/>, <http://justplay.com.ua/content/view/170/38/>,

<http://www.securitylab.ru/>, <http://www.trolli.org/>, <http://forum.mmosite.com/>,
<http://bjdclub.ru/index.php>,<http://www.slovoborg.ru/slb.php>, <http://iron.3dn.ru/forum/>.

Ученые (Голуб 2003, Валгина 2001, Максимов 2007 и др.) выделяют следующие фонетические средства языка, способные выражать эмоции: звуки речи, ударение (словесное и фразовое или логическое), интонация. Все они, в той или иной мере, представлены в Интернет-языке.

Рассмотрим, как подаются звуки речи в контексте Интернет-общения.

Для Интернет-языка характерно многократное повторение звуков в эмоционально значимых словах. Подобная пролонгация может осуществляться и в русском, и в английском языке как с использованием дефиса так и без него:

Наши руууляяят форееевааааа!!!!!!

Приве-е-ед, Пушистый! Откуда такой ко-о-ошерный аватар надыбал?

She is soooo сииите!!! Lo-o-o-o-v-v-v-e-e-e them aaaallll!!!

В литературном языке эмоциональной пролонгации чаще всего подвергаются гласные звуки и сонорные согласные звуки ([л], [м], [н], [р], [л], [м], [н], [р]), реже – шумные длительные согласные ([з], [ж], [ш], [с], [щ], [ф], [х], [в], [з], [с], [ф], [ш]) и никогда – шумные мгновенные согласные ([б], [г], [д], [к], [п], [т], [б], [г], [д], [к], [п], [т]), что отражает артикуляционные возможности речевого аппарата человека. В Интернет-языке, который не предполагает артикуляции, многократно повторяться могут любые звуки без учета особенностей их произношения. Пользователь посредством пролонгации звуков стремится графически придать эмоциональную значимость своему сообщению, фонетические особенности языка при этом часто не учитываются:

Ддууубб ты труууиний!!!

Gggeeettt it fffaaasssstteerrrr!!!!!!

Скандирование или произношение, в письменной речи и Интернет-среде – написание, по слогам также часто служит для выражения чувств пользователя:

Поз-дра-вл-яю! Мо-ло-дец!!!

У-бо-жи-ще га-ли-мое!

Can't stop being so pa-the-tic!

I love that won-der-ful color!

В литературном русском и английском языках принято разбивать слова на слоги исключительно посредством дефиса. В Интернет-языке деление лексических единиц на слоги может происходить по-разному:

-Членение точками

Ko.nec.все.my!

-Членение символом ‘/’ (слэш) или ‘\’ (обратный слэш)

Ацкай CA/TA/HA!!!

После Висты Виндец 7 рулит кра/си/во!!!

-Членение чередованием заглавных и строчных букв

ПоMoGiTe!!!!

-Членение символом ‘*’ (звездочка)

*Кра*ко*ма не*ни*сан*ная!*

-Членение двоеточием

Бес:пре:дель:но мил!!!

В английском языке скандирование, как фонетическое средство выражения эмоций пользователя, встречается значительно реже, чем в русском, поскольку преобладают односложные и двусложные слова.

Существует внеслоговое деление эмоционально подчеркиваемого слова или фразы на отдельные фрагменты различными способами.

Oooh they are go.rg.eo.us!!

They do make a very ha/nd/so/me couple!

You did a great job with the OuTfIt!

«Одной из характерных черт языковой специфики Рунета стало возникновение особого письменного социолекта, по своим функциям сравнимого с жаргоном (поддержание групповой корпоративности; экспрессивность), – в сетевой коммуникации происходит сознательное и достаточно системное трансформирование правил русского письма» (Дедова 2007 с. 152). Иногда демонстративное пренебрежение правилами орфографии превращает текст в подобие фонетической транскрипции. Формируемый в настоящее время стиль Интернет-сообщения переносит черты разговорности и сниженности, характерные для чата, в тексты более ‘высоких’ Интернет-жанров: информационных и научных (Буторина 2001). Сам по себе язык аффтароф, падонкаф или олбанский язык не несет в себе какого-либо эмоционального значения, но, если отдельные ‘падонкафские славечки’ употребляются в приближенной к литературной норме речи пользователей, они, как правило, приобретают эмоциональную окраску и выражают иронично-негативное отношение к тому или иному лицу, предмету или явлению:

Аффтар выпей йаду и никогда больше ничего не пиши, а, если вдруг напишешь, то не показывай никому, чтоб не пугать народ.

Травите водкой свой моск, может быть, поможет.

В метро какое-то гнусное жывотнае сперло мой кошелек из сумки.

Искажение орфографии не всегда соответствует транскрипции слова. Так в современном языке Рунета существует тенденция озвончения глухих согласных и замены букв ‘и’, ‘е’ на ‘ы’. Как правило, подобной трансформации подвергаются эмоционально-значимые слова с негативной окраской:

Ты как Йожиг в тумане вечно ничего не знаешь.

Шыдевральныи ацтой!

Красавчег пысаный!

В английском Интернет-языке нарушение орфографии обычно имеет целью упрощение письма для экономии времени пользователя на набор текста. Подобные орфографические искажения в английском языке не содержат эмоциональной окраски.

Love = luv, to you = 2U, forever = 4ever, Congratulations! = Congrats!

Существующий в англоязычном Интернете жаргон LOLspeak или LOLcat является предшественником русского языка аффтароф и падонкаф или олбанского языка. Однако сфера употребления этих жаргонов существенно различается. LOLspeak употребляется главным образом в надписях на юмористических картинках с изображением кошек, реже – других домашних животных и еще реже – людей. Язык падонкаф не имеет такого ограничения и в современном Рунете чаще встречается в свободном общении пользователей на форумах и в блогах, а не в комментариях к иллюстративным материалам комического характера. Другим отличием является большое количество грамматических ошибок в LOLspeak, приближающее этот жаргон к безграмотной, простонародной английской речи, и почти полное отсутствие таковых в языке падонкаф, где комический эффект достигается за счет

орфографических и фонетических искажений и использования сниженной лексики.

I can haz a cheezburger? Искаженное от *Can I have a cheeseburger?* На грамматическом уровне можно отметить нарушение вопросной инверсии, использование несоответствующей формы глагола 'to have'.

Lemme chex mah mailz. Искаженное от *Let me check my mail.* Грамматические нарушения выражаются в употреблении несоответствующей глагольной формы (*chex* = *checks*) и использовании формы множественного числа существительного вместо единственного числа.

Замачи сибя веслом ф сартире!! Твая музыка полный ацтой!!

Ктонть тода есесно прикольнеца?

Ниасилил, патамушта слишкома многа букафф!!!

Приведенные выше примеры падонкаффского языка характеризуются большим количеством орфографических и фонетических эрративов (Гусейнов, 2005) при сохранении грамматических норм русского языка.

Словесное ударение в Интернет-пространстве чаще всего демонстрируется посредством заглавной гласной буквы и выполняет две функции: смыслоразличительную и стилистическую.

Ученые признают значимость словесного ударения как фонетического средства языка, имеющего стилистическое значение, при этом они указывают на то, что «словесное ударение в художественной речи используется в формировании ритмической структуры русского стиха, основанного на чередовании ударных и безударных слов <...> усиливает ее эмоциональность и художественную выразительность» (Голуб 2003, с. 155). В Интернет-общении акцент на ударении в слове ставится исключительно с целью выделить его эмфатически, если, конечно, речь не идет о любительском поэтическом творчестве, где искажение ударения происходит ради создания рифмы и стихотворного ритма. Выражение эмоций пользователя осуществляется при осознанной неправильной постановке словесного ударения. Как правило, таким способом выражаются негативные эмоции – ирония, раздражение, презрение, отвращение:

КрасавЕц! Ничего не скажешь! Лысый, толстый и морда красная!

Он еще тот пИсатель. Я думал, что напИсать что-то хуже его прошлой графоманки невозможно, но он все-таки смог это сделать!

Пальто с круглыми накладными карманами на груди – что они хотели этим сказать?!

И все кафе против вас свидетельствовать будет, потому что нефиг выпендриваться, когда людям пить не на что!

Эмфатический перенос словесного ударения в английском языке невозможен. Это объясняется преобладанием в языке односложных и двусложных слов, причем частотность употребления односложных слов значительно выше. Кроме того, в большинстве многосложных слов ударение падает на начальный слог, что характерно для германских языков. Перенос ударения на другой слог в устной речи ассоциируется с иностранным акцентом (например, с французским), в английском же Интернет-языке перенос ударения отсутствует.

Продемонстрируем смыслоразличительную функцию ударения, не выражающую эмоции:

Смотри не перепутай! КОрзина, а не КорзИна. КОрзина Елена Сергеевна.

Фразовое ударение в русском и английском литературных языках выделяется, как правило, курсивом или заглавными буквами. Средства выражения фразового ударения в Интернет-языке значительно разнообразней. Приведем основные из них:

Логический центр высказывания выделяется заглавными буквами.

“Сумерки” меня **ТАК УБИЛИ**, что я теперь все вампирские книжки стороной обхожусь.

He has even more expression on his face because of all the DETAIL you gave him.

Фразовое ударение обозначается жирным шрифтом.

Хочу **много** денег. **Очень** много.

*Oh my god that is so **fantastic**!!!*

Также фразовое ударение демонстрируется подчеркиванием.

Вы должны там быть не позже 12!

Wow you put a lot of work into him!

Встречается выделение эмфатически подчеркиваемого слова или словосочетания другим цветом.

Ну это же **очевидная** провокация! (слово ‘очевидная’ выделено красным шрифтом)

*The faceup you've done is amazing and very **lifelike**.* (слово ‘lifelike’ выделено красным шрифтом)

Подчеркивание эмоционально значимого слова или словосочетания может осуществляться с помощью знаков ‘*’ (звездочка), ‘#’ (решетка), ‘\$’ (доллар) ‘+’ (плюс) ‘!’ (восклицательный знак) ‘?’ (вопросительный знак) и другие.

Господи...у меня **пошла** !глобальная! сбыча мечт!!!

*Your !skill! with the camera is so **incredible**.*

Иногда для демонстрации фразового ударения используется написание латиницей отдельных букв в русских словах или целых слов и словосочетаний. В английском языке подобный способ выражения фразового ударения не существует:

*Этот кабак **такой** glamurnyi, что там даже фейсконтроль есть.*

*Их **superцена** для нас все равно не realna.*

Интонационная окраска Интернет-сообщений соответствует общим правилам письменной речи русского и английского языков, то есть в Интернет-пространстве также существуют утвердительные, восклицательные, вопросительные предложения. Однако следует отметить, что для большей эмоциональной выразительности интонационные знаки препинания могут повторяться пользователем неограниченное число раз.

*О, МАЙН ГАТ!!!!!! Обожаю кошек!!!!!! А тут **ТАКОЕ!** Пойду валерьянки выпью.....*

Откуда ты это взял????? Кинь ссылку, плиз!!!!

*So **incredible**!!!! Fantastic shots!!!!!!!!!*

The best I've ever seen!!!!!! How did you do it?????

Можно говорить о том, что интонационно литературный язык богаче Интернет-языка, потому что «писатели часто комментируют приводимые ими фразы действующих лиц, отмечая ту или иную особенность движения голоса, поскольку в системе графики нет специальных знаков, которые показывали бы характер того или иного интонационного рисунка. <...> Комментарий автора усиливает воздействие на читателя реплик действующих лиц, способствует

более полному представлению происходящих событий» (Максимов 2007, с.274). Интернет-язык по большому счету представляет собой полилог множества пользователей, об интонационной окраске речи которых можно составить слабое представление лишь по пунктуационным знакам. Впрочем, иногда пользователи описывают собственную интонацию, создавая своего рода ремарки:

Можно мне тоже этот файлик скинуть? Скромненько так попрошу.

Не устану громогласно повторять: НЕ ФЛУДИМ!!!

I cry loud STOP THAT STUPIDITY!

Высказывания пользователей, характеризующие интонацию их сообщений, могут выделяться знаком '*' (звездочка):

*Нет у меня ни времени, ни денег. Да и зачем оно мне надо?*уговариваю себя из последних сил**

**severely* I won't stop trying!!!*

Также для этой цели используются круглые скобки:

Иииии!!! Какая прелесть!!!! (Восторженно визжу!)

A gorgeous idea!!! (I'm so excited!)

Проанализировав собранный материал, можно прийти к выводу, что фонетические средства выражения эмоций в Интернет-среде разнообразней и частотность их использования и в русском, и в английском Интернет-языках несравненно выше, чем в литературных формах рассматриваемых языков. Отмечается ряд стилистических приемов, характерных для Интернет-языка, но несуществующих в литературном языке или нетипичных для него: чрезмерная пролонгация звуков в эмоционально-значимых словах, чрезмерное скандирование, иногда с использованием атипичной разбивки на слоги, намеренное нарушение орфографии, выделение логического ударения всеми доступными пользователю способами, обильное употребление интонационных знаков препинания. Исходя из этого, постулируем следующее: фонетика Интернет-языка отличается выраженной эмоциональностью и максимально приближена к фонетике устной речи. Сравнительный анализ русского и английского Интернет-языков позволяет сделать вывод о более яркой эмоциональной окраске фонетики Рунета, поскольку в ней существуют средства выражения эмоций, отсутствующие в англоязычном Интернете: эмфатический перенос словесного ударения, выделение латиницей логического центра высказывания, а такие средства эмоциональной фонетической окраски речи, как скандирование и намеренное нарушение фонетики и орфографии используются значительно чаще, чем в английском языке.

Литература

1. Буторина Е. А Поговорить? Интернет как лингвистический феномен // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: русский язык для всех. – http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_11
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пос. для студентов вузов. – М., 2001.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М., 2003.
4. Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику // Архивы форума «Говорим по-русски»: – http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm

5. Дедова О.В. Антиорфография в Рунете // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы III междунар. конгресса исследователей русского языка. – М., 2007. – С.342-344.
6. Максимов В.И. Стилистика и литературное редактирование: учебник. – М., 2007.

Е.В. Дворникова

Второстепенное признаковое сказуемое во французском и русском языках

Появившаяся в последние десятилетия тенденция семантизации синтаксической науки привела к пересмотру отдельных теоретических представлений о природе и сущности таких базовых понятий синтаксиса, как предложение, члены предложения, сказуемое. Учитывая семантико-функциональные характеристики сказуемого, А.М. Ломов рассматривает его как двуслойный синтаксический феномен, состоящий из вещественного и бытийного компонентов. Вещественный компонент обозначает признак, соотнесенный с предметом-подлежащим, а бытийный компонент указывает на наличие/отсутствие связи между составляющими грамматического ядра. Основываясь на семантико-функциональном подходе, А.М. Ломов выделяет следующие основные типы сказуемого, соотносительные с типами предложений: предметные, признаковые и процессные. Дальнейшая последовательная реализация семантико-функционального подхода к сказуемому и второстепенным членам предложения приводит к решению вопроса о квалификации предложений типа *Они вернулись довольные*, которые долгое время оставались предметом для дискуссий. В новой семантической парадигме изучения синтаксиса сказуемое подобных конструкций трактуется как *двойное сказуемое*, которое состоит из *первого* сказуемого, выражаемого глаголами действительного и страдательного залога, и *второго* сказуемого, пониженного в ранге по сравнению с первым и образующего с ним единый блок, который эксплицируется различными формами: существительными, прилагательными, причастиями и деепричастиями. В рамках семантико-функционального подхода с учетом иерархизированного представления пропозиций А.М. Ломов и его ученики выделяют явление принципиально иного порядка, чем второе сказуемое – *второстепенное сказуемое*: *Он считал ее красивой*. Второстепенное сказуемое не вступает в связь с подлежащим и не образует единого блока с первым сказуемым. Оно связывается с аналогом подлежащего, формально представленным дополнением, и функционирует аналогично сказуемому придаточного предложения, формируя небазисную пропозицию (Ломов 2004, с. 309). А.М. Ломов и его ученики разработали классификацию типов второстепенного сказуемого в русском языке, а Е.А. Алексеева предложила соответствующую типологию французского второстепенного сказуемого (Алексеева 2004, с. 15).

В данной статье мы рассмотрим второстепенное признаковое сказуемое во французском и русском языках в предложениях типа: *Tous la trouvaient belle*; *Все считали ее красивой*. Согласно А.М. Ломову, сказуемое осуществляет квалификацию подлежащего по тем или иным коммуникативно значимым параметрам, набор которых ограничен. Точнее, такую квалификацию

осуществляет не все сказуемое в полном объеме, а лишь его вещественный компонент. Вещественный компонент в предложениях с второстепенным признаковым сказуемым называет признак, характеризующий грамматический предмет. В рамках речевой действительности действуют два разных способа призначной квалификации предмета-подлежащего – феноменологический и генетический. Феноменологический способ имеет дело с признаками в функции атрибута и выводит данный определяемый предмет из ряда ему подобных самим фактом указания на его те или иные коммуникативно значимые параметры: цвет, вкус, состояние, принадлежность другому предмету, а генетический способ используется только при характеристике опредмеченных ситуаций в позиции подлежащего (Ломов 1994, с. 142). Второстепенное признаковое сказуемое предполагает призначную квалификацию предмета-аналога подлежащего, используя при этом из двух возможных способов только первый, разрешающий прямую номинацию признака: *Elle le trouve magnifique avec ses horribles sandales* (Gavalda); *В третий выезд меня назначили ответственным за работы на отдельном участке* (из журн.) и косвенную: *Jeanne se sentait tellement heureuse qu'elle avait grand-peine à ne point jeter des cris d'allégresse* (Maupassant); *Свою жизнь она изображала совсем не такой, какой была та на самом деле* (Кочетов).

Сокращение способов квалификации влияет на набор репрезентантов вещественного компонента второстепенного признакового сказуемого. И в русском, и во французском языках в роли репрезентантов второстепенного признакового сказуемого могут выступать следующие языковые единицы:

1. Прилагательные: качественные – *Mais Anne voit bien que je suis malheureux, et ça la rend malheureuse de ne pas en être la cause* (Beigbeder); *Проект был амбициозным, проектировалось здание высотой в сотни метров, статуя же вождя предполагалась настолько массивной, что одна только его ладонь могла бы служить площадкой сразу для нескольких вертолетов* (из журн.), которые могут изменяться по степеням сравнения: *Sa beauté même, sa figure de « beau cavalier » rendaient plus drôles sa maladresse et sa peur* (Maupassant); *Однако же, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья посланце всех пампушечек и галушечек* (Гоголь); *Faisons notre université la meilleure* (из разг. речи); *Из всех физических нагрузок Корнелия считает самой эффективной водную аэробику* (из газ.) и, реже, относительные: *Mais, au lieu d'éprouver de la satisfaction, il s'accuse, au contraire. Il se trouve bestial* (Boileau-Narcejac); *Поль, внимательно слушавший своего сына, нашел его идею логичной* (из газ.);

2. Местоимения: *Des sentiments mouvants et contradictoires la submergent, d'abord un sentiment d'injustice, elle qui a choisi de rester fidèle à l'homme qu'elle aimait, fidèle aux lieux aussi, à cette chambre du Ritz qu'elle considère comme la sienne* (Fiemeyer); *И народ меня таким принял* (из газ.);

3. Наречия – предикативы оценки: *Je les ai trouvés mal* (Stendhal); *Работу они сделали на славу* (из газ.);

4. Адъективированное причастие: *Jeanne et le vicomte se trouvaient côte à côte, un peu troublés tous les deux* (Maupassant); *Вчера я обнаружил ее заплаканную* (из газ.).

В обоих языках репрезентант второстепенного признакового сказуемого может употребляться изолированно или подвергается распространению с помощью следующих маркеров:

- наречий, частиц со значением интенсивности, полноты признака: *Elle l'avait trouvé plutôt mal (Bernanos); Я обнаружила наше деревце совершенно голым (из газ.); Je le vis si écrasé par ces trois absences, si seul, que j'étendis la main vers lui et touchai son bras (Sagan); Проект был амбициозным, проектировалось здание высотой в сотни метров, статуя же вождя предполагалась настолько массивной, что одна только его ладонь могла бы служить площадкой сразу для нескольких вертолетов (из журн.);*

- сравнительных частиц: *Le marquis ne put cacher un pâle sourire, tandis qu'une ombre rendait le comte plus grave (Zola); Сегодня я нашел ее более спокойной, чем вчера (из разг. речи);*

- сравнительного оборота или придаточного предложения: *Et la flamme pâle des bougies qu'agitaient des souffles déplaçait à tout moment les ombres de son visage, la faisait vivante comme si elle eût remué (Maupassant); Я чувствовала себя совершенно разбитой, как будто я не спала всю ночь (из разг. речи); Ils fouillèrent, avec l'intelligence des rats, tous les coins de sa maison, la laissèrent nue comme un cadavre (Balzac); Она обнаружила его красным, как рак (из разг. речи).*

Особенностью репрезентанта второстепенного признакового сказуемого во французском языке является то, что он может находиться в непрямой конструкции, когда сказуемое выражено глаголом с дополнительным предлогом (*passer pour, prendre pour, traiter de, en, considérer comme, tenir pour*): *Le retour à Beauvais est cependant douloureux : l'un de ses frères accepte mal de voir Sylvain devenir sa soeur tandis que certains de ses voisins le traitent de transsexuel, voire de pédophile (Le Monde) или разъяснительной частицей *comme*, выражающей сопоставление предметов и признаков, о которых идет речь, с другими предметами и признаками: *Pourquoi se sentait-elle comme meurtrie, pourquoi cette maison, ce pays cher, tout ce qui, jusque-là, faisait frémir son cœur, lui semblaient-ils aujourd'hui si navrants?* (Maupassant).*

Можно отметить еще одну особенность прилагательного, репрезентирующего второстепенное признаковое сказуемое во французском языке – при нем может находиться предложное дополнение с инфинитивом или существительным, при этом образуется переходная конструкция прилагательного. Дополнение при прилагательном выражает ограничение признака, показывает, в чем этот признак проявляется, его локализацию, причину (*rouge de honte, fier de son fils, facile à raconter*): *La baronne et son mari jouaient mollement une partie de cartes dans la clarté ronde que l'abat-jour de la lampe dessinait sur la table; tante Lison, assise entre eux, tricotait; et les jeunes gens accoudés à la fenêtre ouverte regardaient le jardin plein de clarté (Maupassant); Cet hiver-là, les lettres de Philip se faisaient plus rares, les réponses plus difficiles à écrire (Levy).*

Как уже было сказано, вещественный компонент второстепенного признакового сказуемого в двух языках выражается преимущественно качественными прилагательными. Существует целый ряд классификаций прилагательных, основанных на различных параметрах. Так, А.Н. Шрамм подразделяет качественные прилагательные на две семантические группы: эмпирийные и рациональные (Шрамм 1979, с. 23). Д.И. Арбатский, Е.Д. Арбатская предлагают деление прилагательных на предметно-качественные, качественно-однородные и градуальные. Вслед за А.М. Ломовым, Е.И. Бегенева,

взяв за основу классификации характер прилагательных, подразделяет их на нейтральные и оценочные (Бегенева 1999, с. 142).

Мы, вслед за Е.А. Алексеевой, исследуем лексико-семантические свойства прилагательных, репрезентирующих второстепенное признаковое сказуемое, в двух планах: внутреннем и внешнем (Алексеева 2005, с. 163).

Внешнее семантическое значение имеет наблюдаемый, видимый, осязаемый характер, оно может определять физический облик предмета-аналога подлежащего. Внешние признаки предмета определяются на основе следующих параметров:

- размер предмета (лица): *Les yeux sur la table, tous quatre maintenant se faisait petits, tandis qu'elle les tenait sous ses anciennes savates boueuses de la rue de la Goutte-d'Or, avec l'emportement de sa toute-puissance* (Zola); *Короткая юбочка-клеш сделала стройные ножки Жанны массивными, а цвет грязного золота смотрелся, скажем так, дешево* (из газ.);

- протяженность предмета (лица): *La nuit s'annonçait longue* (Levy); *Мы нашли дом длинным, серого цвета* (Саган);

- цвет предмета (лица) (как собственно цвет, и как отражение душевного состояния): *Le comte s'approcha de la psyché, se vit très rouge, de fines gouttes de sueur au front* (Zola); *Мы нашли дом длинным, серого цвета* (Саган);

- внешнее покрытие предмета (лица): *Inconsciemment ou non, sa main cherchait celle du petit clergeon, qui la sentit sèche et brûlante* (Bernanos) и как отражение внутреннего состояния: *Et même si ma cause était juste je me suis sentie si sale dans son regard* (Levy); *В это утро я обнаружил Петра Васильевича мокрым от пота и с головной болью, клецами стиснувшей ему виски* (Максимов);

- состояние существования предмета: *Le Japon privilégie les algues, le riz, le soja et le poisson que l'on sert cru ou cuit, coupé en fines tranches sous forme de suchis (boulettes de riz, soja et poisson cru) et de sashimi (poisson cru)* (Baratto); *Нонапль едят как жареным, так и тушеным, и сырым в салатах и канапе* (из журн.);

- возраст предмета (лица): *J'avais un poids d'impatience, de sang aux poignets, je me sentais jeune, ridiculement jeune* (Sagan); *Ее начали обучать языкам совсем маленькую* (из разг. речи);

- внешний вид предмета (лица): *Nana la trouvait laide et sans chic* (Zola); *Ее увили на допрос неодетую* (из газ.);

- запах, издаваемый предметом (лицом): *Satin proposait des brasseries que Nana trouvait infectes* (Zola); - *Сущая безделица, Хавронья Никифоровна; батюшка* всего получил за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, киншей с сотню, а кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, *яйца* же большую частью *протухлые* (Гоголь);

- положение в пространстве предмета (лица): *Elle le regarda immobile sans lui parler* (Levy); *Он ее обнаружил неподвижной* (из газ.);

- количество/очередность предметов (лиц): *À cette heure, sur le boulevard Haussmann, les passants se faisaient rares* (Zola); *Il faut l'appeler le premier* (из разг. речи); *Убьют они его первого* (братья Стругацкие).

Внутренняя характеристика лица, заключенного в предмете-аналоге подлежащего, неоднородна. Во-первых, она подчеркивает черты характера, отражает эмоциональное, душевное состояние, настроение, не имеющие внешнего обнаружения.

- Черты характера: *Le cou tendu vers la tribune officielle, il se sentait solidaire de la nation en deuil* (Troyat); *À peine sorti, il se retourna et lui enjoignit de l'attendre à l'intérieur. Elle ne l'avait jamais connu autoritaire* (Levy); В «Капитанской дочке» же Пушкин изображал Пугачева бесстрашным и великодушным, крепко помнящим сделанное ему добро... (Вересаев).

Душевное состояние, настроение, окрашенные положительными эмоциями :

- свобода, счастье: *Je me sentais si heureuse!* (Zola); *Brusquement, dans le regard de cette femme, il se voyait libre, décidé, à nouveau léger et fort comme il l'avait été toute sa vie* (Sagan); *Ведь до рождения сына я представляла себя счастливой*, мечтала о том, как мы будем вместе играть, бегать, как я буду водить его в детский сад, мы будем путешествовать (из журн.);

- восхищение, любовь: *Jolyet se sentait attendri* (Sagan); *Кроме всего прочего, я, наконец, была почти горда собой : Люк думает обо мне, уважает меня; я имела право считать себя до некоторой степени интересной, вызывающей уважение, желанной* (Саган);

- удовлетворенность, спокойствие: *À la fin de la semaine j'étais sûre d'attendre un enfant de Bertrand, et je me sentis plus calme* (Sagan); *Faugère avait souhaité ce succès ; il l'avait préparé de longue main. Fougères, maintenant, devait s'estimer satisfait* (Boileau-Narcejac); *К счастью, я чувствовала себя совершенно взрослой, взрослой и пресыщенной* (Саган);

- способность, готовность к восприятию чего-либо или к совершению действий: – *Vous me voyez prêt à tout, dit le président* (Balzac); - *Je ne voudrais pas te blesser mais je ne te croyais pas capable de cela* (Boileau-Narcejac); *Я чувствовала себя способной на это* (из разг. речи);

Душевное состояние, настроение, окрашенные негативными эмоциями:

- ощущение стыда, униженности: *Il avait sa correction habituelle, linge fin, redingote irréprochable ; et elle se trouva honteuse d'être vue par lui dans la rue en peignoire, ébouriffée, traînant des savates* (Zola); *Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких мало...* (Чехов);

- ощущение смущения, неловкости: *Elle lui rend son sourire et hurle à son tour : Pour quelqu'un qui se disait timide, vous avez fait des progress!* (Levy); *Эти изменения в психике и организме подростков делают их крайне чувствительными, застенчивыми и недоверчивыми, часто замкнутыми или агрессивными* (из журн.);

- ощущение потерянности, отчаяния, опустошенности, одиночества: *Mes oreilles bourdonnaient. Je me sentais vide* (Sagan); *Я чувствовал себя одиноким в этом огромном мире* (из газ.);

- ощущение несчастья, усталости, болезни: *Je le savais malheureux de ne plus me voir et cela m'empêchait de l'être vraiment moi-même* (Sagan); *Они застали ее в доме совсем больной* (из газ.);

- ощущение равнодушия, безразличия, грусти: *Je la regardai s'éloigner, superbe, indifférente* (Boileau-Narcejac); *Я увидел ее грустную* (из разг. речи);

- ощущение беспокойства, волнения: *Comme j'entrais chez l'abbé pour lui demander s'il ne pourrait pas pousser un peu Jumauge aux confidences, je le vis extrêmement soucieux* (Boileau-Narcejac); *Я вдруг почувствовала себя слабой и незащищенной* (Саган);

- ощущение неспособности, невозможности реализации действия: *Mais il la sentait menteuse, incapable de se garder, se donnant aux amis, aux passants, en bonne bête née pour vivre sans chemise* (Zola); Я чувствовала себя неспособной жить дальше (Саган).

Таким образом, репрезентанты вещественного компонента второстепенного признакового сказуемого, а также лексико-семантические свойства этих репрезентантов в русском и во французском языках по многим параметрам совпадают. В качестве основного репрезентанта данного типа сказуемого в двух языках выступают качественные (реже – относительные) прилагательные, которые могут употребляться во всех трех формах степени сравнения (положительной, сравнительной и превосходной), подвергаться распространению посредством различных маркеров интенсивности, сравнения, обладают внешними и внутренними лексико-семантическими свойствами.

Литература

1. Алексеева Е.А. Второе сказуемое во французском языке : дис. ... докт. филол. наук . – Воронеж, 2005.
2. Алексеева Е.А. Второе сказуемое, выраженное неличными формами глагола, во французском языке. – Воронеж , 2004.
3. Бегенева Е.И. Вторые и второстепенные сказуемые в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 1999.
4. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж, 2004.
5. Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж, 1994.
6. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. – Л., 1979.

Е.Н. Дурова

Способы выражения процессуального состояния субъекта (на материале русского и испанского языков)

Настоящая статья посвящена изучению способов передачи процессуального состояния одушевлённого субъекта в русском языке и соответствующих эквивалентов в испанском. Русским конструкциям типа *Мне не спится* нет прямых соответствий в испанском языке, что доставляет немало трудностей при их переводе. Опираясь на концепцию В.Ю. Копрова, мы исследуем семантико-структурную организацию и функционирование одноактантных личных и безличных глагольных предложений как средств выражения процессуального состояния субъекта в русском и испанском языках (Копров 2010, с. 128).

В русском языке процессуальное состояние субъекта выражается глагольными личными (*Я сплю, Я не могу спать*) и безличными конструкциями (*Мне спится*). Данные конструкции относятся к одноактантным вербальным предложениям с типовым значением «предмет и его признак» и имеют инвариантную семантическую структуру «субъект и его состояние».

При изучении способов передачи данной ситуации в испанском языке мы опираемся, прежде всего, на традиционную точку зрения Грамматики испанской академии (Alarcos Llorach 2003).

Ситуация процессуального состояния субъекта в русском языке выражается несколькими способами.

1. Личными предложениями с глаголами ЛГР процессуального состояния: *лежать, сидеть, кашлять, забываться, краснеть и др.* Значением процессуального состояния обладают глаголы несовершенного вида.

В испанском языке существуют следующие способы передачи данного значения:

а) чаще всего русским личным конструкциям соответствуют испанские личные конструкции, сравните: *Все люди болеют, все люди стареют, все люди умирают...* (Л. Толстой) – *Todos los hombres enferman, todos los hombres envejecen, todos los hombres mueren* (перев. Victor Gallego Ballestero); *В это время Чонкин, накануне помирившись с Нюорой, ещё спал* (В. Войнович) – *A esa misma hora, Chonkin, que se había reconciliado con Niura la víspera, dormía aun* (перев. Antonio Samons García);

б) конструкцией *estar* (находиться) + причастие или прилагательное передаётся значение состояния: *Альберт сидел в тёмной передней и, облокотив голову на руки, смотрел в топившуюся печь* (Л. Толстой) – *Albert estaba sentado en el oscuro recibidor y, con la cabeza apoyada en las manos, contemplaba la estufa encendida* (перев. Victor Gallego Ballestero);

в) при помощи вспомогательного глагола *llevar* и прилагательного выражается значение длительности состояния: *Ребенок болел вторую неделю* (Л. Толстой) – *El niño llevaba enfermo dos semanas* (перев. Victor Gallego Ballestero);

г) конструкцией с вспомогательным глаголом *estar* и герундием обозначается состояние в его развитии. Например: *Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились* (Л. Толстой) – *No se si era algo bueno o malo, pero por aquel entonces en nuestra Universidad no había ningún tipo de círculos ni teorías políticas de ninguna clase; simplemente éramos jóvenes y vivíamos como suele hacerlo la juventud, estudiando y divirtiéndonos* (перев. Victor Gallego Ballestero); *А в соседней комнате спит Изабель, – подумал Kern* (В. Набоков) – *Isabel está durmiendo en la puerta de al lado, – pensó Kern* (перев. эл. ресурс);

д) русским конструкциям с модальным глаголом *мочь* обычно соответствуют испанские конструкции с модальным глаголом *poder*, сравните: *Или люди узнают и скажут жене, или я сам скажу ей, потому что не могу я лгать, не могу я так жить. Не могу* (Л. Толстой) – *La gente se enterará y se lo dirá a mi mujer o se lo diré yo mismo porque no puedo mentir ni vivir así. No puedo* (перев. Victor Gallego Ballestero).

2. В русском языке, помимо личных одноактантных конструкций (*Я сижу*), имеются близкие по значению, но отличающиеся по семантике, безличные возвратные конструкции (*Мне (не) сидится*). Поэтому здесь имеется возможность выбора той или иной конструкции для выражения одной и той же инвариантной семантической структуры, например: *Вчера я не спал – Вчера мне не спалось.*

Русским возвратным безличным конструкциям нет прямых соответствий в испанском языке. Подобные значения передаются следующими способами:

1. Личными конструкциями:

а) при помощи личных глаголов: *Мне всегда как-то лучше работается за городом, в особенности весной* (М. Булгаков) – *No sé por qué, pero siempre trabajo mejor fuera de la ciudad, sobre todo en primavera* (перев. эл. ресурс); *Всякий посетитель, если он, конечно, был не вовсе тупицей, попав в Грибоедова, сразу же соображал, насколько хорошо живётся счастливцам – членам МАССОЛИТА, и черная зависть начинала немедленно терзать его* (М. Булгаков) – *Cualquier visitante — por supuesto, si no era irremediablemente tonto — se daba cuenta en seguida de llegar a Griboyedov de lo bien que vivían los dichosos miembros de MASSOLIT y rápidamente sentía la comezón de la verde envidia* (перев. эл. ресурс);

б) при помощи конструкции *permanecer* + причастие, которая обозначает состояние как результат закончившегося действия. Благодаря семантике *permanecer* состояние приобретает длительный характер, например: ...я притворялся, что слушаю, глядел на его усы, баки, на крупные волосы на конце носа, а сам так ждал Натали и Соню, что **не сиделось** на месте... (И. Бунин) – ... yo fingía escucharle contemplando sus patillas, el bigote y los pelillos que le salían de la nariz, pero estaba tan impaciente porque llegaran Natalia y Sonia, que **apenas si podía permanecer sentado** (перев. Т. Engo de Valero). – *Разумихину не сиделось на стуле* (Ф. Достоевский) – *Rasumikhine hacía inauditos esfuerzos para permanecer en su silla* (перев. эл. ресурс);

г) при помощи одноактантных личных конструкций

Значение предложения *Мне не спится* передаётся перифразой: *conciliar el sueño*: *Иван Тимофеевич выпил почти всю кринку, разделся и лёг. Но ему долго **ещё не спалось*** (В. Войнович) – *Ivan Timofeievich casi se bebió la totalidad y, tras desnudarse, se metió en la cama. Pero tardó largo tiempo en conciliar el sueño* (перев. Antonio Samons García); *Гладышеву не спалось* (В. Войнович) – *Gladishov no conseguía conciliar el sueño* (перев. Antonio Samons García).

Безличной русской конструкции *Мне нездоровится*, в испанском языке соответствуют различные личные конструкции с глаголами *encontrarse, sentirse, estar*: *Да и так мне надо приглядеть за старшим мальчиком, — ты же знаешь, ему со вчера **нездоровится**!* (Л. Толстой) — *Soy yo la que debe cuidar a nuestro hijo mayor, **no está tuy bien** desde ayer* (перев. Victor Gallego Ballester); *Процайте, Макар Алексеевич. Более писать теперь не о чем, да и не могу: ужасно **нездоровится*** (Ф. Достоевский) – *Quede usted con Dios, Makar Aleksievich. No tengo más que escribirle ni tampoco podría; **me siento verdaderamente tuy mal*** (перев. эл. ресурс); *Яша. Что, дедушка? Фирс. **Нездоровится*** (А. Чехов) – *Iascha: ¿Qué hay..., abuelo? Firs: No me encuentro **tuy bien**...* (перев. Juan López-Morillas).

д) при помощи конструкции *tener* (иметь) + существительное: *Варя. Что же ты не спишь, Аня? Аня. Не спится. **Не могу*** (А. Чехов) – *Varia: ¿Por qué no duermes, Ania? Ania: No tengo sueño. Me es imposible* (перев. Juan López-Morillas);

е) при помощи личных предложений с глаголом *poder*: – *Так-с, так-с, – **не сиделось*** Порфирию, – мне почти стало ясно теперь, как вы на преступление изволите смотреть-с... (Ф. Достоевский) – *Lo cierto es — dijo Porfirio, que **apenas podía mantenerse en su puesto de juez** — que ahora comprendo casi enteramente sus puntos de vista sobre el crimen* (перев. эл. ресурс); *Бабушка из себя выходила, на месте ей **не сиделось**, даже кулаком стукнула по столу, когда крupper провозгласил «trente six» вместо ожидаемого zéro* (Ф. Достоевский) – *La abuela*

estaba fuera de se, no podía parar en la silla, y hasta golpeó la mesa con el puño cuando el banquero anuncio trente-six en lugar del ansiado zero (перев. эл. ресурс); *Мне не сиделось у себя* (Ф. Достоевский) – **No podía parar** en mi habitación (перев. эл. ресурс);

ж) при помощи личных конструкций с метафорическим значением или устойчивых выражений, передающих смысл русских безличных конструкций: «Акулька! я тебя теперь убью, говорю». *Ночью-то не спится, вышел в сени кваску испить, а тут и заря заниматься стала* (Ф.Достоевский) – «Akulka, tengo que matarte». *No pude pegar ojo en toda la noche. apenas fue de día salí de la alcoba para beberme el kvas ...* (перев. эл.ресурс); *Процай, может, вспомнишь когда своих хозяев, и уж не сердись, коли жилось тут не так покойно*, как бы надо было (Л. Толстой) – *De vez en cuando acuérdate de su anfitrión y perdónele si su estadía no estuvo exenta de adversidad, como el habría deseado* (перев. Victor Gallego Ballester); *После завтрака она угостила Фреда пахучей папиросой, кончик которой был обтянут алым лепестком и, прикрыв глаза, заставила его рассказывать, как ему живётся* (В. Набоков) – *Después del desayuno le ofreció a Fred un cigarrillo perfumado cuya boquilla parecía un petalo rojo y, entrecerrando los ojos; hizo que le contara cosas de su vida* (перев. эл. ресурс); *Ему всё не спалось* (Ф. Достоевский) – *El sueño seguía huyendo de él* (перев. эл. ресурс);

2. При помощи безличных конструкций. Безличная форма образуется при помощи местоимения *se* и глагола 3 л. ед. и мн. числа. Субъект в таких предложениях является неопределенным: *Однажды он целую зиму совсем не топил своей комнаты и утверждал, что это даже приятнее, потому что в холода лучше спится* (Ф. Достоевский) – *Se le había visto pasar todo un invierno sin fuego, y él decía que ésto era agradable, ya que se duerme mejor cuando se tiene frío* (перев. эл. ресурс); *Горы вырастали. Чувствовался медленный, но непрерывный подъем. Дышалось легче* (Д. Мережковский) – *Las montañas iban elevándose. Se tenía la impresión de una ascensión lenta, pero ininterrumpida. Se respiraba mejor* (перев. Juan Santamaría).

Таким образом, в синтаксических подсистемах обоих языков в данной сфере наблюдаются существенные различия. Отсутствие в испанском языке прямого эквивалента русских безличных конструкций заставляет учащихся во всех ситуациях использовать только наиболее понятные для них синтаксические формы, которые являются, как правило, аналогами форм родного языка. Поэтому разработка вопросов функционально-сопоставительного синтаксиса имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Литература

1. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.
2. Alarcos Lorach E. Gramática de la lengua Española. (Real Academia Espanola : Colección Nebrija y Bello). — Madrid : Espasa, 2003.

Н.А. Караваева

Основные особенности русских и английских сложноподчиненных конструкций, выражающих отношения ВЫВОД-АРГУМЕНТАЦИЯ

В русском и английском языках имеются сложноподчиненные предложения (далее СПП), выражающие отношения ВЫВОД-АРГУМЕНТАЦИЯ. Такие СПП называют две ситуации, одна из которых – всегда реального плана и представляет собой *основание* для другой ситуации – ментального плана, вывода, который адресант делает, исходя из имеющейся информации: *По-видимому, был глухой, поздний час ночи*^{вывод}, *так как в пустоте неверного света мачтовых фонарей я увидел только один, почти слившийся с бортом и мраком озера, силуэт женихны*^{основание} (А.Грин); *He must have looked grim and resentful*^{вывод}, *because she put a hand on his arm as he passed*^{основание} (D.Lodge).

В пособиях по русской грамматике такие СПП принято называть причинно-аргументирующими. Они составляют подкатегорию причинно-следственных СПП и рассматриваются отдельно, так как хотя и выражают, по сути, отношения ПРИЧИНА-СЛЕДСТВИЕ, но в несколько трансформированном виде (см. выше). В английских же грамматических пособиях данный вид предложений вовсе не выделяют, и даже не упоминают об их существовании. Тем не менее, анализ показывает, что подобные СПП представлены в английском языке не менее широко, чем в русском. Рассмотрим основные особенности рассматриваемых конструкций в обоих языках.

Выделяют два типа информации, исходя из ее «качества» – *характерную* и *некарактерную*. Первый тип представляет собой информацию, которая позволяет говорящему судить о событии «непосредственно, без привлечения логического вывода и общих знаний» (Яковлева 1994, с. 219). Информация второго типа – некарактерная – «описывает не само событие А, но сопутствующие, соотносимые с ним события и явления», на основе которых говорящий делает определенный логический вывод (там же, с. 219). Последний вид информации как раз и представлен в предложениях, выражающих отношения ВЫВОД-АРГУМЕНТАЦИЯ.

В качестве формальных показателей связи между частями английских и русских СПП с придаточными причинно-аргументирующими значения может выступать лишь ограниченное количество союзов – русские *потому что, так как и, редко, ибо*; английские *because, as, since и for*: Я, кажется, еще не писал тебе про американскую аптеку. Там можно позавтракать, купить игрушку, книгу... Но все-таки это аптека, потому что в Вашингтоне мне подавал кофе, масло, поджаренный хлеб и апельсиновый сок доктор (И.Ильф, Е.Петров); Я понял. Должно быть, это понял и Бутлер, видевший у Геза ее совершенно схожий портрет, так как испуганно взглянул на меня (А.Грин); Он успел, по-видимому, смотаться на Енисей, ибо был во фрачном наряде, но мокр с головы до ног (М.Булгаков); *But he must have spoken the thought aloud, because Mary Makepeace asks him if Jane Austin was the name of his great-grandmother* (D.Lodge); *It definitely was here yesterday, as I saw it myself!*; *But perhaps that was not an instance of editorial licence since, as soon as the report was published, several residents of Limehouse confirmed that they had been among the mob which had*

pursued the creature and watched it disappear (P.Ackroyd); *McGrotty was not wholly illiterate, for on the saddle lay a dog-eared paperback called 'Zen and the Art of Motorcycle Maintenance'* (A.Gray).

В подавляющем большинстве СПП с придаточными причинно-аргументирующего значения употребляются квалификаторы истинности сообщаемого: наречия *видимо, по-видимому, наверное, вероятно, очевидно, безусловно, несомненно* и фразеологически связанные словосочетания типа *может быть, скорее всего, должно быть* (Распопов, Ломов 1984). Традиционно этим конкретизаторам отводится скромная роль показателей степени уверенности (неуверенности) автора высказывания в *достоверности причины генерируемой ситуации* (Андромонова 1977, с. 144): *Наверное, Инна правильно себя вела в камере, потому что довольно скоро ее оставили в покое* (П.Дашкова). Однако, на наш взгляд, указанные элементы выполняют в предложении несколько более сложную функцию. Во-первых, с их помощью автор высказывания подвергает сомнению правильность собственного *вывода*. Во-вторых, они указывают на определенный *тип информации*, содержащейся в предложении. Указанные квалификаторы явно неоднородны и распадаются на две группы: первую составляют *безусловно, очевидно, бесспорно, свидетельствующие о том, что говорящий расценивает информацию как достаточное основание и почти уверен в своем выводе*; во вторую входят *наверное, может быть, видимо, по-видимому*, сигнализирующие о высокой степени *неуверенности* адресанта.

Как правило, указанные квалификаторы играют конституирующую роль: без них предложение становится некорректным. Ср.: *Наверно, было очень поздно, потому что никто не ходил по лестнице* (А.Битов) - ^{*}*Было очень поздно, потому что никто не ходил по лестнице*. Очевидно, что экспликация модальной рамки является обязательной, если нехарактерная информация, по мнению адресанта, оказывается недостаточной для того, чтобы считать собственный вывод максимально достоверным.

В предложениях с придаточными причинно-аргументирующего значения, содержащих нехарактерную, но достаточную с точки зрения говорящего информацию, употребление квалификаторов является, в большинстве случаев, факультативным: *В крепости что-то произошло, так как луч начал кроить тьму по всем направлениям, попадая, главным образом, в облака* (А.Грин) = *Видимо, в крепости что-то произошло, так как луч начал кроить тьму*. При отсутствии квалификаторов метатекстовый характер причинного союза указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с основанием и выводом. Первое предложение можно преобразовать в «*Могу сказать: в крепости что-то произошло, так как луч начал кроить тьму*» (Вежбицка 1978).

Важно, что в английских причинно-аргументирующих предложениях сигналом высокой степени *неуверенности* автора высказывания в достоверности вывода служат только лексические модальные квалификаторы истинности сообщаемого (*perhaps* - наверное, *maybe* - может быть, *I suppose* - я полагаю, *I think* - я думаю): *I hadn't eaten so I suppose it was going straight into the bloodstream because I was dizzy when I stood up* (J.Galloway). Напротив, сигналом высокой степени *уверенности* говорящего служат как лексические (*evidently* - явно, *surely* - наверняка), так и грамматические квалификаторы: сочетания модального глагола *must* с различными формами инфинитива: *This time it was an*

old lady, evidently a regular caller, for Boon rolled one eye in despair at the sound of her slow, quavering voice (D.Lodge); Well, after what you'd said in your last letter about Mr. Zapp's reputation, I drew my own conclusions, which must have been pretty clearly written on my face, for he hastily assured me that he was not responsible (D.Lodge).

Как уже отмечалось выше, в предложениях с придаточными причинно-аргументирующего значения ситуация-основание (генерирующая ситуация) – всегда реального плана. В *придаточном предложении*, которое называет указанную ситуацию, употребляются глаголы в изъявительном наклонении, то есть мы имеем дело с *модальностью реальности*: *Тоббоган вошел со мной, затем он открыл дверь и исчез, надо быть, по своим делам, так как послышался где-то вблизи его разговор с Дэзи* (А.Грин). Что касается гипотетической модальности, то, по всей видимости, ни при каких условиях речь о ней идти не может.

В придаточной части соответствующих английских СПП глаголы также употребляются *только* в изъявительном наклонении, то есть речь идет об объективной реальной модальности. В главной части глаголы также чаще всего употребляются в изъявительном наклонении. В редких случаях сочетание модальных планов частей данных СПП выглядит следующим образом: *опосредованная реальная модальность возможности – непосредственная реальная модальность: She might be here, as I saw her coat in the wardrobe.*

В русских СПП с придаточными причинно-аргументирующего значения возможна постпозиция и, реже, интерпозиция придаточной части: *Я сшиб его с ног. Он, казалось, был рад этому, потому что не обижался* (А.Грин); *Пять или шесть матросов, по-видимому сошедших вниз крадучись, так как я шагов не слышал, стояли наготове, ожидая приказания* (он же).

В СПП с придаточными причинно-аргументирующего значения традиционный порядок следования тема – рема нарушается: *Наверное, и я начала сдавать, потому что времени свободного совсем не стало* (А.Битов). В указанных предложениях постпозиционная или интерпозиционная придаточная часть называет ситуацию, которая является менее значимой для автора высказывания по той причине, что коммуникативной целью адресанта является сообщить адресату о своих предположениях, основанных на реальном факте (в данном случае, на основании факта нехватки времени). Вслед за К.Г. Крушельницкой такой порядок следования частей предложения можно назвать «эмфатическим» (Крушельницкая 2008, с. 62). Он необходим для того, чтобы «новое» в предложении получило «более сильное ударение» (там же, с.63).

В причинно-аргументирующих предложениях в английском языке порядок следования частей является фиксированным, вне зависимости от союзной скрепы, служащей для связи частей: придаточная часть всегда следует за главной: *There was a poster in bright green letters plastered at an angle on the front of the theatre: the manager must have just put it there, because the crowd had gathered to read it* (P.Ackroyd).

Тема-рематическое распределение информации в причинно-аргументирующих предложениях обусловлено фиксированным порядком следования частей: в коммуникативную задачу автора высказывания входит сообщение об умозаключении, сделанном им на основе наблюдения, которое регистрирует придаточное предложение. Таким образом, функцию ремы

выполняет главная часть в препозиции, а функцию темы – придаточная в постпозиции: *It must be a very good film for people come out of the cinema crying hard.*

Подавляющее большинство предложений с придаточными причинно-аргументирующего значения как в русском, так и в английском являются репрезентативами: *Должно быть, мой ответ был для нее очень забавен, так как теперь она уже искренно и звонко расхохоталась* (А.Грин); *Он как будто ждал гостей, потому что по целым дням были открыты и двери и окна во всех комнатах* (из газет); *The red nose was evidently the result of a cold, for she kept sniffing discreetly and dabbing it with a Kleenex* (J.Galloway).

Итак, на основе вышесказанного мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, как в русских, так и в английских СПП, выражающих отношения ВЫВОД-АРГУМЕНТАЦИЯ, в качестве формальных показателей связи между частями выступает ограниченное количество союзов – русские *потому что, так как, ибо*; английские *because, as, since* и *for*. Во-вторых, в рассматриваемых СПП в обоих языках употребляются так называемые квалификаторы истинности сообщаемого, но в русском они представляют собой наречия и фразеологические связанные словосочетания, а в английском, помимо аналогичных, еще и грамматические средства – сочетания модального глагола *must* с различными формами инфинитива. В-третьих, в подавляющем большинстве случаев сочетание модальных планов частей русских и английских причинно-аргументирующих СПП одинаково – объективная реальная модальность (главная часть) – объективная реальная модальность (придаточная часть). В-четвертых, в русских СПП возможна постпозиция и, реже, интерпозиция, а в английских – только постпозиция придаточной части. В-пятых, тема-рематическое распределение информации в русских предложениях аналогично английским: функцию ремы выполняет главная часть, а функцию темы – придаточная. И, наконец, в-шестых, большинство предложений с придаточными причинно-аргументирующего значения как в русском, так и в английском являются репрезентативами. Это вполне объяснимо, ведь единственная иллокутивная цель адресанта – сообщить собеседнику о том, какой он сделал вывод из определенной ситуации

Литература

1. Андрамонова Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. – Казань, 1977.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII, Лингвистика текста. – 1978. – С. 402-421.
3. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. – Воронеж, 1984.
4. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – Изд-во: ЛКИ, 2008.
5. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.

Е.Н. Митрофанова

Функционирование интонации в речи носителей английского языка и в речи изучающих английский язык как иностранный

Рассматривая вопросы, связанные с использованием английского языка как средства межкультурного общения, лингвисты часто отмечают наличие в речи говорящих на английском языке как втором или иностранном таких модификаций, которые появляются в результате упрощения сложных языковых явлений, не свойственных их родным языкам. В этом свете были проанализированы, например, английские предлоги (Mwangi 2004), видовременные формы глагола (Killie 2004), интонация (Вишневская 2002; Blaisdell 2006). Устойчивое воспроизведение определенных модификаций является показателем силы отрицательной интерференции, возникающей на глубинном речемыслительном уровне. Естественно, для ее преодоления недостаточно владеть системой языковых знаний, необходимо развитие на ее базе новых речевых навыков, закрепляющих иные способы реализации известных речевых функций. Однако перед тем, как эти навыки формировать, необходимо четко представлять наиболее уязвимые точки соприкосновения разных языков, различные языковые возможности и предпочтения при выражении идентичных функций, обусловленные культурными моделями построения дискурса (Yajin, Chenggang 2006).

Объектом нашего исследования является интонация английского языка в условиях ее реализации как носителями языка, так и иностранцами (русскоязычными обучаемыми). В качестве предмета исследования рассматривается в сопоставительном плане одна из основных универсальных речевых функций интонации – информационная – с точки зрения конкретноязыковой нормы ее реализации и типичных отступлений от нее под влиянием иноязычной интонации. Материалом исследования является спонтанная монологическая речь на английском языке, непосредственно приближенная к внутренней речемыслительной деятельности (Ахутина 1989), а потому в большей степени подверженная интерференции.

Процедура исследования включала сопоставительный слуховой и элементарный количественный анализ экспериментальных спонтанных монологов, реализованных носителями английского языка (RP) и спонтанных монологов в исполнении студентов 1 курса факультета иностранных языков, изучающих английский язык как иностранный. Для обеспечения возможности смыслового сопоставления монологические тексты строились как пересказы одних и тех же прочитанных про себя письменных текстов.

Сравнительный анализ двух типов интонационных реализаций монологических высказываний показывает существенные расхождения в функционировании интонации при оформлении темы текста. Носители английского языка в 95% случаев выделяли тему в самостоятельную синтагму и оформляли ее перцептивно ярким нисходяще-восходящим тоном:

1) *The famous French novelist...;* 2) *The American ...;* 3) *It was a small class ...;*
4) *I'd like to support ...;* 5) *Real life ...;* 6) *In twenty years' time ...;* 7) *When I was a child ...;* 8) *If you ask me what is a single most important key to longevity*

Из интонационной формы приведенных выше синтагм ясно, что основной темой последующих рассуждений станут: 1) известный французский романист;

2) американец; 3) небольшая группа учащихся и т.д. Поскольку монологи были непродолжительными, то в большинстве случаев говорящие оставались в рамках одной темы, а в 27% монологов переходили к подтеме или новой теме, которые в интонационном плане получали такое же контрастное оформление.

Предпочтительное употребление нисходяще-восходящего тона при выделении темы высказывания вполне соответствует семантической природе этого сложного терминального движения голоса. Его контрастный характер способствует не только выделению, но и противопоставлению данного элемента действительности всем другим. Очевидно, что этот тон выступает для носителей языка как речевой знак топикализации, побуждающий их сконцентрировать свое внимание на данной теме. Другие интонационные средства оказываются недостаточными для выполнения функции выделения темы.

В реализациях монологов студентами в 47% случаев тема не составляла отдельных интонационных групп. Начинальные предложения реализовывались как одна интонационная группа (*Balzac had a very special talent; An American once met a Scotsman.*) Однако в половине случаев тематическая часть предложений была более распространенной и побуждала говорящих к ее отделению от рематического компонента: *The famous French writer, Balzac, I could tell a person's character by his handwriting. An American and a Scotsman I were discussing the cold weather in the North of Scotland.* Но и при синтагматическом отделении темы говорящие, к сожалению, не обеспечивали ей той степени контрастности, которая была присуща носителям языка. Выделяемые темы произносились с различными ядерными тонами: низким восходящим, средним ровным, низким нисходящим. Эти тоны оказывались коммуникативно и риторически недостаточными. Они не обеспечивали высокой степени выделенности соответствующих синтагм в тексте. Более заметный отрицательный эффект влекло употребление в тематической части высокого восходящего тона, что приводило к высотно-мелодическому слиянию окончания тематического элемента и начала рематического. Неподготовленное ухо носителя английского языка не воспринимало такие тематические синтагмы, упускало заложенный в них смысл, устремляя все внимание на достаточно хорошо выделенный рематический компонент. Частотное употребление неуместного в данных случаях высокого восходящего тона (в 20% высказываний) является примером отрицательной интерференции, возникающей вследствие различных функциональных возможностей английского и русского высокого восходящего тона (Митрофанова 2001).

Мы полагаем, что появляющиеся коммуникативные и риторические ошибки при реализации тематических элементов отражают различия в дискурсных стратегиях говорящих на английском и русском языках. Определение и подчеркивание темы сообщения более актуально для носителей английского языка.

Что касается рематической части текста, то она, естественно, имеет больший объем по сравнению с тематической. Текстовый коммент складывается из рем каждой интонационной группы, при этом каждая рема представляет собой то, что можно назвать ключевыми словами или фразами текста. В то же время нельзя сказать, что каждая интонационная группа имеет самостоятельный тематический компонент. Так, в приведенном ниже примере спонтанный монолог посвящен одной теме, представленной обстоятельством времени (*In*

twenty years' time). Эта тема раскрывается в распространенном комменте, выраженной цепочкой выделенных интонацией слов и словосочетаний: *very few young – many older – no compulsory military service – form – coming back ... being – reintroduced – not able ... private motorcars – critical ... unwilling – motorways – railroad ways – less mobile – mobile ... different way*.

In twenty years' time | there will be very very few young people | and there will be many older people. And for example in Britain at the moment there's no compulsory military service. I can see some form of compulsory military service | coming back into being | or being reintroduced. I think we are not going to be able to have private motorcars in twenty years' time | as people are becoming increasingly critical or unwilling to have motorways in their back gardens | or even railroad ways in their back gardens. And somehow we just can have to get used to being less mobile | or being mobile in a different kind of way.

Невыделенные интонацией слова выполняют структурную функцию и связывают антецедентный топик с дистантными рематическими элементами. Невыделенные участки отличаются стандартностью синтаксического оформления, зачастую включающего бытийные структуры (*There will be, there's, I can see some, I think we are going to be, people are becoming unwilling to have, we can have to get used to*).

С точки зрения интонационного оформления интересно отметить, что рематические элементы чаще выражаются словосочетаниями, чем отдельными словами и сопровождаются в 98% синтагм нисходящим тоном низкой или высокой разновидности. Связующие топик и коммент элементы либо не образуют отдельной интонационной группы, либо оформляются низким восходящим тоном, который, как известно, функционирует здесь для затушевывания маловажной, малоинформационной составляющей текста (Митрофанова 2001). Данные участки текста произносятся на низком высотном уровне, при сохранении ритмической решетки отсутствует четкая интонационная модель. Это оформление было интерпретировано другими исследователями как реализация низкой ровной шкалы, процент употребления которой в английской спонтанной речи доходит, по их оценкам, до 90 (Степкина 2004). Однако, в интонационной группе, как свидетельствует приведенный выше пример, тематическая (связующая) часть может располагаться и после рематической в качестве заядерного элемента.

Следует подчеркнуть, что в реализации рематического компонента текста большую роль играют нисходящие тоны (98 %). Незначительный процент отводится низким восходящим тонам (чаще при перечислении) и нисходящем восходящим тонам (при противопоставлении).

Русскоязычные обучаемые не допускали грубых ошибок при выборе ядерного тона в рематическом компоненте, однако иногда им не удавалось достаточно четко очертить интонационные границы рематического компонента за счет того, что связующий элемент не выдерживался на достаточно низком высотном уровне, и между ними не создавалось высотно-мелодического контраста.

Итак, наше исследование показало, что лингвокультурные традиции построения устного дискурса на английском языке требуют от говорящих более выраженного и контрастного в интонационном плане оформления тематических участков, отделения рематических элементов от тематических и связующих. Носители русского языка, перенося навыки интонирования из родной речи в

иноязычную, передают информационную структуру высказываний недостаточно четко. Наиболее значительные расхождения в интонационной реализации информационной структуры текста проявляются в выборе типов ядерных тонов, маркирующих тематические участки высказываний, а также в степени выраженности высотного контраста между связующим (низким) и рематическим (высоким) компонентами. В то время как в русском языке наиболее распространенным средством оформления тематического компонента выступает высокий восходящий тон, в английском языке функцию тематизации выполняет более перцептивно яркий тон – нисходяще-восходящий. Кроме того, если между связующим и рематическим компонентами русской речи не создается заметного высотного контраста, то в английской речи начало рематического участка обязательно маркируется высотным подъемом. Реализация информационной функции неадекватными интонационными средствами приводит не только к нежелательной монотонности и невыразительности английской речи, но и к неопределенности ее тема-рематической структуры.

В отличие от предшествующих сопоставительных исследований английской и русской интонационных систем, данная работа была направлена на выявление не структурно-формальных отличий, а специфики функционирования интонационных систем при реализации ими конкретной речевой функции. Актуальное членение целостного текста и отдельного высказывания с помощью различных лингвистических средств остается открытым полем для дальнейших сопоставительных исследований (Мельников 2000) и требует комплексного лингвистического и психолингвистического подхода.

Литература

1. Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. – М., 1989.
2. Вишневская Г.М. Английская интонация (в условиях русской интерференции). – Иваново, 2002.
3. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. – М., 2000.
4. Митрофанова Е.Н. Учет интонационной семантики при обучении интонации английского языка// Современные проблемы фонетики и обучения иноязычному произношению. – Курск, 2001. – С. 96-107.
5. Степкина И.Ю. Просодические особенности речи молодежи в Великобритании// Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире. – М., 2004. – С. 288-289.
6. Blaisdell B. Some Notes on Teaching Myself Russian// English Today (ET), Volume 22, № 2, 2006. – P. 31-37.
7. Killie K. Subjectivity and the English Progressive// English Language and Linguistics. – V. 8, Part 1. – 2004. – P. 25-46.
8. Mwangi S. Prepositions Vanishing in Kenya// ET, V.20, № 1. – 2004. – P. 27-32.
9. Yajin J., Chenggang Zh. World Englishes and Contrastive Rhetoric// ET, V. 22, № 2. – 2006. – P. 11-22.

В.А. Шкунников

Финально-следственная множественность в русском и английском языках

Всякий раз, когда речь идёт о глаголах с семой созидания количества, имеют в виду глаголы так называемой проспективной множественности, которые по сути своей являются итоговыми глаголами: «в них подводится результат некоторым длительным или многократным действиям, которые либо пришли в соответствие с определённой внутренней нормой, либо превысили её» (Маслов 1984). Среди последних особое место занимают глаголы типа *достучаться, дозвониться, доработаться, добудиться, дозваться* и т.д., получившие в аспектологической литературе наименование «финально-следственные» (Аношкин 1991) и «финально-отрицательные» (Шелякин 1983). Иногда их называют «интенсивными» (Бондарко, Буланин 1967), однако этот термин носит родовой характер, поскольку в Академической грамматике русского языка его применяют к самым разным глаголам.

Специфичность финально-следственных глаголов была отмечена ещё В.И. Далем, который писал, что они обозначают «достижение чего-либо через действие...» (Даль 1980, т.4, с. 383). В последние десятилетия было предпринято несколько попыток уточнить эту довольно общую по своему содержанию трактовку В.И. Даля (практически приложимую ко всем результативным глаголам). В частности, М.А. Шелякиным они были выделены в особый способ действия, названный им, как уже отмечалось, финально-отрицательным. При этом констатировалось, что он «указывает на чрезмерность как разового, так и кратного проявления действия с отрицательными для субъекта последствиями» (Шелякин 1983, с.190). Однако такое понимание рассматриваемых глаголов нельзя считать оправданным: оно существенно сужает их объём, так как не учитывает того важнейшего обстоятельства, что действия данных глаголов могут приводить не только к отрицательным результатам, как в случаях: *докататься (до насморка), доНгрататься (до ссоры), дописаться (до головокружения), допиться (до белой горячки), добегаться (до сердцебиения)*, но и к результатам положительного характера: *достучаться, дозвониться, дознаться, додуматься, дождаться, догадаться* и т.д. Поэтому более корректным представляется мнение А.В. Бондарко, который полагает, что «глаголы с приставкой *до-* и частицей *-ся* обозначают доведение действия до результата как завершение предшествующих длительных усилий» (Бондарко, Буланин 1967, с. 19). Что же касается тех случаев, когда действия анализируемых глаголов приводят к отрицательным последствиям, они трактуются как явления частного характера (там же). Аналогичного взгляда придерживаются и авторы Малого академического словаря русского языка, констатирующие, что приставка *до-* в своём третьем значении (с частицей *-ся*) обозначает «доведение действия до определённого результата, например: *добудиться, дозвониться, дозваться*, а также достижение действием отрицательного результата, например: *доиграться, доболтаться, добегаться*» (МАС 1985, т.1, с. 407).

С учётом отмеченного, представляется целесообразным рассматривать глаголы данного структурно-семантического типа как одну из разновидностей глагольной количественности, предполагающую последовательное накопление

меры длительных или повторяющихся действий, ограниченных в своём развитии той временной точкой, когда они достигают какого-либо (положительного или отрицательного) результата. В этом заключается их принципиальное отличие от глаголов со значением кумулятивной количественности, которые обыкновенно констатируют накопление некоторой суммы предметов (объектов или субъектов) и лишь в ограниченном количестве случаев указывают на возрастающую меру действия. Ср.: *накупить открыток, нарожать детей, наколоть дров, намариновать огурцов и наряду с этим набежать (покупатели набежали), нападать (яблоки нападали)*, а также *напроказить, надышать, напылить, надымить, наследить* и т.д. От кумулятивных глаголов их отличает также и то, что все они без исключения предполагают обязательное употребление в своём составе постфиксa *-ся*, указывающего на своего рода «возврат» получаемого результата к субъекту, производящему соответствующее действие.

Обыкновенно финально-следственные глаголы употребляются в совершенном виде и не имеют имперфективных соответствий: *добудиться, дозваться, достучаться, добавоваться, добегаться, доскакаться, докупаться, долетаться, доведаться, досплетничаться, доболеться* и т.д. Имперфективные формы, как констатируют исследователи, встречаются в значительной степени реже: *доболтаться/добавтываться, доиграться/доигрываться, докуриться /докутиваться, докопаться/ докапываться, доискаться /доискиваться, дозвониться/ дозваниваться, дослужиться/ дослуживаться* (Бондарко, Буланин 1967, с.19; Шелякин 1983, с.190).

При употреблении совершенного вида чаще всего реализуются два частновидовых значения – конкретно-фактическое и результативное (перфектное): *Пришла полиция и забрала Машеньку... Посадили в острог. Допрыгала баба* (А.Чехов); *Я лежал на диване с каким-то глупым переводным французским романом и долежался до головной боли* (В. Гаршин); *Денщик его спал на полу; Герман на силу его добудился* (А. Пушкин); *Что это вы до сих пор не отпираете! Десять часов стучусь и никак не могу достучаться* (Н.Лесков). Глаголы несовершенного вида в основном предполагают указание на кратный характер обозначаемых ситуаций: *(Княжна) чувствовала, что он (Пьер) как будто докапывался до самых задушевных сторон её жизни* (Л. Толстой); *За работой он не знал меры в курении. Часто докуривался до сильнейших головных болей* (из газет); *Дозванивался он по этому номеру только по воскресеньям, потому что в другое время линия была занята* (из газет).

Финально-следственные глаголы, фиксируя достигнутость длительным или повторяющимися действием определённого результата (положительного или отрицательного), как и другие глаголы с количественной семантикой, предполагают существенную перестройку значения производящей основы, которая в составе производного глагола становится номинатором периферийной семы, фиксирующей, как или каким образом был достигнут соответствующий результат.

Деривационная база глаголов данного структурно-семантического типа характеризуется известной ограниченностью. Она включает в себя следующие основы:

а) глаголы движения: *бегать, ходить, ездить, плавать, летать, катать, гонять, лазить* и т.д.

- б) глаголы речи: *говорить, болтать, шептать* и т.д.
- в) глаголы со значением установления межличностных контактов: *звонить, звать, кричать* и т.п.
- г) мультиликативные глаголы: *стучать, кусать, глотать, прыгать, скакать, рубить* и т.д.
- д) эволютивные глаголы: *гостить, воевать гулять, играть, курить, командовать, танцевать, торговать, читать* и т.д.

Следует иметь в виду, что базой образования финально-следственных глаголов могут служить и некоторые другие основы, причём соответствующая словообразовательная схема позволяет использовать в непринуждённой речи такие образования, которые словарём обыкновенно не фиксируются (*довлюбляться, досвататься, довыпендриваться, доразводиться, досубсидироваться*).

Общее для русского и английского языков понятие финально-следственной множественности, положенное в основу настоящего анализа не исключает наличие между ними различий частного порядка. Так, наблюдение над материалом свидетельствует, что в системе английского глагола полностью отсутствуют специализированные морфемы, ответственные за реализацию данной семантики в русском языке. В большинстве случаев английский глагол, представленный в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить значение финальной следственности: реализация соответствующей семантики зачастую осуществляется здесь за счёт специализированного контекста. По той же причине английский глагол никак не реализует и признак многократности, отчётливо представленный в семантической структуре многих русских глаголов данного структурно-семантического типа.

Нередко в содержательной структуре финально-следственных глаголов, образованных с помощью приставки *до-*, совмещается признак многократности и равнозначный ему в функциональном отношении признак разовости. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передается значение разовости, тогда как признак последовательной многократности никак не репрезентируется и обыкновенно домысливается участниками коммуникации, как в случаях: *достучаться – knock till one is heard, knock at the door till it is open; добегаться – run till one is tired; добудиться – succeed in waking up; дочитаться – read till one's head begins to ache; дозваниваться/дозвониться – ring till one gets an answer; додумываться/додуматься – light up an idea; доработаться – work till one breaks down; докупаться – bathe till one catches cold etc.* Отмечаемое обстоятельство в полной мере отвечает так называемому интерпретационному способу количественной характеристики глагольного действия, когда значения многократности и разовости разграничиваются лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Обязательное участие контекста и различного рода ситуативных сведений в выражении финально-следственной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующих внимание либо на достигнутость действием результата, либо на его длительности и/или развитии во времени.

Литература

1. Аношкин А.Н. Глаголы с объёмно-следственными акциональными модификаторами и их синтаксические свойства : Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Воронеж, 1991.

2. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л., 1984.
3. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л, 1967.
4. Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978.
5. Малый академический словарь русского языка. М.. 1987.
6. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия: (Теоретические основы). – Таллин, 1983.

А.В. Щербакова

Грамматические свойства вещественного компонента пассивно-процессного сказуемого во французском и русском языках

В рамках семантико-функционального подхода осуществляется пересмотр старых представлений о характере выделяемых типов сказуемых. «На основе грамматической семантики репрезентантов вещественного компонента сказуемого, реализуемых в первичной функции, различаются три типа сказуемых: предметное, признаковое и процессное. С учетом функции предметное сказуемое дополнительно подразделяется на 3 варианта: тождественно-предметный, реляционно-предметный и измерительно-предметный. Признаковое сказуемое по функции не дифференцируется. Процессное сказуемое представлено двумя функциональными вариантами: активно-процессным и пассивно-процессным» (Ломов 2007, с. 297).

Пассивно-процессное сказуемое обозначает процесс, который мыслится как нечто задаваемое предмету со стороны, но, тем не менее, вступающее с ним в отношение «определенное – определяющее» (Ломов 1994, с. 165).

В состав пассивно-процессного сказуемого входят два содержательных компонента: бытийный и вещественный. Бытийный компонент констатирует существование/несуществование отношения «определенное – определяющее», интерпретируя его как реальное или ирреальное, настоящее, прошедшее или будущее и т.д. Вещественный компонент пассивно-процессного сказуемого называет признак, приписываемый предмету-подлежащему. Бытийный компонент и вещественный компоненты могут получать раздельное и синкетичное выражение (Ломов 2007, с. 319). Каждый из названных компонентов пассивно-процессного сказуемого имеет свои специфические особенности, проявляющиеся в плане изучения возможных средств его выражения и с точки зрения семантических и грамматических свойств его репрезентантов.

Во французском языке пассивно-процессное сказуемое может быть выражено аналитическим пассивом: *On dirait qu'elle a été abandonnée par les hommes, mise en quarantaine, oubliée par le temps* (Robbe-Grillet); *Les groupes de français sont encadrés par des formatrices expérimentées* (Label France) и местоименным пассивом: *La diligence tourna brusquement à droite et s'arrêta sur une place bordée de hautes demeures aux lignes simples et solennelles* (A.Maurois); *M. de Vence croit à Henri V, d'autres à Louis-Bonaparte, mais ce dernier s'est discrédiété par son équipée de Strasbourg et personne ne le prend au sérieux* (A.Maurois).

В русском языке «сказуемое пассивно-процессных предложений также морфологически неоднородно. «Оно выражается отчасти страдательными глаголами на -ся: *Предприятие строилось* какой-то иностранной фирмой,

отчасти страдательными причастиями: *Никто не забыт, ничто не забыто»* (Ломов 2007, с. 198).

Целью данной статьи является рассмотрение грамматических свойств репрезентантов вещественного компонента пассивно-процессного сказуемого, выраженного глаголом быть (*être*) и причастием прошедшего времени.

Грамматические свойства вещественного компонента пассивно-процессного сказуемого определяются в первую очередь морфологической природой репрезентирующего его причастия.

Во французском языке вещественный компонент пассивно-процессного сказуемого в данном случае представлен причастием прошедшего времени (participe passé): *Il a été blessé la nuit passée dans les circonstances mystérieuses et il a pris froid (F.Bastia)*. В русском языке вещественный компонент репрезентирован страдательными причастиями, как правило, в краткой форме и гораздо реже – в полной: «*Дверь квартиры номер восемь была обита кожей, а ручка закапана стеарином (В. Конецкий)*. Полные формы (в творительном падеже) возможны лишь при репрезентации экзистенционального компонента глаголами казаться – показаться, оказаться – оказываться, оставаться – оставаться: *В темноте бледное лицо солдата казалось высеченным из белого камня (К. Симонов)*.

Известно, что причастие объединяет свойства глагола и прилагательного. Как глагольная форма причастие обладает типичными глагольными свойствами, то есть изменяется по признаку переходности – неперходности, времени, способам действия. Сближаясь семантически и формально с прилагательными, причастие способно изменяться по родам и числам.

Причастия прошедшего вида, репрезентирующие вещественный компонент пассивно-процессного сказуемого, образованы в большинстве случаев от переходных глаголов, выражающих действие, которое переходит на предмет-подлежащее в виде пассивно-процессного признака: *Ma décision fut bientôt prise (A.France); Les vertus thérapeutiques de la thalassothérapie sont reconnues par le corps médical (Label France); Savez-vous, Martine, qu'il y a des choses qui ne se font pas; même si elles ne sont pas punies par la loi? (E.Triolet)*.

Однако некоторые переходные глаголы не могут представлять вещественный компонент пассивно-процессного сказуемого, так как они необратимы в пассив. «Аналитический и местоименный пассив образуется не от всех прямоперходных глаголов и не во всех случаях их употребления» (Корди 1974, с. 305). Так, например, пассив не образуется: 1) от глагола *avoir* в значении «иметь» и *comporter* «состоять»; 2) от глагола *rouvoir* «мочь», *vouloir* «хотеть» в конструкции с прямым дополнением; 3) от глаголов, которые имеют дополнение, называющее какую-нибудь часть тела (*balancer les bras, froncer les sourcils*); 4) от глаголов, присоединяющих дополнение меры, стоимости, длительности и т.п. (*durer une semaine* – длиться неделю, *coûter cent euros* – стоить сто евро).

Кроме того, можно выделить переходные глаголы, которые образуют пассив в основном значении, но не могут иметь пассив в некоторых переносных значениях. Например, глагол *prendre* образует аналитический пассив в своем основном значении «брать» и в оборотах, таких как *prendre une décision* «принимать решение», *prendre des habitudes* «усваивать привычки», но не образует пассива от оборотов *prendre le bateau* «сесть на пароход», *prendre le*

repas «есть, питаться», prendre congé «проститься», prendre un air grave «напустить на себя серьезность»: *A cette vue elle fut prise de tristesse et de gaieté; la gaieté l'emporta et elle sourit, d'un sourire qui s'arrêta brusquement* (A.France), но *On prend le bateau pour aller en Grande-Bretagne* (wikitravel.org); *Les trois hommes prirent congé* (A.Maurois).

В единичных случаях пассив образуется от непереходных (косвенно-переходных) глаголов. Это касается, например, глаголов obéir и désobéir, которые в старофранцузском языке являлись переходными и сохранили в современном французском языке способность образовывать пассив: *Je ne veux pas être désobéi; Parlez, Madame, et vous serez obéie; A quoi la force doit-elle servir qu'à défendre la raison? Et pourquoi commendent les hommes si ce n'est pour faire que Dieu soit obéi?* (<http://www/dico-en-ligne.com>).

Временное значение причастия прошедшего времени во французском языке определяется характером протекания действия исходных глаголов – предельностью/ непредельностью.

Причастие прошедшего времени непредельных переходных глаголов характеризуется семами незавершенности и одновременности. *Participe passé* в данном случае, с одной стороны, обозначает пассивно-процессный признак, соотносимый с моментом речи: *Pendant le déjeuner, j'eus mainte occasion d'apprécier la conversation de Madame De Gabry, qui m'apprit que le château était hanté par des fantômes et notamment par la dame «aux trois plis dans le dos»* (A.France); *Veuillez m'en dispenser, fit Valentine défaillante, je quitte Paris pour plusieurs mois, pour un an peut-être; je suis accablée de préparatifs...* (H.Gréville); *Il était absolument obsédé par la pensée de joindre les deux bouts, il courait sans cesse après l'argent* (F.Sagan); *La porte s'ouvrait, se refermait. Le froid entrait, était digéré peu à peu par la chaleur ambiante* (G.Simenon), с другой стороны, представляет пассивно-процессный признак безотносительно к моменту речи: *Cette région est délimitée au sud-est et au sud par le cours moyen de la Durance, entre Sisteron et Mirabeau* (J.Giono); *Il est très pris par ses études! dit Madeleine, toujours indulgente quand il s'agissait des neveux* (H.Troyat); *Et la géographie, c'est exact, m'a beaucoup servi. Je savais reconnaître, du premier coup d'œil, la Chine de l'Arizona. C'est très utile, si l'on est égaré pendant la nuit* (A. de Saint-Exupéry).

Предельные глаголы в отличие от непредельных «выражают направленность действия к пределу, к решающей точке, к цели» (Маслов 1962, с. 15). Таким образом, причастие прошедшего времени переходных предельных глаголов обозначают пассивно-процессный признак, который возник в результате ранее произошедшего и завершившегося до момента речи действия: *Madame, répondis-je, je suis autorisé par le tuteur de Jeanne à voir sa pupille tous les jours* (A.France); *Puisque tu as été choisi par tes camarades, j'ai décidé de ne pas m'opposer à ce voyage* (H.Troyat); *L'œuvre de Voragine y était sensiblement écourtée, mais cela m'importait peu* (A.France); *Le petit Andelys est très mal. Il a été blessé la nuit passée dans des circonstances mystérieuses et il a pris froid* (F.Bastia).

Семы завершенности и предшествования, которыми наделены причастия прошедшего времени, образованные от предельных переходных глаголов, особенно явственно проступают, когда указан источник воздействия или время реализации признака: *Au fond, la seule chose qu'il put reprocher au projet, c'était qu'il lui fut présenté par Madeleine!* (H.Troyat); *J'ai sauté sur mes pieds comme si j'avais été frappé par la foudre* (A. de Saint-Exupéry); *D'autre part, on a trouvé dans*

son missel un papier qui laisse supposer que cette mort a été provoquée par une émotion violente (G.Simenon); Mon cher ami, fit Rémi en serrant la main que son beau-père avançait vers lui, j'étais honoré de votre amitié longtemps avant d'entrer dans votre famille (H.Gréville).

Являясь согласуемой формой, причастие прошедшего времени, подобно прилагательному, согласуется в роде и числе с существительными, которые в нашем случае репрезентируют подлежащее пассивно-процессного предложения: *Simon était envahi par des sentiments contradictoires (Robbe-Grillet); La plage, quand elle y arriva, était entièrement découverte par la marée (H.Troyat); Toutes les pièces du rez-de-chaussée étaient à l'enfilade, séparées par des portes grandes ouvertes (G.Simenon).*

Итак, грамматические свойства репрезентантов пассивно-процессного сказуемого определяются двойственной морфологической сущностью причастия прошедшего времени, обладающего характеристиками глагола и прилагательного. Во французском языке глагольные признаки вещественного компонента проявляются в том, что причастия-репрезентанты вещественного компонента образуются от переходных и за редким исключением от непереходных глаголов. Предельность/непредельность глагола, от которого образовано причастие, влияет на его временное значение. Предельность указывает на завершенность, законченность действия, а непредельность подчеркивает его длительность, протяженность во времени. В русском языке вещественный компонент представлен краткими страдательными причастиями прошедшего времени, образованными от переходных глаголов совершенного вида. В обоих языках, однако, в отдельных случаях пассив образуется от непереходных (косвенно-переходных) глаголов. Реализуя адъективные признаки, причастие прошедшего времени в русском и во французском языках согласуется в роде и числе с существительным, репрезентирующим подлежащее пассивно-процессного предложения.

Литература

1. Корди Е.Е. Пассивные конструкции во французском языке // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. – Л., 1974. – С. 289 – 315.
2. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису русского языка – М., 2007.
3. Ломов А.М. Типология простого предложения. – Воронеж, 1994.
4. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – С. 7 – 32.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернина М.А., Стернин И.А. (Воронеж) Сопоставительно-параметрический метод исследования: возможности и перспективы	с.3
Копров В.Ю. (Воронеж) Модель семантико-функционального сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков	с.18
Лукина Л.В. (Воронеж) К проблеме изучения межъязыковых соответствий	с.22

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Бабушкин А. П. (Воронеж) Объективация гендерных отличий в английских и русских зоонимах	с.30
Бобырева Н.Н. (Казань) Метафоризация значений слов как способ терминообразования (на материале русской и английской терминосистем художественной гимнастики)	с.34
Вострикова И.Ю. (Воронеж) Национальная специфика структурной организации лексико-семантических полей «Трудовая деятельность» в русском и английском языках	с.38
Деркач С.И. (Воронеж) Национальная специфика тематической группы «Общие наименования политических понятий» в русском и английском языках	с.41
Дмитриева С.В., Кондратьева З.И. (Сыктывкар) О цветообозначениях в составе лексики немецкого и французского языков	с.44
Карпенко И.С. (Воронеж) Особенности тематической отнесенности наиболее частотных прилагательных в английском и русском языках	с.48
Костенко Н.В., Кочетова Н.В. (Воронеж) Национально-специфические особенности лексико-семантической группы прилагательных с общим значением «Отрицательные черты характера человека» (в русском и английском языках)	с.50
Кривенко Л.А. (Воронеж) Многосеменные существительные русского и английского языков в сопоставительном аспекте	с.54
Никитина И.Н. (Воронеж) Особенности семантом наиболее частотных многосеменных глагольных лексем русского и английского языков	с.58

Панкратова М.Е. (Воронеж) Дихотомия «близко/далеко» в пространственной семантике русских и английских наречий	с.61
Петросян Ж.В. (Воронеж) Тематическая отнесенность русско-английских адъективных лакун	с.66
Портнихина Н.А. (Воронеж) Национальная специфика семантического развития лексем <i>звезда</i> и <i>star</i> в русском и английском языках	с.68
Рассоха М.Н. (Владивосток) К вопросу о количестве лексических расхождений в британском и американском вариантах английского языка	с.76
Свистова А.К. (Воронеж) Звуковая синестезия в описании эмоциональных состояний (на материале русской и немецкой лирики XIX века)	с.80
Синицына Н.А. (Воронеж) Символика цвета: чёрный (на материале испанского и французского языков)	с.84
Суханова О.В. (Воронеж) Обобщающие русско-английские глагольные лакуны	с.86
Таныгина Е.А. (Курск) Особенности внутреннего образа цветообозначения <i>голубой</i> в сознании носителей русской и мьянманской культур	с.89
Черникова С.Н. (Воронеж) Фразеологизмы, включающие компонент <i>почва</i> в русском и английском языках	с.92
Чернова Н.А. (Воронеж) Выявление национально – специфических различий в подгруппах «Здания и помещения для жилья» русского и английского языков с помощью сопоставительно-параметрического метода	с.95

Раздел 3.

Сопоставительные исследования концептосфер

Барабушка И.А. (Воронеж) Языковая репрезентация пространства населенных пунктов в разных лингвокультурах	с.98
Великанова А.Л. (Белгород) Концепт <i>ландшафт</i> в языковом сознании русских и французов	с.102
Воевудская О.М. (Воронеж) Свободная сочетаемость как способ выявления когнитивных признаков концепта (на примере свободной сочетаемости лексем «талант» и 'talent' в русском и английском языках)	с.105
Гольдберг В.Б., Кулькова Е.С. (Тамбов) Лексические средства, описывающие событие <i>плач человека</i> (на материале английского и русского языков)	с.107
Топорова В.М. (Воронеж) Методика сопоставительного описания концептуальных блоков языкового сознания	с.112

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области лингвокультурологии, дискурса и коммуникативного поведения

Беляевская С.А. (<i>Волгоград</i>) Лингвокультурные особенности суеверий в американском и русском сознании	с.115
Дробышева Т.В. (<i>Воронеж</i>) Сопоставление образа персонажа в оригинале и переводах по параметру коммуникативно-прагматического соответствия	с.117
Зайцева Е.В. (<i>Воронеж</i>) Культурная обусловленность письменного фатического общения	с.121
Исупова М.М. (<i>Москва</i>) Когнитивная модель делового письма-извинения в русском и английском языках	с.125
Куралесина Е. Н. (<i>Санкт-Петербург</i>) Сопоставительный анализ развития языковых законодательств Франции и Квебека	с.131
Лопарева Ю.В. (<i>Воронеж</i>) Прототипы белого цвета в испанской, итальянской и русской лингвокультурах	с.134
Стеблецова А.О. (<i>Воронеж</i>) Институциональное общение в формате Workplace Discourse: к вопросу о сопоставлении деловых коммуникативных культур	с.137
Филиппова Т.Н. (<i>Воронеж</i>) Самооценка личности и ее выражение в русском и испанском языках	с.142
Шеминова Н.В. (<i>Воронеж</i>) Этнокультурная специфика топонимических названий-ойконимов России, Испании и Китая	с.146
Шишкина Н.М. (<i>Воронеж</i>) Лексические и грамматические особенности научно-технических текстов русского и английского языков	с.152
Якушкина М.О. (<i>Воронеж</i>) Особенности академического общения в российском и американском вузе	с.156
Ярцева О.А. (<i>Воронеж</i>) Речевые ситуации «поздравление»/«пожелание» в русском, немецком и испанском языках	с.160

Раздел 5.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

Гох О.В. (<i>Сыктывкар</i>) Фонетические средства выражения эмоций в английском и русском Интернет-языках	с.162
Дворникова Е.В. (<i>Воронеж</i>) Второстепенное признаковое сказуемое во французском и русском языках	с.168

Дурова Е.Н. (<i>Воронеж</i>) Способы выражения процессуального состояния субъекта (на материале русского и испанского языков)	с.173
Караваева Н.А. (<i>Воронеж</i>) Основные особенности русских и английских сложноподчиненных конструкций, выражающих отношения ВЫВОД-АРГУМЕНТАЦИЯ	с.177
Митрофанова Е.Н. (<i>Курск</i>) Функционирование интонации в речи носителей английского языка и в речи изучающих английский язык как иностранный	с.181
Шкунников В.А. (<i>Воронеж</i>) Финально-следственная множественность в русском и английском языках	с.185
Щербакова А.В. (<i>Воронеж</i>) Грамматические свойства вещественного компонента пассивно-процессного сказуемого во французском и русском языках	с.188
Содержание	с.192